

Александр Филюшкин
Первое противостояние России и Европы. Ливонская
война Ивана Грозного

АЛЕКСАНДР ФИЛЮШКИН

ПЕРВОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ РОССИИ И ЕВРОПЫ

ЛИВОНСКАЯ
ВОЙНА
ИВАНА
ГРОЗНОГО

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

Аннотация

Книга Александра Филюшкина посвящена масштабному столкновению на Балтии во второй половине XVI века с участием России, Ливонии, Швеции, Польши, Великого княжества Литовского, Дании, Священной Римской империи и Пруссии. Описываемые события стали началом долгой череды противостояний России и Европы, определивших характер международного общения последующих столетий. Именно в конце XVI века военной пропагандой были рождены многие штампы и мифы друг о друге, которые питали атмосферу взаимной неприязни и которые во многом живы до сих пор. Александр Филюшкин — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Александр Филюшкин Первое противостояние России и Европы. Ливонская война Ивана Грозного

УДК 94(47)«1558/1583»
ББК 63.3(2)43-68
Ф57

Редактор серии Д. Споров
Александр Филюшкин
Первое противостояние России и Европы: Ливонская война Ивана Грозного / Александр Филюшкин. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — (Серия «Что такое Россия»).
Иллюстрации в тексте и на 4-й странице обложки: Т. Иванкова

ISBN 978-5-4448-1029-3

© А. Филюшкин, 2018
© ООО «Новое литературное обозрение», 2018

Введение

Русские всегда смотрели на Европу со смешанным чувством. Ее любили, желали, ненавидели и боялись одновременно. Мечтая о преодолении собственных недостатков

и развитии в единстве с европейцами, Россия в то же время ни с кем не воевала так много, как с Европой. Причем противостояние было обоюдным. Начиная с XVII века каждое столетие начиналось крупным европейским вторжением в Россию: польская и шведская интервенции в Смуту 1604–1618 годов, походы шведского короля Карла XII во время Северной войны 1700–1721 годов, Отечественная война 1812 года, Первая мировая война 1914–1918 годов, Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Но и Европа видела крупные наступления русских: победу над Речью Посполитой в войне 1654–1667 годов и присоединение Украины, разгром Шведской империи в годы Северной войны и присоединение Прибалтики, взятие Берлина в 1760 году, разделы Польши 1772, 1793, 1795 годов, взятие Парижа в 1814 году, подавление венгерской революции 1848 года, победоносную войну на Балканах в 1877–1878 годах, советско-финскую войну 1939–1940 годов и победу во Второй мировой войне 1939–1945 годов.

В связи с этим важен вопрос — когда, собственно, началось это парадоксальное сочетание взаимного притяжения и войны? Ведь мы не видим ничего подобного в русском и европейском Средневековье. Киевская Русь была вполне интегрирована в западные королевства. А средневековые княжества Восточной Европы довольно быстро или вошли в состав европейских государств — Королевства Польского и Великого княжества Литовского и Русского, или просто на несколько веков выпали из сферы внимания Европы, оказавшись в орбите влияния Монгольской империи.

Историю попыток «прорубания» окна в Европу принято начинать с эпохи Петра I, несмотря на его довольно утилитарное отношение к западным ценностям. Вспомним приписываемое ему знаменитое высказывание: «Нам нужна Европа на несколько лет, после чего мы повернемся к ней задом». Но удачному опыту петровской вестернизации, равно как и триумфальному вхождению в Европу в результате Северной войны должно было что-то предшествовать. Когда Россия начинает предпринимать осмысленные и целенаправленные действия, которые можно трактовать как попытки первого проникновения в Европу?

Пробные шаги по сближению с Западом Россия стала делать практически одновременно с образованием «государства всея Руси» в конце XV века. Путей для этого было избрано два: 1) вхождение в Европу через заключение дипломатических, военных и династических союзов и т. д.; 2) военное проникновение в Европу. Эти, казалось бы, противоположенные подходы изначально прекрасно сочетались в политике России.

Встав на первый путь, Россия пытается войти в европейские военно-политические коалиции. Начиная с 1489 года европейские дипломаты рассматривают ее как потенциального члена «антимусульманской лиги» — союза европейских государств под эгидой Священной Римской империи, направленного против турецкой агрессии. Москве предлагались уния православной и католической церквей, королевский титул для великого князя владимирского и московского и вхождение на правах королевства в состав подвластных императору королевств, графств, курфюршеств и прочих земель.

Условия были неприемлемыми: для страны, только что сбросившей татарское иго, суверенитет был высшей ценностью. Жалование королевского титула из рук императора в глазах Москвы не сильно отличалось от получения ханского ярлыка на княжение. С Турцией тогда Россия не имела вообще никаких конфликтов (первая русско-турецкая война случится спустя 100 лет, в 1569 году). Вассал Османской империи — Крымское ханство — до 1507 года был союзником, а крымский хан звался «братом» великого князя московского. То есть «антимусульманская лига» России была не нужна, но ради налаживания контактов с Западом великие князья продолжали переговорный процесс, не делая реальных шагов по вступлению в «лигу». К 1520-м годам в Ватикане и при императорском дворе наступило разочарование в России как потенциальном члене антимусульманского альянса. Она не захотела «входить в Европу» на чужих условиях, а в другом качестве была неинтересна.

Россия могла стать партнером и в другом европейском противостоянии — схватке Габсбургов и Ягеллонов за восточноевропейские земли (Венгрию, Чехию, Молдавию). Она

поддерживала Габсбургов. В 1513 году после визита в Москву посла Священной Римской империи Георга Шнитценпаумера фон Зоннега чуть не был заключен русско-германский союз, но спустя два года на Венском конгрессе император Максимилиан помирился с Ягеллонами, и перспективы альянса померкли.

Россия продолжила свои попытки завязать тесные связи с германским миром. В 1517–1519 годах она оказывала денежную поддержку военным действиям Тевтонского ордена против Польши, попросту говоря — финансировала войну немецких рыцарей против поляков. Ставка была сделана на то, что эту помощь оценят Габсбурги. Но партнер был выбран неудачно: орден оказался бездарным воителем и проиграл войну, а вскоре, в 1525 году, сдался Польше, став ее вассалом. Россия вновь осталась без союзников.

Последующие попытки завести друзей в Европе путем династических браков были столь же безуспешны. В 1560 году возник план женить Ивана Грозного на одной из дочерей польского короля Сигизмунда II Августа, Анне или Катерине Ягеллонках. Россия к этому времени находилась на грани войны с Польшей, и женитьба могла бы разрядить обстановку и превратить врагов в союзников. Сватовство провалилось, Катерину в 1562 году отдали замуж за будущего шведского короля, а тогда финляндского герцога Юхана III. Датского герцога Магнуса хотели расположить к России, женив его в 1573 году на дочери казненного князя Владимира Старицкого Марии, однако русская жена не смогла остановить Магнуса — он предал Ивана Грозного и перешел на службу польскому королю Стефану Баторию. В 1581 году Иван Васильевич при живой жене Марии Нагой сватался к английской королеве, рассчитывая на союз с Англией. Планы женитьбы вызвали большой переполох в придворных кругах и не нашли поддержки у русской аристократии. Когда Иван Грозный умер, дьяк Щелкалов злорадно бросил английскому послу Боусу: «Умер твой английский царь».

Раз не получались союзы, Россия вступала на второй путь и начинала воевать: в 1500–1503 годах — с Немецким орденом в Ливонии, в 1487–1494, 1500–1503, 1507–1508, 1512–1522, 1535 годах — с Великим княжеством Литовским и Королевством Польским, в 1555–1557 и 1589–1595 годах — со Швецией.

В 1558–1583 годах развернулся вооруженный конфликт России с немецким Ливонским орденом, Великим княжеством Литовским и Королевством Польским, Швецией при участии наемников из многих западных стран — Священной Римской империи, Венгрии, Пруссии, Италии, Франции и даже Шотландии. Его принято называть «Ливонской войной». Размах этого столкновения позволяет квалифицировать его как первую войну России и Европы, не только развернувшуюся в военной и политической сфере, но и приведшую к противостоянию двух миров, культур, социально-политических систем. Его последствия радикально изменили облик Восточной Европы: два государства (Ливония и Великое княжество Литовское) прекратили свое существование. Вместо Ливонии возникли вассальные образования в Прибалтике (подчиненная Польше Курляндия, шведская Северная Эстония, польское герцогство Задвинское). Великое княжество Литовское утратило свою независимость и в 1569 году по Люблинской унии слилось с Польшей в единую Речь Посполитую «обоих народов».

Считается, что война за Прибалтику роковым образом сказалась на судьбе России. По определению историка Александра Янова, поражение привело ее к «политическому коллапсу». Если в 1550-е годы она претендовала на роль европейского лидера во всех сферах — от политики до культуры, то после 1583 года она превратилась в третьеразрядную страну. Результатом Ливонской войны считают разорение и обнищание Северо-Запада России, что привело к социально-экономическому кризису и введению на этих землях в конце XVI века крепостного права. Ряд ученых полагает, что одной из причин появления зловещей опричнины была необходимость военной мобилизации всех ресурсов страны для продолжения борьбы с Европой.

Для западных государств война оказалась куда более успешной. Ливония погибла, но ее бывшие земли вошли в сферу влияния Польши, Швеции и Дании. В будущем верх здесь

одержит Швеция, и в Прибалтике в XVII веке наступит время, которое в современной латышской или эстонской историографии именуется «золотым веком». В ходе войны Королевство Польское и Великое княжество Литовское объединились в Речь Посполитую от Поморья до Карпат, или «от моря и до моря», как гордо говорили ее жители, имея в виду Балтийское и Черное моря. Здесь формировались будущие украинский и белорусский народы, то есть закладывались основы многонационального облика Восточной Европы.

Идеологические и геополитические последствия первого противостояния России и Европы мы ощущаем до сих пор, а потому чрезвычайно важно деконструировать историографические клише, мешающие пониманию этой войны. В основу книги положены исследования, проводившиеся автором почти двадцать лет (первая публикация на тему Ливонской войны вышла в 1995 году). Они стали возможными благодаря многолетней поддержке разных организаций и фондов: Российского гуманитарного научного фонда, Министерства образования и науки Российской Федерации, Санкт-Петербургского государственного университета, Ягеллонского университета (Краков, Польша), программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», Фонда Герды Хенкель и др. Считаю своим долгом всем им еще раз выразить огромную благодарность.

Старый Петергоф, 2017 год

Глава 1. Что такое Ливонская война

Что мы знаем о Ливонской войне?

«Сорок миллионов школьных учебников не могут ошибаться». Когда мы говорим, что что-то «знаем» о каком-либо событии прошлого, то, как правило, имеем в виду не интеллектуальные изыски ученых, зачастую известные только самим ученым, а некую общепринятую точку зрения, набор клише. Он тиражируется в школьных учебниках, музейных экспозициях, научно-популярных фильмах и заявлениях политиков. Это своего рода «шаблон» знаний о прошлом, устойчивый стереотип, всем понятный, усвоенный и легко узнаваемый. Правда, когда начинаешь выяснять происхождение отдельных клише и их соответствие исторической действительности — они оказываются весьма далекими от реальных событий.

Итак, что «принято знать» о Ливонской войне? В учебниках она обозначена как война России с Ливонией, Литвой, Польшей и Швецией в 1558–1583 годах. Краткое резюме событий, которое можно считать историографическим каноном, можно изложить следующим образом: для развития русской торговли Иван Грозный хотел прорваться к Балтийскому морю, но ему мешал Ливонский орден, который устроил торговую блокаду Русского государства. Чтобы снести это досадное препятствие, в январе 1558 года русская армия вторгается в Ливонию и быстро добивается успеха. Когда в войну вступает Польско-Литовское государство, его сначала тоже «бьют» (наивысшей точкой успеха было взятие Полоцка в 1563 году). В 1577 году русская армия покорила почти всю Ливонию, но в 1579 году новый польский король Стефан Баторий наносит контрудар, возвращает Полоцк, в 1580 году берет Великие Луки и в 1581 году осаждает Псков. Шведы в Прибалтике «пожинают плоды чужих побед» и теснят Россию, у которой не получается воевать на два фронта. В итоге Иван Грозный войну проиграл, подписал Ям-Запольское перемирие с Речью Посполитой и Плюсское перемирие со Швецией. Россия не добилась выхода к Балтийскому морю и потеряла все завоевания в Ливонии. Война имела массу негативных последствий: русское общество устало от нее, наступил социально-экономический кризис, который косвенно способствовал введению крепостного права и даже наступлению Смутного времени.

В трудах историков можно прочесть весьма яркие оценки и характеристики Ливонской войны. Например, Николай Карамзин осудил Ивана Грозного за прекращение войны

и бездарный мир: «Россия казалась слабою, почти безоружною, имея до восьмидесяти станов воинских или крепостей, наполненных снарядами и людьми ратными — имея сверх того многочисленные воинства полевые, готовые устремиться на битву! Зрелище удивительное, навеки достопамятное для самого отдаленнейшего потомства, для всех народов и властителей земли; разительное доказательство, сколь тиранство унижает душу, ослепляет ум привидениями страха, мертвит силы и в государе и в государстве! Не изменились россияне, но царь изменил им!.. Так кончилась война... постыдная для Иоанна, который в любопытных ее происшествиях оказал всю слабость души своей, униженной тиранством; который, с неутомимым усилением домогаясь Ливонии, чтобы славно предупредить великое дело Петра, иметь море и гавани для купеческих и государственных сношений России с Европою — воевав двадцать четыре года непрерывно, чтобы медленно, шаг за шагом двигаться к цели — изгубив столько людей и достояния — повелевая воинством отечественным, едва не равносильным Ксерксову, вдруг все отдал — и славу и пользу».

То есть Карамзин обвинил Ивана Грозного, что тот не стал Петром I и не добыл для России выход к морю еще в XVI веке. Фигура Грозного идеально подходила для тезиса «первого историографа» о зависимости судеб страны от моральных качеств государя. Царь Иван оказался жесток и порочен и из-за низости натуры фактически предал героизм своих подданных, обратив в прах их усилия. Какой урок для современников!

Сергей Платонов в чем-то предвосхитил подход советских историков: «Ливония, на которую он (Иван Грозный. — А. Ф.) направил свой удар, представляла в ту пору, по удачному выражению, страну антагонизмов. В ней шла вековая племенная борьба между немцами и аборигенами края — латышами, ливами и эстами. Эта борьба принимала нередко вид острого социального столкновения между пришлыми феодальными господами и крепостной туземной массой». Россия, таким образом, уничтожая орден, оказывалась на стороне «туземной массы» и помогала «братским прибалтийским народам» свергнуть немецкое иго. Эта мысль получила большое развитие в советской историографии, так как идеально подходила для обоснования прав СССР на Прибалтику. Мол, эсты и латыши встречали с цветами еще войска Ивана Грозного...

Правда, С. Платонов отмечает, что «...борьба, тянувшаяся четверть века, окончилась полной неудачей. Причины неудачи находятся, конечно, в несоответствии сил Москвы с поставленной Грозным целью. Но это несоответствие обнаружилось позднее, чем Грозный начал борьбу: Москва стала клониться к упадку только с 1570-х годов. До тех же пор ее силы казались громадными не только московским патриотам, но и врагам Москвы. Выступление Грозного в борьбе за Балтийское поморье, появление русских войск у Рижского и Финского заливов и наемных московских каперских судов на Балтийских водах поразило Среднюю Европу... Принимались меры к тому, чтобы не допускать ни московитов к морю, ни европейцев в Москву и, разобшив Москву с центрами европейской культуры, воспрепятствовать ее политическому усилению». Таким образом, Ливонская война помещалась историком в область векового противостояния России и Запада, являлась примером козней Европы против русских.

Эти идеи получили развитие в советской исторической науке, которая, впрочем, посвятила войне всего одну монографию «Ливонская война» (1954), написанную в ключе сталинских историографических установок. Ее автор, Владимир Королюк, утверждал, что сущностью международной деятельности России в XVI веке было осуществление «широкой внешнеполитической программы», начатой еще Иваном III. Она заключалась в борьбе на трех направлениях: с татарскими ханствами, возникшими на обломках Золотой Орды, с Великим княжеством Литовским и Королевством Польским за захваченные ими украинские и белорусские земли и с Ливонским орденом и Швецией, «стремившимися изолировать Русское государство от необходимого ему естественного и удобного выхода к Балтийскому морю».

Ученый оправдывал войну тем, что Запад установил настоящую блокаду Русского государства чтобы не допустить его развития: «Русское ремесло задыхалось от отсутствия

цветных и благородных металлов», поступлению которых мешал «жалкий осколок средневековья» — Ливонский орден. За войну выступали прогрессивные силы общества, им противились предатели и отсталые представители бояр-феодалов: «Программа борьбы за Прибалтику отвечала интересам дворянства и посадской верхушки. Дворянство рассчитывало на новые поместные раздачи земель в Прибалтике. Все более втягивающееся в рыночные отношения дворянское хозяйство нуждалось и в установлении правильных торговых отношений со странами Восточной и Западной Европы. Особенно большое значение торговля через Прибалтику имела для растущих русских городов. Русское купечество стремилось к тому, чтобы открыть русским товарам европейские рынки. Поэтому вполне естественно, что дворянство и посадские верхи оказывали энергичную поддержку внешней политике Грозного».

Спустя несколько лет после войны с Германией тезис о борьбе за выживание был понятен и легко ложился на идеологию, господствовавшую в стране. Необходимость прорыва к морю, дальновидность политики царя с его «прогрессивным войском опричников» для советских историков 1950-х годов была очевидной. Позже эти оценки, в несколько смягченном виде (без одобрения «прогрессивных опричников»), были повторены в ставших классическими работах советских историков (А. Зими́на, Р. Скрынникова и др.) и попали во все школьные учебники.

После распада СССР Ливонская война вновь оказалась в центре внимания ученых, только уже в иной роли. Для эстонской, латышской, литовской и белорусской историографий она стала аргументом в пользу тезиса, что агрессивность России против своих соседей имеет глубокие исторические корни и восходит по крайней мере ко временам Ивана Грозного. Белорусский историк Андрей Янушкевич писал, что Ливонская война стала «последним испытанием в борьбе за государственную независимость» Великого княжества Литовского, которое считается историческим предшественником Белорусского государства.

В российской историографии 2000-х годов тенденции деконструкции предшествовавшей историографии также затронули концепцию Ливонской войны. Причем они проникли и в научные труды, и в публицистику. В 2003 году вышло фундаментальное исследование Анны Хорошкевич «Россия в системе международных отношений в середине XVI века». По сравнению с предшественниками здесь оценки радикально изменились. Хорошкевич стремилась изобразить войну прежде всего как конфликт внутри русского общества — между царем-тираном вместе с его кровавыми приспешниками, которые вели агрессивную политику по отношению к соседним странам, и либерально настроенным обществом, которое не хотело войны, а хотело дружить с Западом. Политика Ивана Грозного удостоена хлестких оценок: «... несомненная победа русской дипломатии над здравым смыслом» — о русско-ливонском договоре 1554 года; «последнее требование звучало издевательски» — о переговорах о размерах дани в 1557 году; «стиль ведения войны... вызвал в Европе ужас» — о январском походе 1558 года; «из нашего „далека“ можно оценить программу А. Ф. Адашева... как программу развития гражданских свобод» — о деятельности «Избранной рады»; «исход этого этапа, внешне похожий на триумфальную победу, по существу оказался серьезнейшим поражением» — о взятии Полоцка в 1563 году; «крах ливонской авантюры» — о русско-ливонском перемирии 1570 года. Ливонская война, на взгляд Хорошкевич, была не по силам русскому обществу, а потому продолжение войны вызвало проблемы с мобилизацией ресурсов. Инструментом мобилизации стала опричнина Ивана Грозного, то есть борьба за Ливонию косвенно способствовала установлению страшного деспотического террора против своих подданных.

Негативные оценки Ливонской войны получили развитие в недавней научно-популярной книге екатеринбургского историка Александра Шапрана «Ливонская война 1558–1583 годов» (2009). Он считает войну «главной политической ошибкой московского правительства», а ее проигрыш — показателем «полной политической несостоятельности Московского государства той эпохи». По мнению автора, война «... своим плачевным исходом, мягко говоря, не приумножила славы Отечества... любая

оправдательная трактовка причин Ливонской войны отдает неприкрытым цинизмом». Иван Грозный — один из «самых жалких и ничтожных правителей русского государства». Война оказала большое негативное влияние на развитие России, «одна из величайших военных авантюр мировой истории полностью провалилась».

Как мы видим, оценки и характеристики Ливонской войны в разные времена были зависимы от политической и идеологической конъюнктуры. Авторы писали — и продолжают писать — не о Ливонской войне, а о своем времени. Как очень точно выразился эстонский историк Маргус Лаидре, «мы помним не прошлое, мы вспоминаем настоящее». Перед нами не столько исторические реконструкции, сколько диалог интеллектуалов с современными им правителями, которых или восхваляют, или нещадно критикуют. В какой-то степени это неизбежно, потому что историк — сын своего времени. В ситуации с Ливонской войной подобная тенденциозность проявляется особенно ярко, поскольку война изучена слабо, и недостаток фактов легко подменить хлесткими оценочными суждениями.

Кто назвал войну Ливонской?

Если читать не историков XIX–XXI веков, а источники, то мы не встретим никакой Ливонской войны. Войны, как верно заметил М. Лаидре, начинаются безмянными и чаще всего проходят безмянными. Имя свое они получают у потомков. Мало того, в исторических источниках нет описания двадцатипятилетней кампании, растянутой с 1558 по 1583 год. На страницах летописей, разрядных книг, дипломатических документов рассказывается о бесконечной череде боев, походов, осад крепостей. Одно сражение сменяет другое, и так продолжается весь XVI век. Как известно, за пятьдесят один год правления Ивана Грозного (1533–1584) мирных было... три.

Изображение военных действий в летописании четко делится на два типа. Летописные своды времени Ивана Грозного сосредотачиваются на первых, успешных годах войны, покорении Прибалтики, взятии Полоцка, а после 1567 года изложение событий обрывается. Летописцы конца XVI века и компилятивные летописные тексты XVII века, напротив, подробнее пишут о 1570-х годах, причем записи составлены часто на основе разрядов и явно носят «служебный характер»: возвысить роль того или иного рода, обосновать древность его службы государю. К концу XVI века относится «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков», в которой говорится о грандиозной победе, одержанной псковичами над польским королем. То есть, согласно русской книжности XVI века и вопреки историкам Нового времени, Россия вовсе не проиграла, а выиграла войну...

А откуда тогда на страницах русских исторических трудов взялась Ливонская война? В русской историографии она впервые появляется в 1786 году в «Истории российской от древнейших времен» князя Михаила Щербатова. В ней был впервые употреблен термин «Лифлянская война» для обозначения боевых действий 1558–1582 годов как последовательных эпизодов борьбы за Прибалтику, длившейся двадцать пять лет.

Правда, труд Щербатова мало кто прочитал, и на историографию он особого влияния не оказал. Но Щербатова прочел следующий историк, который и утвердил в умах существующий донныне взгляд на Ливонскую войну, — Н. Карамзин. В «Истории государства Российского» он заложил многие дискурсы ее восприятия, написав о войне как прорыве к Балтийскому морю, о том, что Иван IV якобы уже с 1554 года стал именоваться «государем Ливонской земли» (ошибка, порожденная неверной датой в публикации Гаклюйта), о том, что конфликт был вызван торговой и культурной блокадой Западом Российского государства. Карамзин приписал Ивану Грозному крылатую фразу «Я не папа и не император, которые не умеют защитить своих храмов» и утверждал, что защита православия была также одним из побудительных мотивов вторжения в Ливонию.

Главное, что сделал Карамзин, — он изобразил войну как глубоко продуманную стратегическую кампанию по обретению Россией статуса европейской державы, для чего был необходим выход к морю. Якобы Иван IV в XVI веке понял эту задачу, но не справился

с ней. Именно это положение станет основой концепции Ливонской войны в российской историографии с начала XIX по XXI век.

То есть можно сказать, что Ливонская война в своих хронологических и концептуальных рамках возникла не ранее конца XVIII — начала XIX века и была сочинена Щербатовым и Карамзиным в духе своего времени, когда Россия прочно утвердилась на берегах Балтийского моря, а Екатерина II делила и присоединяла огромные пространства Речи Посполитой (кстати, врага России в Ливонской войне). В XVIII веке политики и историки уже могли мыслить такими категориями, как «выход к морю», «мировая держава», «стратегические интересы империи» и т. д. — вспомним знаменитый «Греческий проект» Екатерины II и Архипелагские экспедиции. Мало того, такое мышление считалось единственно верным и легко приписывалось предкам: их поступки и деяния, столь непонятные на страницах летописей, обретали смысл, понятный современникам.

А как Ливонскую войну воспринимали по другую сторону фронта? Как смотрели на войну ее европейские участники? Тут тоже не все просто. В первоначальных ливонских хрониках (И. Шмидта, И. Реннера) она изображена как очередные военные столкновения с русскими — тогда еще никто не понимал масштабов происходящего. Момент осмысления наступил, когда в конце концов Ливония погибла. Трагический конец самой восточной провинции Священной Римской империи оказался прекрасным примером и для католиков, и для протестантов. В 1564 году в Антверпене, Лювене и Кельне тремя изданиями вышла первая история Ливонской войны («*Historia belli Livonici*»), написанная Тилльманом Бреденбахом, который, впрочем, лично не участвовал в конфликте. Собственно, этим сочинением он и ввел в обиход термин «Ливонская война».

Правда, дальше начинаются отличия от той версии, которую мы связываем с историографическим канонем Ливонской войны. Для Бреденбаха кампания начинается не с вторжения русских войск в 1558 году, а с конфликта Ливонии и Польши в 1556 году. Основной смысл происходящего, согласно католику Бреденбаху, — борьба между правой католической верой и неверными протестантами. Эта война неугодна Господу, и он наказывает за протестантскую ересь нашествием иноплеменных (русских, которые выступают орудием Божьего гнева), гибелью государства и т. д.

Протестантская версия истории гибели Ливонии получила развитие на страницах знаменитой «Хроники провинции Ливония» («*Chronica der Provintz Lyfflandt*») ливонца Бальтазара Рюссова (1578). Здесь было все наоборот: причиной несчастий Ливонии были объявлены католики. Немецкий орден морально разложился, выродился, рыцари погрязли в разврате и пьянстве. Русские-московиты для Рюссова, несомненно, захватчики и агрессоры, но вина за падение ливонского государства лежит в первую очередь на бездарных политиках ордена, которые легкомысленно отнеслись к русской угрозе, пили и веселились, «пока над всеми не пролетел великий коршун». Война у Рюссова изображена как череда непрерывных боевых действий, начиная с польско-ливонского кризиса 1556 года и заканчивая годом выхода «Истории...», выдержавшей в XVI веке три издания (1578–1584).

Определение «Ливонская война» есть в других европейских сочинениях, выходивших в XVI веке. Их авторы называют разные даты ее начала (1556, 1558) и окончания (1560, 1564, 1571 и т. д.). Под ней понимается в основном война на территории Ливонии. Поляки использовали термин «Война в Инфлянтах». Он попал от них на страницы «Истории о князя великого московского делах» начала 1580-х годов эмигранта в Великое княжество Литовское Андрея Курбского. А вот боевые действия 1579–1581 годов благодаря польским историкам, в частности Рейнгольду Гейденштейну, современники называли «Московской войной». Это название иногда относили и ко всей Ливонской войне, как, например, в сочинении «*De Moscorum Bellis*» И. Левенклавия (1571).

Когда началась и закончилась война? Ливонская война или балтийские войны?

В каждом исследовании надо установить точки координат. Прежде всего стоит оговорить, что мы стараемся уйти от русско-ливонских или русско-литовских схем подачи информации. Война за Ливонию — это не двух- или трехсторонний конфликт. Это активная, «горячая» фаза борьбы за господство на Балтике в XVI веке, которую вели «старые» и «молодые» державы. «Старые» (Ливония, Дания, Священная Римская империя с ее Ганзейским торговым союзом) пытались удержать традиционные сферы своего влияния и территориальные владения. «Молодые» — Россия (возникла как единое государство в конце XV века) и Швеция (обрела независимость в 1523 году) — пытались заявить о себе на международной арене, оспорить старые порядки и пересмотреть границы в свою пользу. Роль Королевства Польского и Великого княжества Литовского в этой системе отношений двойственна: с одной стороны, геополитически это скорее «старая» держава, которая при этом упорно идет к своей цели — ликвидации владычества Немецкого ордена на Балтике и замене его польским владычеством. В ходе противостояния с Россией она перерождается в новое государство — Речь Посполитую, отличающуюся передовым для того времени социально-политическим устройством, имевшим черты дворянской республики. В этом смысле произошло обновление Польши и Литвы, превратившихся из средневековых государств в раннемодерное государство Нового времени, которому для самоутверждения были необходимы победы на международной арене.

В данном контексте Ливония оказалась самым слабым звеном. Фактически она была обречена «быть сожранной» своими агрессивными соседями. Причем мнение некоторых ученых, что орден мог найти в себе силы ответить на вызов и переродиться в монархическое раннемодерное государство, в данном случае малосущественно. Во что бы он ни переродился, крошечная по сравнению с соседями страна все равно не смогла бы противостоять столь массивной внешней агрессии. Дни Ливонии были сочтены, ее в любом случае собирались делить соседние страны. В этом плане термин «война за ливонское наследство», который предложил историк Виталий Пенской, кажется правильным и правомерным. Ливонию он называет «больным человеком» Северо-Восточной Европы (по аналогии с распадающейся Османской империей конца XIX — начала XX века).

Нам представляется, что термин «Ливонская война» можно использовать как условный, отдавая дань историографической традиции. Правильнее говорить о целой серии локальных войн за Прибалтику и Восточную Европу, которые можно назвать «балтийскими войнами». Почему «балтийскими», а не «ливонскими»? Потому что эти войны ограничивались территорией не Ливонии, а скорее Балтийского региона. Эти конфликты сконцентрированы довольно плотно во второй половине XVI века: русско-шведская война (1555–1556), «война коадьюторов» в Ливонии (1556–1557), русско-ливонская война (1558–1561), русско-литовская война (1561–1570), датско-шведская война (1563–1570), русско-шведская война (1578–1583), русско-польско-литовская война (1579–1582), русско-шведская война (1589–1590). В 1595 году был подписан Тявзинский мир России и Швеции, который мог бы на долгие годы определить новую геополитическую конфигурацию в Прибалтике, но вскоре все карты смешал конфликт Речи Посполитой и Швеции за Ливонию, а также Русская Смута. По итогам Столбовского мира со Швецией в 1617 году Россия на самом деле окажется отрезанной от Балтийского моря, а на его берегах утвердится Швеция, к тому времени одолевшая и вытеснившая из Прибалтики Польшу. В XVII веке Балтийское море превращается в «шведское озеро», и сокрушать Шведскую империю придется уже Петру I. Если мы примем такую хронологию конфликта, то у нас получается столетия балтийских войн — с момента начала борьбы за передел Балтики до ее логического окончания, когда победители достигли поставленной цели, а проигравшие смирились с поражением.

Почему важно выделять отдельные войны? Какая разница — ведь борьба все равно шла вокруг Ливонии, и удобнее сгруппировать все эти войны в единый большой конфликт, сделав локальные кампании этапами «Ливонской войны»? На самом деле от того, как названа война и каковы ее хронологические рамки, зависит общая оценка кампании.

Когда мы говорим «Ливонская война 1558–1583 годов», то выводы однозначные: она проиграна. Когда мы выделяем отдельные войны (а критерий выделения — от начала боевых действий до мирного договора, прекращающего эти действия на какой-то срок), то картина получается более адекватной. Война за Ливонию 1558–1561 годов проиграна Ливонией и выиграна всеми остальными участниками, разделившими между собой эту страну (Россией, Польшей, Литвой, Данией, Швецией). Русско-литовская война 1561–1570 годов завершилась трехгодичным перемирием в пользу России (самый крупный «приз» — Полоцк — остался за ней). Датско-шведская война 1563–1570 годов за доминирование на Балтике фактически завершилась вничью. А вот «Московская война» 1579–1582 годов с Речью Посполитой и столкновения со Швецией в 1578–1583 годах оказались роковыми для армии Ивана Грозного и были им проиграны. Правда, у Швеции Россия в 1595 году возьмет реванш.

Когда мы говорим о *балтийских войнах*, то более выпуклой становится роль Швеции, Дании, Польши. Когда пишем *Ливонская война*, то на первый план выходит борьба России за Ливонию с остальными. Такой сдвиг акцентов создает россицентричную оптику конфликта и мешает поместить его историю туда, где ему надлежит быть, в контекст европейских войн XVI века.

Типология войн XVI века

Когда мы говорим о Ливонской войне, или балтийских войнах, как о европейском конфликте, необходимо задать вопрос: а к какому типу войн относится данный конфликт? Как его классифицировать? Среди военных кампаний XVI века можно выделить, во-первых, *колониальные войны*, которые, например, вела Португалия за доминирование в Индийском океане (1505–1517) и Испания для присоединения Мексики (1519–1521) и государства инков (1531–1572).

Ливония была частью европейского мира, поэтому ее раздел между Польшей, Литвой, Данией и Швецией, безусловно, лежит вне контекста колониальных войн. А вот чем эта война была для России? Ряд ученых рассматривает завоевание Москвой Казани (1552), Астрахани (1556) и попытку захвата Ливонии как первые шаги по строительству будущей Российской империи. Тогда Ливония вполне может рассматриваться как ее потенциальная колония.

Принять эту точку зрения мешает сразу несколько обстоятельств. Россия в экономическом и культурно-цивилизационном плане была менее развитой, чем Ливония. Конечно, история знает немало случаев колонизации менее развитым государством более развитого. Но Россия в XVI веке практически не осваивала Прибалтику как метрополия — колонию. В Ливонии происходили чисто феодальные пожалования и раздачи земель русским дворянам. Торговая инфраструктура ливонских городов, в том числе в случае «Нарвского плаванья», использовалась паразитически. Русские в Ливонии, как неоднократно отмечалось исследователями, плохо вписывались в городскую европейскую культуру, предпочитали создавать в ней свои изолированные миры.

Возможно, в перспективе земли Ливонии могли бы стать колонией Российской империи. Но для этого нужна была осознанная имперская политика. Москва в середине XVI века не очень знала, что делать с приобретениями, кроме того, чтобы, следуя средневековым моделям, превратить их в вассальное королевство, обложить данью, «перебрать людишек» или раздать земли в поместья детям боярским. Поэтому там, где не было геополитических конкурентов, Россия утвердилась (в Поволжье), а где они были (в Прибалтике), она потерпела поражение. Чисто феодальных раздач в Европе XVI века было недостаточно, нужны были современные решения.

Во-вторых, были *войны за независимость*, такие как датско-шведский конфликт (1520–1523), Восьмидесятилетняя война за независимость Нидерландов (1568–1648) и т. д. Воспринималась ли в Европе война за Ливонию как война за ее освобождение и независимость? Ответ будет отрицательным. Ливония очень быстро, уже после разгрома

при Эрмесе (1560), перестала быть активным участником сражений. За нее воевали другие, а участие в боях отрядов курляндцев, городских ополчений Риги и Ревеля было сравнительно небольшим. После 1561 года уже не было носителя идеи восстановления ливонской государственности. Никто из других сторон конфликта (ни поляки, ни шведы, ни датчане) не предполагал реанимировать довоенную Ливонию в случае победы над Россией. Речь шла только о ее разделе и переподчинении.

В-третьих, в XVI веке в Европе гремели *религиозные войны*, связанные с Реформацией (Шмалькальденская война 1546–1547 годов, религиозные войны во Франции в 1562–1592 годах). Как уже говорилось, изначально Ливонскую войну трактовали именно как религиозную — конфликт католиков и протестантов, но эта трактовка не получила развития, поскольку на практике Ливонская война не носила ярко выраженного религиозного характера и не привела к массовым перекрещиваниям и религиозным чисткам.

Собственно, единственный известный нам эпизод религиозных репрессий — легенда о казни Иваном Грозным полоцких евреев в 1563 году. Но, во-первых, он единичный, во-вторых, гонениями на евреев Европу XVI века было не удивить, в-третьих, достоверность этого эпизода точно не подтверждена, в нем, как отмечено историком И. Берлиным, слишком много от литературных легенд.

Более всего Ливонская война похожа на Итальянские войны 1494–1559 годов, которые, по определению Р. Маккенни, были направлены на присоединение «карликовых государств» к новым монархиям. Собственно, аналогичный процесс происходил и в Ливонии. Она была карликовым и неспособным к сопротивлению государством с отжившей социально-политической организацией в виде ордена. На ее раздел претендовали старые и новые европейские монархии — Швеция, Польша, Литва, Дания, Россия. Участие в конфликте последней и отличало его от Итальянских войн. Право на раздел Прибалтики для династий Ягеллонов, Ольденбургов, Ваз было сразу и безоговорочно признано Европой, а право Рюриковичей — нет. Россия попыталась легитимизировать завоевания, заключив международные соглашения, но это удалось только в отношениях с Данией. В самой Ливонии законность действий русских войск основывалась на соглашениях с горожанами, для чего в 1558 году велись переговоры с представителями Нарвы, а жителям Дерпта была дарована жалованная грамота и т. д.

Но все равно в глазах «христианского мира» ни одно действие России не было признано законным — даже по праву войны, хотя аналогичные действия войск других стран осуждения не вызывали. Скажем, герцог Магнус не считался агрессором даже тогда, когда его войска действовали в Ливонии совместно с русскими. Шведов однозначно воспринимали как освободителей. К полякам относились более прохладно в силу их католической веры, но все равно они были свои.

Россия с самого начала конфликта была в глазах современников чуждой, внешней силой, вторгшейся в Прибалтику извне, из-за пределов «христианского мира». Отсюда очень рано возникшая аналогия с другими европейскими войнами XVI века — с *турецкими*. Собственно, вся европейская антимосковская пропаганда этого периода строилась как раз на сравнении российской и турецкой агрессии. Московиты очень часто изображались в турецких одеждах, тюрбанах, с кривыми ятаганами и т. д. Во многом эти дискурсы получили развитие благодаря Польше, которая с их помощью стала позиционировать себя в Европе как форпост «христианского мира» перед лицом восточных варваров.

Насколько правомерно считать Ливонскую войну аналогом турецких войн? Они отличались адресностью: Турция выступала против «неверных», тогда как Россия никогда не позиционировала себя как непримиримого врага западных христиан, против которых надо вести священную завоевательную войну. Редкие нотки пропагандистской риторики — например, антипротестантские выступления времени Полоцкого взятия 1563 года — в своей основе все-таки имели политические, а не религиозные мотивы. При Эрике XIV Иван Грозный преспокойно общался с протестантской Швецией, не смущало его

и развитие реформационного течения в Англии, на королеве которой он даже собирался жениться.

Для Турции противником был весь «христианский мир», агрессивные планы России в XVI веке ограничивались Прибалтикой и пограничными землями Великого княжества Литовского. Русские войска почти все столетие простояли в нескольких днях пути от Киева и ни разу (!) не пытались достичь этого древнего центра, именовавшегося в летописях «матерью русских городов». Показательно, что вся переписка Литвы того времени пронизана страхом, что русские вот-вот пойдут на Киев. После взятия Полоцка в 1563 году путь на столицу Литвы, Вильно, был открыт — между Полоцком и Вильно не было сильных крепостей и значимых рубежей, на которых можно было бы сдержать наступление Ивана Грозного. Но оно так и не состоялось, на Вильно русская армия пойдет только век спустя, в 1655 году.

Наступление турок на Европу было в XVI веке остановлено упорным сопротивлением армии Габсбургов, немцев, австрийцев, венецианцев, венгров и других народов, героической обороной Вены (1529), Эгера (1552), победой над османами при Лепанто (1571) и т. д. Аналогичного по масштабам русского наступления на Европу в истории XVI века не было, и таких планов и намерений у последних Рюриковичей не существовало.

Глава 2. Действующие лица, или будущие участники борьбы за Ливонию

В 1537 году Иоанн Буциус создал рисунок «Еурога regina», впоследствии неоднократно растиражированный. Рисунок наиболее известен по печатной гравюре Себастиана Мюнстера 1570 года. На ней Европа изображена в виде королевы, на разных частях тела которой надписаны страны. Правой рукой является Италия, левой — Саксония и Дания. На груди размещены Франция (Галлия), Германия, Богемия, столица Священной Римской империи — Вена и т. д. Пруссия, Польша и Венгрия расположены на бедрах. К ногам относятся Албания, Греция, Болгария, Трансильвания, Валахия, Литва, Ливония и Русия (Галиция). И на самом подоле платья, на краю европейского мира, находятся Константинополь и Московия.

Таким образом, борьба за Ливонию относилась к происходящему «в ногах», на окраине, «в бахrome» Европы. Это был конфликт на краю, на границе «христианского мира», как тогда было принято называть западноевропейскую цивилизационную общность.

Ливония — осколок величия Немецкого ордена?

Центр европейского континента занимала Священная Римская империя, основанная в 962 году Оттоном I. Ее владения включали в себя современные территории Германии, Австрии, Швейцарии, Западной Франции, Северной Италии, Венгрии, Чехии, Словении, Хорватии, Бельгии и Нидерландов. Самой восточной провинцией империи в XVI веке была Ливония — яблоко раздора будущей ливонской войны.

Ливонией называлась конфедерация, созданная в Прибалтике в Средние века из трех составляющих. Первая — земли католических епископств — Рижского, Эзельско-Викского, Дерптского и Курляндского (современная территория Эстонии и Латвии). Они возникли в ходе крестового движения, покорения и обращения местных балтских и финских племен в католическую веру. Епископы назывались «господами земли» — ландсгеррами. Поскольку местное население усиленно сопротивлялось приходу немецкого креста, нести свет веры помогали Немецкий (Тевтонский) орден и Орден меченосцев.

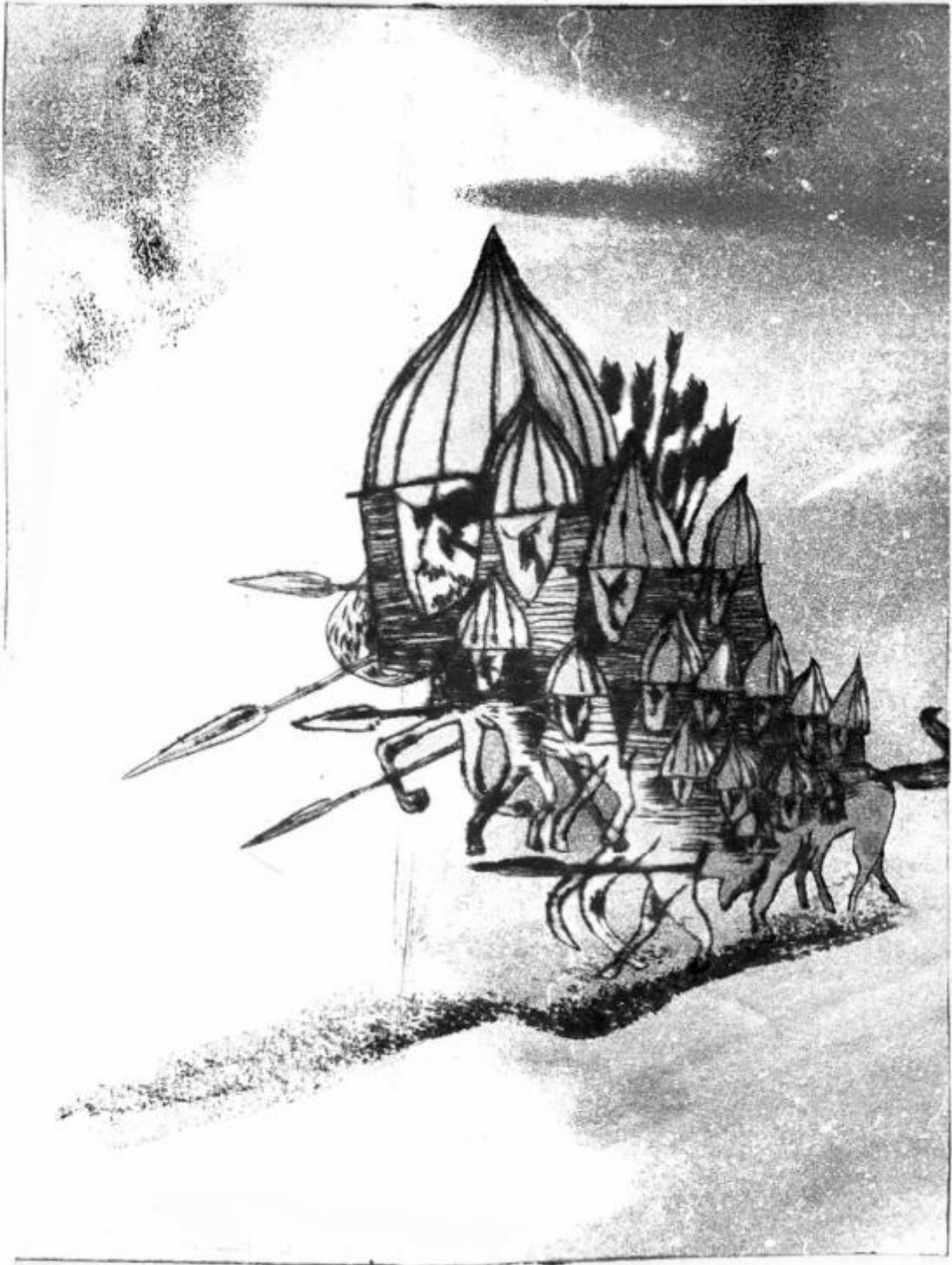
Немецкий орден возник в Палестине в 1190-х годах и после краха крестовых походов вернулся в Европу. С начала XIII века он вел борьбу за завоевание южного побережья Балтийского моря — земель Пруссии, а затем будущей Ливонии. Орден меченосцев на основе устава ордена тамплиеров был основан в Риге в 1202 году для защиты немецкого

епископства. В 1237 году ордена объединились под эгидой Немецкого ордена с центром в Пруссии. Прусская ветвь Немецкого ордена во главе с великим магистром считалась старшей, а Ливонская ветвь Немецкого ордена, которую возглавлял просто магистр — младшей. Она тоже была ландсгерром и стала второй составляющей Ливонской конфедерации.

Третьей силой Ливонии выступали крупные города, имевшие свое самоуправление и связи с германскими торговыми союзами. В частности, Рига, Ревель, Дерпт, Венден, Кокенгаузен, Лемзаль входили в Ганзейский союз.

В XIV–XV веках Немецкий орден безуспешно вел войны с соседями — Великим княжеством Литовским, Королевством Польским, Новгородской и Псковской феодальными республиками. После крупных поражений в Великой войне (1409–1411) и Тринадцатилетней войне (1454–1466) с поляками и литовцами орден потерял свои владения в польском Поморье. В 1525 году прусская ветвь Немецкого ордена была ликвидирована, и Пруссия превратилась в светское герцогство, подчиненное Польше.

Ливонию эти перипетии затрагивали мало в силу ее географической отдаленности, но после гибели прусской ветви ливонская ветвь оказалась последней представительницей Немецкого ордена. Конечно, к XVI веку рыцарство уже не было той могучей духовно-военной корпорацией, чьи белые плащи с черным крестом наводили ужас на всю Восточную Европу. Жители Ливонии больше интересовались торговлей и землевладением. Она выступала торговым посредником между Западной и Восточной Европой — через Ригу шел поток товаров в Великое княжество Литовское, а через Ревель, Дерпт и Нарву — в Новгородскую и Псковскую земли и далее в Россию. Англичанин Джером Горсей в конце столетия так писал о Ливонии: «Это самая прекрасная страна, текущая молоком и медом и всеми другими благами, ни в чем не нуждающаяся, там живут самые красивые женщины и самый приятный в общении народ, но они очень испорчены гордостью, роскошью, ленью и праздностью». Жизнь немецкой аристократии в Ливонии того времени была благополучной, сытой и полной развлечений (праздниками, охотой, пирами и т. д.).

Московское войско

Французский историк Фернан Бродель ввел понятие «мира-экономики» (*l'économie-monde*). Под ним он понимал самодостаточную экономическую структуру, обладающую стабильными экономическими связями и эффективно обеспечивающую свое существование в ограниченном пространстве. «Мирами-экономиками» были, например, Финикия, Карфаген, Рим, Индия, Китай. Ученые высказали предположение, что в XV–XVI веках в Прибалтике складывается такой мир-экономика, в центре которого находилась Ливония как государство — транзитер товаров, а сторонами являлись Ганза как источник товаров и потребитель русского сырья, а также Новгород и Псков как источники

сырья и потребители продукции западноевропейских ремесленников. Это была в самом деле устойчивая и взаимовыгодная система, которая успешно работала несколько десятилетий.

Эта замечательная жизнь омрачалась отношениями с соседями. Народы Восточной Европы не любили Немецкий орден, слишком памятливы были недавние «рейзы» («поездки», от немецкого *reisen*), когда тевтонцы приглашали рыцарей со всей Европы (французов, итальянцев, англичан) поразвлечься, размяться в набегах на незащищенные литовские и славянские деревни. Сохранились немецкие средневековые стихи, в которых описывается, как весело жечь дома, гонять крестьян, охотиться на женщин и т. д. Литовские князья в долгу не оставались, поэтому в ходе войн XIV–XV веков берега Немана — пограничной реки были буквально пропитаны кровью.

К XVI веку ливонская ветвь Немецкого ордена ослабла и уже не представляла серьезной военной силы. У нее отсутствовала даже система пограничной обороны — многочисленные замки, стоявшие в Прибалтике, были предназначены для контроля над местным латышским и эстонским населением, но не для обороны Ливонии от иноземного супостата. Например, всю русско-ливонскую границу — около трехсот километров — «держали» всего три крепости: Нарва, Нейшлосс и Нейгаузен. Почему-то считалось, что если русские нападут, то обязательно придут к стенам одной из крепостей и будут ее долго и безуспешно осаждать. За это время войска ордена успеют собраться и прогнать врагов.

В 1520-е годы до Ливонии докатилась Реформация, которая вызвала раскол. Ее безоговорочно поддержали города, у которых и без того были непростые отношения с орденом и епископами-ландсгеррами — как и везде в Европе, города хотели независимости от светских и церковных владык. Реформация сопровождалась погромом католических церквей, столкновениями горожан и священников, нарушением монастырской дисциплины. Среди ливонской элиты возникли идеи секуляризировать орден по образцу Пруссии, превратив Ливонию в светское герцогство или королевство, однако история не позволила Ливонии повторить «пруссский эксперимент». Слишком много стран смотрело на нее как на потенциальную добычу. Можно ли было выжить в окружении «хищников»?

Среди историков есть два мнения на этот счет. Первое — Ливония была обречена, поскольку не смогла бы противостоять столь масштабной агрессии. У нее не было ресурсов для обороны, а империя не хотела ей помочь. К тому же к XVI веку Ливония выродилась. Она начиналась как государство Немецкого ордена и епископов-ландсгерров, целью которого было распространение католической веры среди народов Прибалтики и Восточной Европы. Когда язычники кончились, орден стал не нужен. Как военная и духовно-религиозная корпорация он себя исчерпал и выглядел «обломком Средневековья» на фоне молодых государств Нового времени. Бесконечные раздоры магистра, епископов и городов сделали Ливонию бессильной.

Вторая точка зрения утверждает, что орден мог бы выжить, если бы нашел в себе силы к превращению из рыхлой феодальной средневековой конфедерации в государство Нового времени, в данном случае — в королевство, наследственную монархию. Это позволило бы мобилизовать силы, дать отпор врагам и найти свое место среди балтийских государств. Предпосылки к такому варианту развития событий ученые видят в политике последнего сильного магистра ордена — Вольтера фон Плеттенберга (1494–1535), который пытался преобразовать Ливонию. Однако после его смерти не нашлось «второго Плеттенберга», который смог бы завершить начатое.

Могла ли Священная Римская империя спасти свою провинцию?

Священная Римская империя, которую современники считали прямым преемником Великого Рима и империи Карла Великого, представляла собой довольно пестрое политическое образование, объединявшее несколько сотен королевств, графств, курфюршеств, имперских городов и других территориальных единиц. Формально они должны быть представлены на

имперских собраниях — рейхстагах и подчиняться императору, который, как и римский папа, имел право короновать правителей отдельных земель королевской короной. Это придавало их владениям статус королевства, и они входили в состав «христианского мира», который тогда был синонимичен Европе.

С XIII века ливонские ландсгерры считались князьями Священной Римской империи, имели право участвовать в рейхстагах. Орден пользовался покровительством империи, а Рижское архиепископство неоднократно получало специальные привилегии от императора. Ливония считалась «имперской маркой» и должна была платить общие налоги, но в официальную номенклатуру земель империи она не входила вплоть до первой трети XVI века.

Жизнь империи была непростой. Император старался сохранить «вечный мир» (Ewiger Landfrieden) — законодательно введенный в 1495 году запрет на военные конфликты внутри страны. Запрет был не лишним, потому что курфюрсты и князья отличались воинственностью. Отныне предлагалось решать споры в имперском камеральном суде. Большую роль играл также авторитет императора, участвовавшего в разрешении конфликтов. Впрочем, это не уберегло империю от масштабных боевых действий — гуситских войн в Чехии (1419–1434), Шмалькальденской войны (1546–1547) и т. д.

В XVI веке Священная Римская империя испытывала большие внешнеполитические сложности. Она оказалась передовым краем защиты Европы от мусульманской агрессии. В 1526 году в битве при Мохаче турки уничтожили объединенную армию королевств Венгрии, Чехии и Хорватии, после чего заняли половину Венгрии и осадили столицу империи Габсбургов — Вену. Австрийским войскам удалось остановить османов в Хорватии, которая почти на два столетия стала передовым краем обороны Запада от натиска с Востока.

А вот балтийский регион империю интересовал мало. Им занимались в силу династических связей представители Мекленбургского и Бранденбургского домов, но у самих Габсбургов были дела поважнее. Ливония хочет числиться имперской провинцией — пожалуйста, но никакого специального курса в ее отношении не было. В результате, когда начнется борьба за ливонское наследство, империя будет долго и взволнованно обсуждать эту проблему на рейхстагах, выступать с громкими декларациями, собирать деньги и нанимать солдат, но никакой реальной помощи не окажет, фактически оставив Ливонию один на один с ее противниками.

Происходящее на Балтике в XVI веке гораздо больше волновало германские города, в частности Ганзейский союз, заинтересованный в стабильности балтийской торговли. Он располагал собственными наемными вооруженными силами и даже военным флотом. В Любеке обсуждали планы завоевания Ливонии и подчинения ее Ганзе, если орден и ландсгерры слишком ослабнут и не смогут удержать страну...

Великое княжество Литовское и Королевство Польское на пути к господству в Восточной Европе

На карте есть точки, вокруг которых разворачивается мировая история. В 1385 году в Восточной Европе были две такие «точки поворота»: маленькая литовская крепость Крево, где была заключена династическая уния между Польшей и Литвой, и костел в Кракове, где великий князь литовский, русский и жемайтский Ягайло принял католическое крещение под именем Владислава и обвенчался с польской королевой Ядвига. Таким образом, последнее (и при этом крупнейшее) языческое государство Европы — Великое княжество Литовское и Русское — получило официальное крещение. Немецкий орден не признал крещения, поскольку оно было дано из рук Польши, а не ордена, и продолжил борьбу с Польшей и Литвой.

Их противостояние разрешилось Великой войной 1409–1411 годов, в ходе которой в битве при Грюнвальде в 1410 году объединенное войско народов Восточной Европы (поляков, литовцев, русских, татар и даже чехов) разбило наголову Тевтонский орден. С этого момента начался его закат, завершившийся присоединением Пруссии к Королевству Польскому. Последний великий магистр ордена, Альбрехт Бранденбургский, в 1525 году встал на площади города Кракова на колени перед польским королем Сигизмундом I Старым. Сегодня в мостовую краковской площади вделаны три памятные плиты: «Прусская присяга», «Клятва польского патриота Тадеуша Костюшко» и «Вступление Польши в Евросоюз». Покорению Пруссии поляки придавали и придают значение национального триумфа.

Так осталась независимой только ливонская ветвь Немецкого ордена. Теперь польские короли считали делом чести закончить начатое и разрешить вековой спор поляков и немцев, покорив орден полностью. Как ни странно, главным союзником польской Короны в вопросе о захвате Ливонии выступала Пруссия. С 1552 года на тайных встречах с королем Сигизмундом II Августом бывший великий магистр Альбрехт Бранденбургский, ставший светским герцогом Пруссии после секуляризации ордена, разрабатывал планы покорения Ливонии. Проблема здесь была в том, что ее нельзя было просто завоевать — как-никак земли Священной Римской империи! Необходима была хотя бы иллюзия добровольного перехода Ливонии под власть Ягеллонов.

Был придуман план использовать фигуру рижского архиепископа Вильгельма Бранденбургского, который втайне намеревался секуляризировать Ливонский орден и поддержать распространение протестантизма. Вильгельм был родственником прусского герцога Альбрехта и польского короля Сигизмунда, который считался протектором рижского архиепископа. Надо было спровоцировать конфликт между епископом и орденом и вступить за Вильгельма, вторгнувшись в Ливонию для защиты чести и «истинной веры». Речь об этом пойдет в следующей главе.

Была и вторая причина, по которой Великое княжество Литовское оказалось в эпицентре борьбы за Прибалтику и Восточную Европу в XVI веке. Униинное государство Королевство Польское и Великое княжество Литовское уверенно выходило в лидеры Восточной Европы. Король, носивший титул «польского, литовского, русского, жемайтского» и т. д., был интегрирован в политическую систему, установленную в Европе Священной Римской империей. Он рассматривался папским престолом и императорским двором как верный союзник против турок. Польша повергла Немецкий орден в Пруссии и намеревалась довершить дело его покорения, подчинив Ливонию. Считая себя форпостом христианства на востоке, щитом Европы от «московских варваров», поляки в то же время гордились своим социально-политическим строем с его шляхетской демократией, сеймами и советами знати (радами), ролью короля как гаранта прав и вольностей дворянства, принятой в 1505 году «конституцией» «*Nihil novi*» — «Ничего нового». По ней монарх не мог принимать никаких новых законов, ущемляющих права и имущественное благополучие аристократии без ее согласия. Польская знать была уверена, что Польша — красивейшее государство Европы, по божественному праву распространившее свою власть от Балтийского моря до Черного.

Чья Русь? Начало векового спора народов Восточной Европы

Такое самоощущение поляков было омрачено наличием восточного соседа — России, которую они называли «Московией», а ее население «москалями», «москаликами», «московскими». Настоящие русские (русьские, русь, русины), по их мнению, жили в Великом княжестве Литовском. По другую сторону границы, в Российском царстве, жителей Волыни, Полоцка, Гродно, Минска считали «людьми литовскими», себя же считали русскими. Идентичность населения — потомков Киевской Руси в XV–XVI веках постепенно

начинает все более различаться. Эти процессы были сильно растянуты во времени, но вектор сложился: «русь» Великого княжества Литовского и «русские» Российского царства все больше осознавали, что они — разные, несмотря на одну православную веру, родство языка (в XVI веке русский язык был официальным языком канцелярии Великого княжества Литовского, хотя постепенно уступал место латыни и польскому). Следовательно, вставал вопрос, кто выступит объединителем носителей «русьской» — «русской» идентичности — король польский и великий князь литовский и русский или государь всея Руси, великий князь владимирский, московский, новгородский и т. д.?

Проблема Восточной Европы была в том, что на ее территории практически нет естественных границ и рубежей. Все границы конвенциональны, то есть существуют только при согласии всех сторон провести демаркационную линию именно в этом месте. Эти границы подверглись ревизии в конце XV века, когда князья Северских и Верхнеокских земель Великого княжества Литовского решили вместе со своими вотчинами (то есть землями) перейти в «государство всея Руси» и стать подданными Ивана III.

Эти события нажали спусковой крючок серии так называемых «порубежных» войн 1487–1494, 1500–1503, 1507–1508, 1512–1522, 1534–1537 годов. Их общий итог был несомненно в пользу России: к ней отошла огромная территория: Вязьма, Смоленск, Чернигов, Северские и Верхнеокские земли и т. д. Русская граница теперь проходила в нескольких десятках километров от Киева.

Великое княжество Литовское продемонстрировало слабость и неспособность отстоять свою территориальную целостность. Ситуация осложнялась тем, что ему мало помогал второй член унии — Королевство Польское. Согласно военной доктрине Польши, поляк воевал только за Отечество, а территорию Литвы таковым не считал. Поэтому в войнах Литвы с Россией принимали участие только добровольцы, военные наемники или специально присланные роты. В целом Великое княжество Литовское и Русское боролось с Россией один на один.

Особенно пугал население Великого княжества Литовского титул «государя всея Руси». Какой Руси? Означает ли он, что Москва претендует на всебывшие земли Киевской Руси? Следует заметить, что такое значение этот титул приобрел не сразу. Для Ивана III, принявшего этот титул после покорения Новгорода (1471) или Твери (1485), он имел сугубо внутреннее употребление. Так обозначалась претензия великого князя на власть над остальными князьями и их землями. Постепенно, по мере территориальных захватов, лозунг «всея Руси» стал служить для их легитимизации. А уже после завоевания Полоцка в 1563 году русские дипломаты утверждали, что законные владения Москвы — «по реку Березину», то есть ей должна принадлежать большая часть земель Великого княжества Литовского, когда-то входивших в Киевскую Русь.

Таким образом, Королевство Польское и Великое княжество Литовское выступали сразу в нескольких ролях. На прибалтийском театре Корона намеревалась расширить свои владения за счет Ливонии путем ее полного подчинения или секуляризации ордена и превращения магистра в вассала польского короля по прусской модели. На восточноевропейском Великое княжество Литовское боролось, правда неуспешно, с Россией за обладание бывшими землями Киевской Руси и объединение их под своей властью. Наконец, как бы сегодня сказали, в геополитическом плане решался вопрос, какая из держав станет доминировать в Восточной Европе.

Оба фигуранта последнего процесса — и Россия, и Великое княжество Литовское — достигли в XVI веке пределов своего расширения и вступили в военную борьбу. Преимущество здесь пока было на стороне Москвы, но это не значило, что в Кракове и Вильно не грезил о реванше. Тем более никто не собирался отдавать русским новые территории, самой «лакомой» из которых была Ливония. Конфликт между Россией, Польшей, Литвой за господство в Восточной Европе стал неизбежен. Своей высшей точки он достигнет в начале XVII века, в годы Смуты (1604–1618), когда полякам удастся взять верх: пленный русский царь Василий Шуйский будет униженно стоять с понурой головой перед

польским сеймом, а королевич Владислав будет провозглашен новым российским монархом. А закончится это противостояние в середине XVII столетия, когда Россия выиграет русско-польскую войну 1654–1667 годов и присоединит огромную часть Речи Посполитой — Украину.

Россия разрушает прибалтийский мир-экономику

Прибалтийский мир-экономика начинает разрушаться после того, как в 1471–1478 годах Москва присоединяет Великий Новгород, а в 1510 году — Псков. Вместо феодальных республик, в принципе равных по масштабам Ливонии, она оказывается перед лицом огромного Российского государства. Поменялось все, вплоть до личного состава купцов: Ганзейский торговый двор в Новгороде был разогнан в 1492 году, новгородских и псковских купцов принудительно переселили вглубь России, а на их место прислали москвичей.

Российское государство стало вести дела совсем иначе. Например, до этого в торговле с Ливонией главенствовал принцип единой цены за единицу товара. Бочка сельди стоила как бочка сельди, при том что из Любека она выезжала полной, в Ревеле из нее отгружали треть, а до Новгорода доезжала половина. Имела место практика так называемых наддач: когда, например, русские привозили на продажу воск, его можно было бесплатно «колупать», то есть брать. Поскольку «отколупанные» куски были очень большими, то ливонцы получали выгоду. Пуд соли по-разному весил в Новгороде, Ревеле и Любеке, за счет чего опять-таки извлекалась прибыль. Торговля с Новгородом и Псковом была для Ливонии необычайно выгодной.

Московский наместник изменил торговые правила. Русские — страшно сказать — стали требовать взвешивать продаваемый товар. Если это бочка сельди, она должна весить как бочка, полная сельди. Без взвешивания покупать ливонские товары было запрещено. Это вызвало взрыв негодования и резкий рост антирусских настроений и в Ливонии, и в Ганзейском союзе. Немцы возмущались, что русские стали неудобными партнерами. В ливонских текстах появилось выражение «необычная торговля» (*ungewollicke kopenschopp*). Дело дошло до временного прекращения торговых отношений с Новгородом в 1494–1514 годах и Псковом в 1501–1514 годах.

Необратимые изменения страшно пугали немцев, привыкших быть хозяевами в регионе. Суть перемен заключалась в том, что торговля переместилась из старых ганзейских центров — Риги и Ревеля — в пограничные Пернов, Дерпт и особенно Нарву. Если раньше русские имели дело только с посредниками, что было выгодно ливонцам и куда менее выгодно русским, то теперь Пернов, Дерпт, Нарва и другие ливонские города открыли для русских возможность прямой торговли. В результате русские купцы буквально хлынули в Ливонию, начали торговать непосредственно на ливонских рынках, заниматься мелкой контрабандой и перепродажей товаров, в крупных городах формируются «русские концы» — заселенные русскими ремесленниками и торговцами районы с православными церквями.

Рост русского населения в Ливонии вызвал страх — а вдруг вслед за купцами придут воины? В конце XV — начале XVI века между Россией и Ливонией возник ряд военных конфликтов, которые в отличие от предыдущих лет протекали с особой жестокостью. Историк Марина Бессуднова приводит перевод сообщения из ливонской хроники — «Прекрасной истории», в которой описывается приграничная обстановка в 1498 году: «Вопреки перемирию для несчастных христиан начались бесчисленные разбои. Поджоги, убийства и другие злодеяния; среди прочего некоторых мужчин они нагими привязывали к деревьям и без всякой жалости выпускали на них множество стрел; а их мужские органы либо перетягивали нитками и шнурами, либо отрезали и затыкали в рот; некоторым мужчинам и женщинам они отрезали носы, губы, уши и груди, отрубали руки, а в раны вкладывали издевательские пасквили и в таком виде колючими прутьями и плетьюми гнали в сторону ливонцев; другим вспарывали животы, вытаскивали внутренности и, чтобы

повеселиться, прикрепляли один их конец к дереву, заставляя несчастных бежать так долго, пока они вытягиваются».

Данный рассказ, несомненно, носит апокрифический характер — трудно себе представить московских детей боярских, на немецком языке сочиняющих «оскорбительные пасквили». Большинство из них не умели писать не то что по-немецки — по-русски. Несмотря на явные преувеличения русской кровожадности в «Прекрасной хронике», пограничные конфликты имели место, и страх перед «русской угрозой» в Ливонии нарастал.

Спекуляции на «русской угрозе» стали любимым аргументом ливонских политиков. Они обвиняли друг друга в «продаже Ливонии москвитам» (и иной раз успешно — из-за обвинения в дружбе с Россией в 1526 году был арестован епископ Бланкенфельд). Под предлогом борьбы с Москвой Ливония не платила имперские налоги (деньги были нужны для обороны!) или, напротив, вымогала субсидии. Переписка сановников содержит примеры, когда деньги, полученные на борьбу с «русской угрозой», пускались «налево».

Пока в Ливонии пугали друг друга войной с русскими, она чуть было не началась.

Ливонская война могла бы начаться за восемь лет до ее начала

Какие-то не совсем ясные для нас события происходили в Прибалтике в начале 1550-х годов. В 1550 году истек срок предыдущего русско-ливонского перемирия, заключенного в 1535 году, и стороны должны были перезаключить мирный договор. Но вместо пятнадцати лет оно было заключено всего на один год, который Россия дала ливонцам «на исправленье» от их грехов. Обвинения прозвучали для ордена как гром среди ясного неба.

Дерптский епископ конфисковал у русских купцов меха соболей и куниц. Обычно такие конфликты считались мелочью и решались местными властями в рабочем порядке. А тут от имени самого Ивана IV дипломаты просили не только вернуть меха, но и заплатить штраф. Кроме того, требовалось разрешить русским купцам свободную торговлю любыми товарами, в том числе свинцом, медью, доспехами и всем военным снаряжением. В Россию через Ливонию следовало допустить беспрепятственный въезд военных специалистов. В Нейгаузене, Пернове и Нарве должны были открыться общие суды. Если через год эти требования будут удовлетворены, Россия обещала продлить перемирие еще на десять-тридцать лет.

Данные требования были традиционными для русско-ливонских конфликтов второй половины XV — первой половины XVI века. И пограничные споры, и притеснения купцов, и непропуск мастеров и стратегических товаров — эти «факторы раздражения» упоминались в русско-ливонских отношениях со времен Новгородской и Псковской республик. Даже упоминание «старых залогов» и некоей дани, под которой, несомненно, имеется в виду знаменитая Юрьевская дань, известная с 1463 года, тоже было ритуальной традицией. Но они никогда не служили серьезными претензиями, угрожавшими войной. А тут ливонские страхи вдруг обрели плоть и кровь...

Кое-какие меры Ливония намеревалась предпринять. На совещании в Вольмаре архиепископа Вильгельма со знатью ордена было решено обязать дерптского епископа заплатить компенсацию за конфискованные у русских меха соболей и куниц, из-за которых и разгорелся весь спор. Что же касается отмены запретов на торговлю, то ливонцы справедливо указывали, что это зависит не от Ливонии — такова позиция «христианского мира», то есть касается всей Священной Римской империи.

В 1551 году договор был продлен на пять лет. К сожалению, его оригинал не сохранился (в архиве отложилось только первоначальное соглашение 1550 года), поэтому неизвестны ни «исправления» ливонцев, ни то, как к ним отнеслась русская сторона. Зато ясно, что события 1550–1551 годов породили еще больший раскол внутри Ливонии: они послужили поводом для ссоры рижского архиепископа Вильгельма и магистра Иоганна фон дер Рекке: Вильгельм попытался представить себя перед прусским герцогом Альбрехтом спасителем

Ливонии, сумевшим договориться с русскими, и обвинил магистра в том, что тот якобы обижал послов и вел себя недипломатично. Архиепископ просил Альбрехта помочь предотвратить войну и в то же время заключить военный союз с Польшей или Швецией или мобилизовать на оборону Ливонии войска Священной Римской империи, а также рекомендовал ввести военный налог и усилить обороноспособность Ливонии.

Перспективы грядущей войны с Россией рассматривались в меморандуме неизвестного автора о положении Ливонии 1552 года. Здесь названа конкретная дата чуть не состоявшейся русской агрессии — день святого Мартина, 11 ноября 1551 года, когда якобы к границам Ливонии подошли 100 тысяч русских и 18 тысяч татар. Ландсгерры в панике провели ревизию вооруженных сил и выяснили, что навстречу этой орде могут выйти 7 тысяч воинов: 3 тысячи — от ордена, по две тысячи от архиепископа и горожан Риги, Дерпта и Ревеля. Прогноз, чем закончилось бы подобное столкновение, был, мягко говоря, неблагоприятным. По словам неизвестного автора, русские так и не напали, испугавшись морового поветрия, которое в 1551 году унесло много жизней в Гарриене и Вирланде. В другом письме излагается иной план русского наступления: из Новгорода на Динабург и далее на Нарву, а из Пскова на Нейгаузен и потом на Дерпт. Союзником Ивана IV здесь назван ногайский князь Исмаил.

Тема грядущего вторжения России в таком же ключе обсуждалась немцами весной — летом 1552 года, когда Москва, забыв про Ливонию, занималась покорением Казанского ханства. Нападения России ливонцы ждали и в 1553 году, и опять напрасно. Так и не дождавшись вторжения русских войск, ливонская делегация в 1554 году выехала в Москву для продления перемирия. Никто не знал, что этим она запустила часовой механизм, отсчитывающий время до грядущей войны.

Стремилась ли Россия выйти к Балтийскому морю в XVI веке?

«Ливонская война велась за выход к Балтийскому морю». Эта хрестоматийная фраза, которая прочно ассоциируется с данной войной, вошла во все школьные учебники и даже присутствует в ЕГЭ. Россия напала на Ливонию, чтобы добиться выхода к морю, свободы морской торговли и открытого въезда мастеров и специалистов из Западной Европы.

Сторонники этой точки зрения почему-то совершенно игнорируют географическую карту. Дело в том, что выход к морю у России был. В XVI веке Россия владела южным побережьем Финского залива от устья Нарвы до устья Невы — почти 200 км побережья. Оно было пустынным. Если был нужен выход к морю, почему здесь не строились порты, торговые и военные корабли, купеческие фактории, не прокладывались дороги?

Россия имела как минимум два города на судоходных реках, впадающих в Балтику, недалеко от их устья. Это стоявший напротив Нарвы Ивангород и Ям на реке Луге, примерно в тридцати километрах от Ивангорода. В принципе, и там и там строительство порта и флота было возможно, но не велось. Чтобы контролировать проход торговых судов в Нарову, Россия между 1536 и 1577 годами трижды возводила укрепления в устье реки, но не создала ни одного морского порта.

В начале XVI века в устье реки Охты, на месте современного Санкт-Петербурга возник первый русский город на Неве — Невское устье, или Невский городок. Именно через него порой везли свои товары из Ревеля новгородские купцы — здесь товары с морских кораблей перегружались на насады и дальше уже через Неву, Ладогу и Волхов перевозились в Новгород. Невское устье как торговая фактория впервые упоминается в 1521 году, когда на него напали морские пираты. Поселение в устье Охты, видимо, на протяжении XVI века переходило из рук в руки, несколько раз разрушалось и восстанавливалось, но так и не стало крупным торговым портом.

Еще при викингах главным центром морской торговли Руси на Балтике была Ладога на реке Волхов. Из нее суда выходили в Ладожское озеро, далее — в Неву и Балтийское море.

К XVI веку Ладога пришла в упадок. Здесь было 116 дворов, в основном заселенных крестьянами и рыбаками. Городские ярмарки (Успенская и Рождественская), проводившиеся дважды в год, носили локальный, а не международный характер. Очевидно, что в XVI веке Ладога не являлась крупным центром транзитной балтийской торговли (отдельные визиты иностранных судов, как, например, в 1556 году корабля англичан Томаса Соутема и Дж. Спарка, ситуации принципиально не меняли).

Торговали ли русские на Балтике? Да. Но торговля была преимущественно сухопутной, через Великий Новгород и Псков. Корабли, на которых «за море» везли товары, были ливонскими, ганзейскими или шведскими, а русские пользовались речными судами, годными максимум для каботажного плавания, вдоль морского побережья. Они использовались для локальных маршрутов, в основном по рекам — Нарове, Луге, Неве, Волхову. Некоторые ходили через Финский залив до Выборга. Но русского торгового флота с портами — точками базирования на Балтике в XVI веке не было.

Почему не было? Проще было нанять в Нарве, Ревеле или Выборге ливонский или шведский корабль с командой, чем содержать собственных матросов, ремонтные верфи, а главное — свой военный флот, который защищал бы от нападений пиратов и конкурентов.

Сторонники концепции «прорыва к морю» обычно объясняют отсутствие флота происками врагов. Мол, супостаты разоряли пристани, топили корабли и не давали ничего построить. Документы Ревельского архива в самом деле полны свидетельств о нападениях на русских торговцев ревельских, шведских, ливонских пиратов. Но все эти местные торговцы, большей частью новгородские и псковские, не пользовались поддержкой на государственном уровне. Попытки масштабного русского строительства порта, верфи или флота на Балтике в XVI веке неизвестны. Нет примеров уничтожения неприятелем свежестроенного русского торгового порта. Разорение мелких факторий (вроде Невского устья) и пиратство против местных купцов не могут служить аргументом — их разоряли потому, что они были легкой добычей. А если бы русские выстроили крепость, вооружили ее артиллерией, поставили государевы войска и стали под их прикрытием строить флот (как было в XVIII веке с Петербургом и Петропавловской крепостью), то разве могли бы ливонцы или шведы этому помешать? Судить об этом невозможно, потому что таких попыток в XVI веке просто не было.

Значит ли это, что Россия пренебрегала выгодами морской торговли? Нет, их понимали и на государственном, и на купеческом уровне, однако Россия XVI века — не буржуазное государство. У нее не было никакой целенаправленной политики по развитию внешней торговли. За купцов могли заступиться, если они дойдут со своим челобитьем до царя, и использовать их жалобы как повод для какой-то дипломатической акции. Но нет никаких оснований считать, что Иван Грозный занимался протекционизмом и ради коммерческих интересов своих купцов мог развязать войну с половиной Европы. Нельзя приписывать государю логику и мотивы поведения европейских правительств эпохи колониальных войн...

А вот «взять под свою руку» чужую торговлю, чужой флот, порты, заставить чужое купечество работать на себя — эта логика была России XVI века вполне понятна. Логика чисто феодальная — обложить данью купеческий караван, торговый путь, поселение купцов. Отношение к Ливонии формировалось во многом исходя из этих принципов. Русские не пытались строить порты, осваивать побережье, заводить свой флот. Все готовое было в соседней Ливонии и связанной с ней Ганзе — и морские пристани, и торговые корабли, и умелое купечество, и даже каперы. Надо было только это захватить и извлекать прибыль в свою пользу.

Именно эта политика привела к появлению «Нарвского плавания» — функционирования захваченной Нарвы как русского порта в 1558–1581 годах, что сопровождалось ростом объема балтийской торговли России в несколько раз. Стоит заметить, что торговая инициатива при этом принадлежала в основном английским, голландским и немецким купцам. Это они плыли в русскую Нарву (как раньше плавали

в Нарву ливонскую), а вовсе не русский торговый флот, вырвавшись на морской простор, заполнил своими товарами европейские порты. По поводу «Нарвского плавания» между немецкими городами велась интенсивная переписка, издавались запреты, которые, впрочем, тут же нарушались, и т. д. За судьбы нарвской торговли переживают торговцы из Любека, Ревеля, Дании, Швеции, Польши, но совсем не слышно голоса русских.

После окончания Ливонской войны Россия сохранила выход к морю — по Плюсскому перемирию 1583 года принадлежавший ей морской берег простирался от устья Невы до реки Стрелки (район современной Стрельны под Петербургом). Это было меньше, чем в 1558 году, но тоже несколько десятков километров. А в 1595 году про Тязвинскому миру граница вновь вернулась к устью Наровы. Правда, до эпохи Петра I русский морской флот здесь так и не появился.

Россия vs Европа: как они понимали друг друга в XVI веке

Если мы рассматриваем Ливонскую войну как противостояние России и Европы, то необходимо разобраться, как они определяли себя и друг друга.

«Мы — европейцы», — сказал в 1620 году англичанин Френсис Бэкон в сочинении с красноречивым названием: «Великое восстановление наук. Новый органон». Ученые относят возникновение культурно-цивилизационного концепта «Европы» и к эпохе Ренессанса, и к эпохе Просвещения, и к началу XX века, кануну Первой мировой войны...

Не вдаваясь в полемику, заметим, что идея разделения мира на Запад и Восток (*Orientalis et Occidentalis*) своим происхождением была обязана разделению римского мира на Западную и Восточную Римскую империи в 395 году. В раннее Средневековье термин *Occidens* (Запад) обозначал территории, находившиеся западнее восточной границы империи Каролингов, то есть линии Эльба — Литва. После смерти Карла Великого в 814 году применительно к этому региону стал использоваться термин *Europa*, а после раздела церковью в 1054 году получило распространение определение *Europa Occidens* или *Occidentalis*. Границы этой общности распространились до пределов притязаний Священной Римской империи, то есть до Нижнего Дуная и Восточных Карпат.

И в развитое Средневековье, и в эпоху Возрождения житель этой территории («европеец» в терминологии Ф. Бэкона) четко и осознанно отличал себя от обитателей восточного мира. Он считал свою землю центром и средоточием истинной веры, *res publica christiana*, подлинным и единственным «христианским миром». Объединяющими началами считались религия, особая политическая и правовая культура, *modus vivendi*, в том числе и достижения наук искусств и образования — словом, то, что позже назовут «европейской цивилизацией».

Россия как единое государство, «государство всея Руси», возникло в конце XV века вне этой общности. Благодаря православию она оказалась в зоне культурного влияния Восточной Римской империи, Византии. Для русских ход мировой истории сводился к формуле: Священная история — церковная история — история Руси как главного и практически единственного носителя подлинной христианской веры — православия (порабощенные турками греки, сербы и болгары не в счет).

В России о Европе имели весьма смутное представление, а в культурном плане она вообще была малоинтересна. Термин «Европа» для обозначения конгломерата западных стран стал использоваться на Руси почти одновременно с ростом практического интереса к тому, что же происходило и происходит западнее литовской границы. Между 1506 и 1523 годами на основе перевода итальянского текста в русской книжности появляется сочинение «Европейской страны короли», в котором определяется номенклатура Европы: в нее входят Священная Римская империя, Франция, Венгрия, Испания, Англия, Португалия, Неаполитанское королевство, Чехия, Шотландия, Дания, Швеция, Польша.

Главной характеристикой Европы считалась ее инаковость, порожденная прежде всего иной верой, католичеством — «латинством». «Латинство» в культурном плане могло служить только примером неправильной веры, поэтому культурные контакты были слабыми,

потребность в них в XV–XVI веках проявлялась эпизодически. Страны Европы оценивались с сугубо прагматических позиций, как политические партнеры или противники, в несколько меньшей степени — с точки зрения торговых выгод, привлечения военных специалистов, оружейников, архитекторов и т. д.

А как Европа относилась к стране, называемой ими Московией? Сама по себе Московия до поры до времени была малопривлекательна. Она была слишком далекой и слабой, чтобы влиять на европейские дела, и в ней не было ничего, что могло бы вызвать внимание европейца, — чужая религия и культура, иной образ жизни, холодный климат. Интерес к ней начинает возникать, когда появляется идея, что Россия способна помочь в решении европейских проблем. Реформация, турецкая агрессия, кризис внутреннего устройства Священной Римской империи привели к тому, что она остро нуждалась в союзниках, прежде всего военных. Кто-то же должен воевать с османами?! Попытки создания «антимусульманской лиги» в XV веке не дали особого эффекта, сражаться с мусульманами никто особо не стремился.

Империя упустила начало эпохи Великих географических открытий и колониального раздела мира. Свою долю в Новом Свете получили прежде всего Испания и Португалия, а германский мир, напротив, понес территориальные потери в ходе Реформации и потому испытывал острую потребность в своем колониальном проекте. Земли за океаном заняты, в Индию плывут португальцы, свободно только восточное направление, где располагается загадочная страна Московия, населенная православными — «схизматиками». Они успешно воюют с мусульманскими государствами, а значит, могут быть полезными для антимусульманской лиги.

Таким образом, движение на восток стало колониальной задачей Священной Римской империи, озаренной светом высокой миссионерской цели — обратить москвитов в истинную, католическую веру.

В результате в конце XV — первой половине XVI века происходит «открытие Европой России» — не такое громкое, как открытие Америки Колумбом, но не менее значимое для истории отношений России и Запада. Это открытие осуществлялось не физически, а виртуально — на бумаге. Выходит целая серия трудов итальянских, польских и немецких авторов, многие из которых никогда не были в России. На обратном пути из Персии в 1474–1477 годах венецианский посол Амброджо Контарини посетил Московию, а в 1487 году опубликовал отчет об этой поездке. В 1503 году появилось «Подробное разъяснение о расположении, нравах и различиях скифского народа». В апреле 1514 года на Латеранском соборе с докладом «О народах рутенов и их заблуждениях» выступил гнездинский архиепископ Ян Лаский. В 1517 году в Кракове вышел трактат Матвея Меховского «О двух Сарматиях», отпечатанный до 1600 года еще 23 раза. В 1523–1525 годах трактат о Московии на основе рассказов дипломатов и купцов создал Альберт Компьенский (в XVI веке издан пять раз), в 1525 году — Павел Иовий, чье произведение в XVI веке публиковалось в среднем раз в два года! В 1525–1526 годах вышло первое издание трактата Иоганна Фабри «Религия москвитов, обитающих у Ледовитого моря» (переиздано в 1541 году и частично вошло в сочинение Яна Лазицкого «О религии, жертвоприношениях, свадебном и похоронном обряде русских, москвитов и татар» 1582 года).

Что же писали авторы этих сочинений? Они рассматривали москвитов как потенциальный объект для колонизации, католической унии и военного союза против турок-мусульман. Россия в их изображении оказывалась крайне выгодной страной для Священной Римской империи. Альберт Компьенский сообщал папе Клименту VII: «...не могу надивиться, о чем же думали предшественники Твоего Святейшества, которые доселе не обращали внимания на этот весьма многочисленный народ москвитов... народ дальней Скифии, почти что из другого мира, придет к послушанию Римской церкви, между тем как лютеране, неистовствуя и безумствуя, в злобе и умопомрачении восстали против достоинства и власти сей церкви». В случае обращения русских «мы найдем... выгоду более несомненную и славу более истинную и более христианскую, чем в том случае, когда бы мы

оружием победили всех турок, всю Азию и, наконец, всю Африку... Благодаря же этому союзу с москвитями многие сотни тысяч душ возвратились бы в стадо Христово без [употребления] оружия и [пролития] крови».

Европейцы приходили в восторг от духовных качеств москвитов, которых считали чем-то вроде первобытных дикарей: варварами с чистой, неиспорченной душой, которые открыты для учения Христа — надо только их направить на истинный католический путь. Иоанн Фабри так описывал свои впечатления от знакомства с благочестием православной Московии: «Услыхав об этом, мы были так потрясены, что, охваченные восторгом, казались лишенными ума, поскольку сравнение наших христиан с ними в делах, касающихся христианской религии, производило весьма невыгодное впечатление». Альберт Компьенский говорил о русских: «Во многом они, как кажется, лучше нас следуют Евангелию Христа».

Фабри помещает целый панегирик нравам «рутенгов» в сравнении с загнивающим германским миром: «Ибо где у [рутенгов] обнаруживается корень жизни, там наши немцы скорее находят смерть; если те — Евангелие Божие, то эти воистину злобу людскую укоренили; те преданы постам, эти же — чревоугодию; те ведут жизнь строгую, эти же — изнеженную; они используют брак для [сохранения] непорочности, наши же немцы совсем негоже — для [удовлетворения] похоти; и не вызывает никакого сомнения то, что если и них [совершенство] таинств уничтожает бремя грехов, то, к прискорбию, у наших пренебрежение таинствами увеличивает это бремя. Что касается государства, то те привержены аристократии, наши же предпочитают, чтобы все превратилось в демократию и олигархию». Как будто иллюстрация к пословице «Что русскому здорово, то немцу смерть».

От слов европейцы переходили к делам. С конца XV века в Россию периодически приезжали послы римского папы и германского императора с предложениями католической унии, королевской короны для Московита, военного антитурецкого союза. Иными словами, России предлагали войти в Европу на правах католического королевства. Россия поддерживала эти переговоры, считая их выгодными для себя. Правда, с турками русские государи не хотели воевать (первая русско-турецкая война состоится в далеком 1569 году), зато готовы были объединиться с Габсбургами против Польши. Антиягеллонский союз был почти создан, но в 1515 году император Максимилиан I поделил с польским королем Сигизмундом I Старым Венгрию и отказался заключать соглашение с Россией.

В итоге к концу первой трети XVI века наступило взаимное русско-германское разочарование, что никак не повлияло на отношение русских к Европе, но существенно изменило восприятие Московии на Западе. Большую роль сыграла здесь политика Польши, которая прилагала все усилия, чтобы представить себя «щитом Европы» от «варваров с Востока», а москвитов — угрозой «христианскому миру». Первым враждебным актом стала организация в 1514 году в Риме праздника с фейерверком в честь победы польско-литовских войск над русскими в битве при Орше под Смоленском.

Именно поляки в противовес итальянскому и немецкому восхищению чистотой нравов москвитов писали, что русские — грязные, дикие, нецивилизованные варвары, склонные к насилию и поэтому опасные для высокоразвитых народов: «...когда знатные и богатые начинают пировать, то сидят с полудня до полуночи, непрерывно наполняя брюхо пищей и питьем; встают из-за стола, когда велит природа, чтобы облегчиться, и затем снова и снова жрут до рвоты, до потери рассудка и чувства, когда уже не могут отличить голову от зада» (польский историк Матвей Меховский, 1517 год). Именно поляки обличали перед Западом московско-татарский «обычай» продавать людей в рабство, пропагандировали идею, что москвиты в культурном и политическом отношении гораздо ближе к туркам, азиатам, чем к цивилизованной Европе. И хотя в XVI веке продолжали переиздаваться сочинения Иовия, Фабри и Альберта Компьенского, но в восприятии москвитов верх явно начала одерживать «скептическая школа», заложенная Бернардом Ваповским, Яном Ласким, Матвеем Меховским и др.

В 1549 году в Вене вышли «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна, переизданные еще двадцать два раза на протяжении второй половины XVI века. Под его пером вместо «подлинных христианских государей» русские правители предстали перед западным читателем скопищем всех человеческих пороков, воистину «антиправителями»: они хитры, лицемерны, вероломны, воинственны, все время ищут повода к нападению на соседей, жестоки к побежденным. Повествование Герберштейна наполнено примерами тирании и преступлений московских государей, совершенных ими для захвата, укрепления власти или даже без повода. Московиты склонны к убийствам, насилиям, грабёжам: «Все они называют себя холопами, т. е. рабами государя... Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе». Эффект от «Записок о Московии» оказался необычайно велик: вплоть до XVIII века они считались наиболее авторитетной «энциклопедией по Московии».

Появление книги Герберштейна свидетельствовало о том, что к середине XVI века в отношении Европы к России стали преобладать недоверие и настороженность. Когда восторг от «открытия России» сошел на нет, осталась прагматика, например просить денег у Москвы (просила прусская ветвь Немецкого ордена, субсидии получали Священная Римская империя и православные церкви на территории Османской империи) или торговать с ней, что делала Ганза, а с 1555 года — английская Московская торговая компания. Но в политическом плане России не доверяли, считали чуждой, потенциально враждебной. И она в 1558 году подтвердит эти опасения, введя войска в провинцию Священной Римской империи — Ливонию.

Северный ветер: скандинавские страны и Ливония

Грядущая война за Прибалтику была тесно связана с ситуацией, сложившейся на Балтике еще при Кальмарской унии (1397) — союзе Датской, Шведской и Норвежской корон. Ведущую роль в нем играли датчане. Они проникли в Прибалтику в начале XIII века почти одновременно с первыми немецкими завоевателями этих земель. Существует легенда об обретении датского национального флага — Даннеброга — темно-красного полотнища с большим белым крестом. В 1219 году в битве датских рыцарей с язычниками при Лиданисе, на месте будущего Ревеля, этот флаг был ниспослан Господом с небес.

Дания захватила земли на острове Эзель и в Северной Эстонии, но контролировала свои прибалтийские владения плохо. Опасаясь их потерять, датчане сочли за благо продать свои земли ливонским ландсгеррам по сходной цене. К 1346 году Дания ушла из Прибалтики, хотя периодически вспоминала о ней и предъявляла претензии на свои бывшие владения. Тем более что датский король официально считался покровителем (протектором) ливонских земель перед императором Священной Римской империи.

В 1523 году после долгой и кровопролитной борьбы из Кальмарской унии вышла Швеция, что резко изменило расклад сил в регионе. Крепость Выборг на берегу Финского залива сделалась форпостом шведского продвижения к устью Невы и Карельскому перешейку, который был поделен между Новгородской республикой и Шведским королевством еще по Ореховскому договору 1323 года. К концу XVI века договор явно устарел. В 1495 году состоялась небольшая русско-шведская война, которая не определила победителя.

Швеция имела тесные отношения с североэстонскими городами, в частности с Ревелем. Она не строила планов завоевания Ливонии, но в случае ее ослабления и распада, несомненно, была заинтересована участвовать в дележе богатой земли, «сочащейся молоком и медом».

Дания отнеслась болезненно к утрате Швеции, и, чтобы восполнить потерю, она реанимирует свои претензии на бывшие прибалтийские владения. Датские дипломаты в 1550–1560-е годы активно посредничают между Ливонией, империей, Польшей и Россией.

Самостоятельно, по отдельности, ни Дания, ни Швеция, наверное, не вторглись бы в Ливонию, но как только зашаталась земля под ногами ордена и возникла угроза раздела

Ливонии между Польшей и Россией, обе страны активно включились в раздел «ливонского пирога».

Глава 3. Как делили «ливонский пирог»

Как «ошибка переводчика» может привести к войне

С 28 апреля по 1 июня 1554 года в Москве проходили русско-ливонские переговоры. Ливонцев ожидал бурный прием. Изумленные послы заслушали перечень обвинений против своей страны: таинственное «неисправленье», клятвopеcтупление (нарушение предыдущих договоров), неплатеж «юрьевской дани», захват православных храмов в ливонских городах, надругательство над ними и святотатство, препятствование русско-европейской торговле, непропуск в Россию мастеров из Европы, невыгодное для русских посредничество в торговле, нападение ливонцев из Нейгаузена на земли вокруг Красногородка и обида, причиненная послу новгородского наместника.

Ошеломленные послы пробовали возражать. Проще всего было пообещать вернуть православные церкви — благо, ни протестантам, ни католикам они были не нужны — и обвинить во лжи представителя Новгорода. Его делегация была принята хорошо, но перепилась и устроила безобразия: русские гуляли по Дерпту, били стекла, задирали горожан и буквально охотились на местных фрау с непотребными целями. Так, они сами оказались виноваты, что их пришлось усмирять.

Торговые запреты налагает не Ливония, а Священная Римская империя, которая с давних пор запрещает торговать с варварскими народами стратегическими военными товарами и технологиями. Что же касается торгового посредничества, то оно является основой благосостояния Ливонии («города живут торговлею»), поэтому отменить его для русских никак невозможно.

Самым опасным требованием была неуплата «юрьевской дани» — не из-за масштабов платежа, а из-за угрозы превращения Ливонии в данника России. Что это за дань, неясно представляли себе уже во времена Ивана Грозного. Ее происхождение теряется в глубине веков и было, видимо, связано с зависимостью латышской Таловы от Пскова в начале XIII века. С 1463 года дань почему-то фигурирует в договорах Пскова с Дерптским епископством, но ее никогда не платили. Сами ливонцы на переговорах 1554 года называли ее «почетным титулом великого князя», на что дьяк Висковатый энергично возражал: нам титулов, тем более таких сомнительных, не надо, нам давайте деньги.

Позже, чтобы представить требования русских в карикатурном свете, немецкие авторы сочинили уничижительные версии происхождения дани. Якобы русские владели «пчельниками» под Нейгаузенем и собирали с них «медовый сбор», а Иван Грозный распространил эту дань на всю Ливонию. Вместо нескольких пудов меда Москва требовала по одной марке с каждого жителя плюс недоимки за все годы — всего 6 тысяч марок (около тысячи дукатов, или 60 тысяч талеров) плюс 45 тысяч талеров одновременно в качестве недоимки за прошлые годы. Для сравнения — в 1558 году при взятии Дерпта в доме только одного (!) дворянина Фабиана Тизенгаузена было конфисковано 80 тысяч талеров — больше, чем требовалось собрать со всего населения для предотвращения войны!

Ливонские послы оказались в сложном положении. С одной стороны, начиная с 1550 года в отношениях России и Ливонии сохранялась неопределенность, и потому непременно нужен был договор о длительном перемирии. С другой — выплата «юрьевской дани» была неприемлемым условием. Русская дипломатия искусно запугивала ливонцев, указывая, что если они не подпишут пункт о дани, «царь сам пойдет за данью». Растерявшиеся послы наконец нашли, как им казалось, гениальный выход. Дело в том, что сначала составлялся русский вариант договора, а потом с него делался немецкий перевод в виде довольно грубого подстрочника. Как показал историк Вадим Попов, тексты

соглашений составляли ливонцы: псковско-дерптского — Ганс Фогт, новгородского — Мельхиор Гротхузен. Оба они перевели русское выражение «сыскати дань» (то есть «востребовать ее сбор, выплату») как: «исследовать вопрос о дани»: «denselbigen Zinns untersuchunge thun» и «den Tinns undersocken» соответственно.

Тем самым смысл договора изменился радикально: вместо угрозы нападения в случае неплатежа в немецком тексте появилось мирное обещание расследовать законность требования дани. Таким образом, и русские выполнили задание государя, подписав договор с пунктом о «юрьевской дани», и ливонцы могли теперь отчитаться, что отразили натиск русских дипломатов, переведя спор в юридическую сферу, где немцы чувствовали себя гораздо увереннее. Дипломаты обеих стран были счастливы и отчитались об одержанной победе. О том, что договор 1554 года прямиком вел к войне, тогда еще никто не думал.

В Ливонии, конечно, понимали, что послы слукавили и что неплатеж дани может привести к войне, однако все ограничилось взволнованным обсуждением этой проблемы. Магистр обвинял дипломатов в превышении полномочий. Кристоф Штурц, канцлер архиепископа Вильгельма, писал своему господину, что надо воспользоваться предоставленной трехгодичной отсрочкой и за это время заключить военный союз с татарами, Польшей или Швецией, которые помешают Москве реализовать ее агрессивные намерения. Особые надежды ливонцы возлагали на суд Священной Римской империи, для которого подготовили документы из ливонских архивов (два из городского архива Дерпта и три — из епископского), как бы опровергавшие все претензии Москвы.

Русско-шведская война 1555–1556 годов

Передышка, которую получила Ливония после 1554 года, была связана не столько с заключенным договором, сколько с обострением русско-шведских отношений. Они были вызваны пограничными конфликтами. Кроме того, Швеция была оскорблена пренебрежением, с которым к ней относилась московская дипломатия. В иерархии европейских правителей, принятой в России, шведский король считался равным по статусу великокняжескому наместнику Великого Новгорода. Пока Швеция была в зависимости от Дании, это еще хоть как-то можно было объяснить. Но короля Густава Вазу, правителя независимого государства, такой подход оскорблял. Москва же не собиралась менять заведенный порядок. Царь Иван Грозный отказывался общаться напрямую со шведским монархом, считая его слишком худородной фигурой, и все переговоры со Швецией поручали новгородским наместникам.

Эти две причины и привели к русско-шведской войне 1555–1557 годов. Что касается «задоров» в пограничной зоне, то в них виноваты были обе стороны. Шведы разорили поместья русских дворян, убили сына русского данщика Василия Конины, обложили данью двадцать русских погостов в Мурманской земле, угрожали нападением на Никольский монастырь на реке Печенге. В свою очередь, российский отряд разорил 1200 шведских дворов в Агрепе. Возникла типичная для того времени ситуация, когда мелкие конфликты местных землевладельцев становились поводом для межгосударственной войны.

Обошлось без крупномасштабных боевых действий. Шведский отряд во главе с адмиралом Якобом Багге безрезультатно пытался атаковать русскую крепость Орешек. В январе 1556 года российская армия начала наступление в юго-восточной Финляндии, разбила противника у Кивинебба и подошла к Выборгу, но взять его было ей не под силу. Уже 13 июля 1556 года Густав направил в Новгород послов с предложением прекратить войну.

25 марта 1557 года был подписан мирный договор. Он предполагал перемирие на сорок лет, демаркацию границы с помощью специальных чиновников («судей»), назначаемых с обеих сторон, безвозмездный возврат шведами русских пленных и принудительный выкуп шведами своих людей из русского плена. Густав не добился главной цели: все дипломатические сношения, согласно договору, предполагалось и дальше вести через

новгородских наместников. В ходе переговоров шведская делегация даже добралась до Москвы и пыталась добиться царской аудиенции, но ее выслали обратно в Новгород.

Россия спешила подтвердить мир со Швецией, поскольку он сдерживал ее вторжение в Ливонию. 8 июля русский посол Иван Замыцкий отправился в Стокгольм, чтобы засвидетельствовать ратификацию перемирных грамот. 28 декабря 1557 года он вернулся в Москву и сообщил, что в его присутствии и перед риксдагом король Густав I Ваза крестным целованием и клятвой на Библии утвердил договор. Соглашение вступило в силу 1 января 1558 года. В том же январе русская армия перешла границу Ливонии и начала боевые действия.

Ливонию предали? Кто желал гибели своего государства

В середине 1550-х годов интерес к Ливонии начинают проявлять польские и датские дипломаты. В апреле 1554 года прошли переговоры орденского канцлера Кристофера Буттихера с датским королем Христианом III. Дания пыталась реанимировать свои старые права на Ливонию, от которых отказалась еще в 1346 году, и требовала себе Нарву как залог под древние денежные займы. Ливония же хотела, чтобы Дания документально подтвердила свой отказ от территориальных претензий. В итоге стороны не договорились.

Весной 1554 года германская аристократия организовала заговор против прусского герцога Альбрехта, которого считали предателем идеалов Немецкого ордена, Иудой, продавшим орден полякам. Возглавил заговорщиков герцог Генрих Брауншвейгский, а среди участников оказались и ливонские дворяне. После подавления мятежа Альбрехт утвердился в мысли, что пока существует Ливонская ветвь Немецкого ордена, будут находиться идеалисты, желающие поставить на ноги скелет немецкого рыцарства.

В августе 1554 года в Вильно прибыл прусский посол Асвер фон Брандт. Он привез секретный план покорения Ливонии. В основу была положена модель присоединения Пруссии 1525 года. Польша должна предложить ордену свою защиту от нападения русских на условиях признания короля сюзереном магистра. Русско-ливонский договор 1554 года со зловещим пунктом о «юрьевской дани» был весьма кстати: он должен был сделать ливонцев податливой. Одновременно польские дипломаты вели переговоры с датчанами, чтобы те своими требованиями отдать местности Гарриен и Вирланд еще больше напугали ливонцев и заставили их искать помощи польской короны.

Однако Ливония — то ли в силу легкомыслия политиков, то ли из-за неповоротливости политической системы конфедерации, требующей длительного согласования решений, — пугалась слишком медленно. Чтобы подтолкнуть ее, в феврале 1555 года в Шверине Альбрехт Прусский провел переговоры с мекленбургским герцогом Яном Альбрехтом. Два герцога обсудили новый план по дестабилизации обстановки в Ливонии путем грубого нарушения ее обычаев и законов. Во власти немецких герцогов было не так много пунктов, которые они могли бы нарушить, среди них — рецесс Вольмарского ландтага 1546 года, запрещавшего назначение представителя наследственной аристократии коадьютором (помощником епископа) или епископом в Ливонии. Было решено выдвинуть на должность коадьютора рижского архиепископа Вильгельма Бранденбургского молодого герцога Христофора Мекленбургского, тем самым спровоцировать выступление ливонских ландсгерров против архиепископа Вильгельма. Таким образом король Сигизмунд II Август получил бы повод для вмешательства в дела Ливонии, чтобы заступиться за своего рижского родственника.

Кандидатура для раздражения ливонских сановников была выбрана идеально. По словам историка Георгия Форстена, восемнадцатилетний Христофор был «...изнеженный, под постоянной опекой боготворившей его матери, для своих лет слишком рано вкусивший всех мирских удовольствий в бытность свою во Франции, религиозно индифферентный, без надлежащего образования, занятый одною только мыслью, как бы веселее и беспечнее провести жизнь...» Словом, не самая подходящая фигура для

заместителя католического епископа и общения с пуритански настроенными немецкими рыцарями.

1 сентября 1555 года на встрече с Альбрехтом Сигизмунд II принял план и обещал оказать Христофору полную поддержку. 27 сентября герцог через Штетин, Данциг, Мальборк и Кенигсберг выехал в Ливонию. Ровно через два месяца, 27 ноября 1555 года, он прибыл в замок Кокенгаузен, для встречи с Вильгельмом и капитулом. Архиепископ отправил главе ордена письмо, в котором объявил о желании назначить Христофора Мекленбургского своим коадьютором, что было одобрено римским королем Фердинандом, мекленбургским герцогом Яном Альбрехтом, а также князьями империи. Магистру оставалось либо смириться, либо обосновать свои возражения.

«Война коадьюторов»

В январе 1556 года в столице Ливонского ордена, Вендене, открылось собрание высших сановников ордена — конвент. 12 января на его заседании выступил польский посол Каспар Ланский. Он предъявил требование Сигизмунда II как протектора рижского архиепископа избрать коадьютором Христофора. После двухдневных размышлений конвент отказался решать столь сложный вопрос и передал его на рассмотрение общеливонскому собранию — ландтагу. Руководство ордена избрало тактику затягивания процесса. Учитывая сложность политической организации Ливонии, можно было бы довольно долго пересылать вопрос по разным инстанциям.

Но Вильгельм нанес упреждающий удар. Видя, что орден стал на путь проволочек, 28 января 1556 года рижский капитул, собравшийся в замке Лемзаль, избрал Христофора коадьютором, а Вольмарский ландтаг в марте это решение утвердил. Однако рыцари тоже умели интриговать и на том же ландтаге утвердили коадьютором магистра феллинского командора, вестфальца по происхождению, Вильгельма Фюрстенберга. Худшую для Польши кандидатуру трудно было представить. Несколько лет Фюрстенберг был комтуром Динабурга, крепости на ливонско-литовской границе, и прославился жестокими и кровавыми набегами на литовское пограничье. Для польских и литовских политиков он однозначно был столь же раздражающей и неприемлемой персоной, как и Христофор Мекленбургский для ливонцев. То есть рыцари сравнивали счет по «неправильным» коадьюторам.

У Вильгельма Рижского и его сторонников была своя кандидатура на пост коадьютора магистра — маршал ордена Яспер фон Мюнстер. Подстрекаемый Вильгельмом, он поднял мятеж и 5 мая 1556 года напал на Дюнамюнде. 10 мая 1556 года мятежники обратились к королю Сигизмунду II Августу и Альбрехту Прусскому с просьбой о польской военной интервенции. Вильгельм просил прислать три военных корабля и три тысячи воинов для «реализации первой фазы нашего плана». Они собирались вызвать восстание в Курляндии. Эти события получили название «войны коадьюторов».

Однако мятежники, чья политика в отношении Ливонии была откровенно предательской, не получили поддержки ни среди рыцарей ордена и остальных епископов-ландсгерров, ни со стороны ливонских городов. Вильгельма и фон Мюнстера поддержали только два замка в Курляндии — Митау и Нитау. Не располагая крупными военными силами, несостоявшийся коадьютор всерьез воевать не собирался. Вильгельм и Христофор вообще делали ставку только на военную интервенцию Польши. Из замка Кокенгаузен они писали послания Сигизмунду и Альбрехту с просьбой о помощи. Война получалась странной.

16 июня орден и ливонские города официально объявили войну мятежному архиепископу Вильгельму. 24 июня орденские войска взяли Зербен, резиденцию секретаря Вильгельма Христофора Штурца, и замок Пибальг, принадлежавший коадьютору Христофору Мекленбургскому, а 28 июня войска правительственных сил осадили Кокенгаузен. Вильгельм и Христофор не думали сопротивляться и тут же сдались.

Казалось, что «война коадьюторов» закончилась и мятеж подавлен. Рыцари хорошо махали мечами, но были мало искушены в политических интригах. Они совершали ошибку

за ошибкой. Арест Вильгельма и Христофора фактически запускал реализацию плана Сигизмунда II: как протектор Рижского архиепископства теперь он на законном основании мог ввести войска. Командор замка Розиттен Шарль фон Белль захватил польского посла, Каспара Ланского, и тот был убит в случайной стычке. Убийство дипломата дало Польше еще один повод для вторжения.

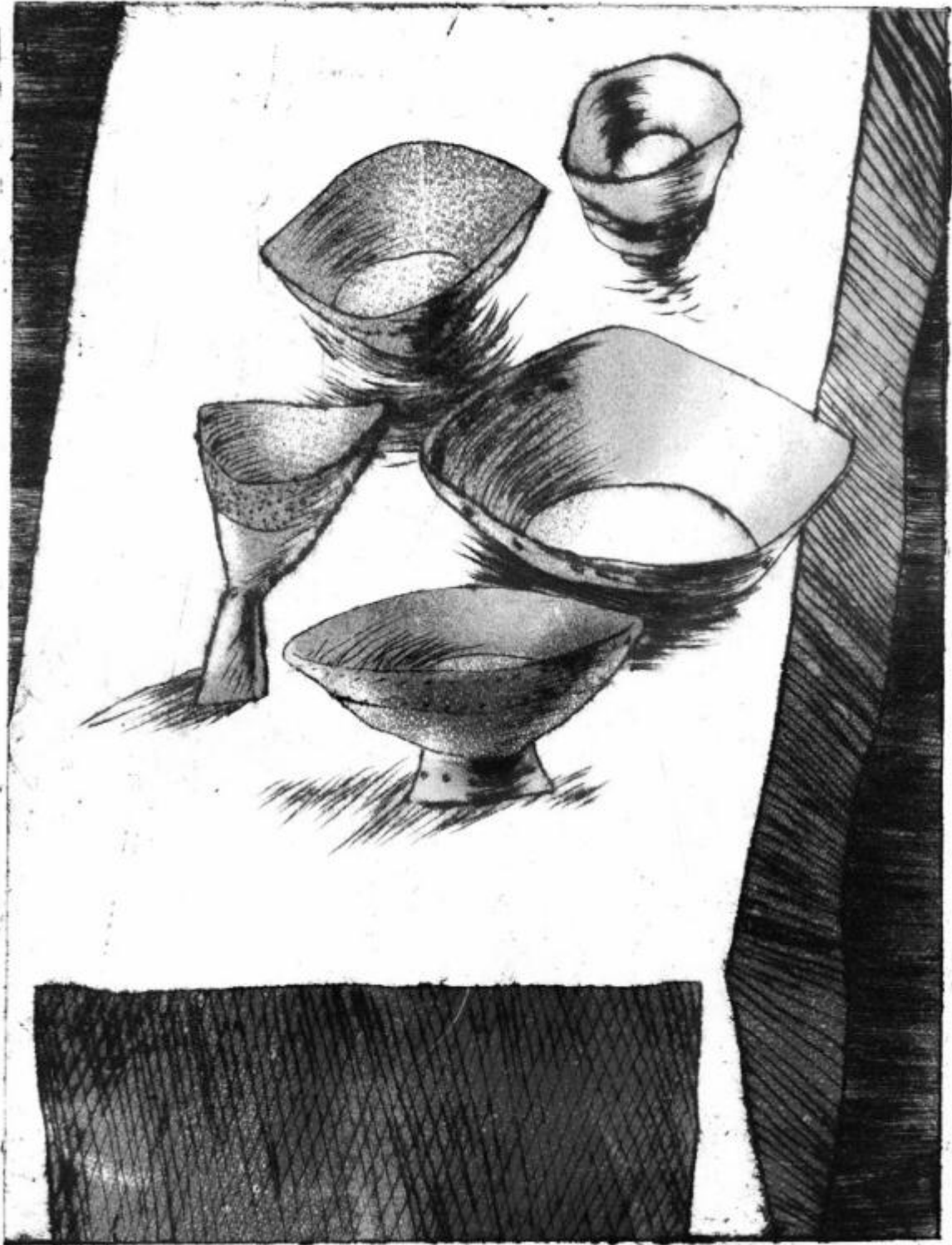
Ситуацию попыталась смягчить Дания, обеспокоенная усилением Польши. В ноябре 1556 года датские дипломаты приехали в Прибалтику, чтобы выступить посредниками между Короной и орденом. К марту был предложен проект политического компромисса, включавший реабилитацию Вильгельма, но на встрече в Вильно польские дипломаты отвергли этот план. В июле 1557 года в игру вступила Священная Римская империя, потребовавшая восстановить Вильгельма в своей должности и компенсировать его убытки.

При этом ни одна из европейских держав не поддержала орден. Фюрстенберг подавил попытку государственного переворота — и он же оказался виноватым и перед Польшей, и перед Данией, и перед империей, частью которой Ливония являлась. Все они требовали выпустить Вильгельма и возместить ему причиненный ущерб. В этот момент Сигизмунд II Август решил, что настала пора для решающих действий: орден в изоляции, и можно сыграть на том, что если Ливония не достанется Польше — она достанется русским, срок договора с которыми истекал в 1557 году.

В августе 1557 года армия под командованием троцкого воеводы Миколая Радзивилла двинулась к границам Ливонии. В ней были литовские отряды, 4 тысячи коронной пехоты и 2 тысячи конников под командованием коронного маршалка Яна Малецкого. Современники, нагнетая обстановку, приводили совершенно фантастические цифры. Римский нунций в Польше Бонджиованни писал, что Польша выставила 100 тысяч, а Литва 70 тысяч воинов. Одновременно от замка Рагнит к ливонским границам двинулись прусские отряды Альбрехта, которые планировали соединиться с силами Сигизмунда. Польский король подготовил официальную грамоту об объявлении войны.

Войны не получилось. Новый магистр ордена (после смерти фон Галена им стал Фюрстенберг), несмотря на всю его воинственность, понимал, что сопротивление самоубийственно. Польско-литовская армия — это не крошечные отряды сторонников фон Мюнстера. Ливония капитулировала без сопротивления. 5 сентября 1557 года был подписан Позвольский мир, ратифицированный магистром Фюрстенбергом 14 сентября. Вильгельму и Христофору обещали восстановление в должностях, полномочиях и владениях. Христофор объявлялся официальным преемником Рижского архиепископа Вильгельма. Архиепископу возвращались символы власти, грамоты, книги и акты личного хозяйства, полностью возмещались все материальные убытки, в том числе военные трофеи рыцарской армии, захваченные при взятии мятежных городов. Кроме того, он получил юрисдикцию над половиной Риги. Фюрстенберг принимал на себя обязательство компенсировать все военные расходы, понесенные армией Сигизмунда во время похода к границам Ливонии. Магистр ордена подписал с Сигизмундом отдельное союзное соглашение, направленное против России. В случае нападения России на Литву или Польшу Ливония обязалась поддержать союзников, и наоборот. Стороны договорились не заключать сепаратного мирного соглашения с Россией без консультаций друг с другом и одобрения принятого решения обеими сторонами. Правда, в договоре был пункт, что ливонско-польский союз вступает в силу только через двенадцать лет.

Позвольский договор фактически поставил Ливонию в зависимость от Королевства Польского. Сбывались мечты о триумфе короля Сигизмунда II над Немецким орденом. Оставалось совсем немного. Но карты спутало русское вторжение: Грамота об объявлении Польшей войны Ливонии была составлена в августе 1557 года, а в ноябре того же года такую же грамоту стали готовить в Москве...

Пустые блюда для послов

Русское вторжение в Ливонию в январе 1558 года

Утверждение, что русское вторжение в Ливонию было продуманным и спланированным шагом, довольно спорно. С одной стороны, есть русская грамота об объявлении войны Ливонскому ордену, сохранившаяся в оригинале. Она датируется ноябрем 1557 года. Следовательно, Иван Грозный честно прождал положенные три года с момента заключения

договора, не дождался обещанной выплаты дани и пошел, как и было обещано, «сыскивати дань» самостоятельно. То есть русское вторжение в Ливонию — спланированная акция.

С другой стороны, этот тезис опровергается фактом переговоров в Москве 8–11 декабря 1557 года. Их вели Элерт Крузе от Дерпта, Клаус Франке и Томас Хорнер от магистра. Послы привезли «сысканные в архивах» документы, что русские претензии несостоятельны. Бумаги московские дипломаты даже не стали рассматривать, а поставили вопрос ребром: деньги привезли? Россия была готова снизить сумму, но требовала выплатить ее немедленно.

А у ливонцев денег с собой не было. Они пытались обратиться за займом к московским купцам, но царь запретил давать им ссуду, рассудив, что нехорошо, если требуемую дань вместо ливонцев заплатят свои же купцы. Перед отъездом послов была разыграна символическая сцена: послов позвали к столу и подали им пустые блюда. Когда расстроенные дипломаты уже покидали Москву, их догнал пристав и заявил: «Оставляйте в залог свои драгоценности и сами сидите в Москве заложниками, пока не привезут дань, — тогда войны не будет». Но ливонские посланники не захотели быть заложниками: они трусили или были уверены, что дань для их выкупа никто никогда не заплатит...

Поведение русских дипломатов противоречит тезису, что к этому времени вторжение в Ливонию уже было запланировано. Ведь ливонцам несколько раз дается шанс его избежать: уменьшен размер выплаты, предоставлена возможность «отложенного платежа». Что было бы, если бы Ливония заплатила? Из материалов декабрьских переговоров возникает ощущение, что России были больше нужны деньги, чем война. А грамоту об объявлении боевых действий заготовили на всякий случай...

Так или иначе, в январе 1558 года (в источниках разные даты — от 22 до 25 января) русские войска переходят границу Ливонии под Нейгаузенем. Их было не очень много, скорее всего, от 4 до 8 тысяч. Но для маленькой Ливонии, чьи вооруженные силы не дотягивали до 7 тысяч, это была огромная армия. Маршрут набега был традиционен: вдоль западного берега Чудского озера, от Нейгаузена до Нарвы. Разгрому подверглись в основном земли Дерптского епископства. Русские не задерживались у городов и крепостей, а громили округу, жгли села, деревни, демонстративно проявляли жестокость к населению. За 14 дней боев было сожжено 4 тысячи дворов, сел и поместий. По словам ливонского хрониста Ниенштедта, «...как только перешли они границу, сейчас засверкали топоры и сабли, стали они рубить и женщин, и мужчин, и скот, сожгли все дворы и крестьянские хаты и прошли знатную часть Ливонии, опустошая по дороге все». Словом, нападение выглядело как карательная акция в наказание за неплатеж дани. При этом во все стороны рассылались грамоты с обещанием покинуть Ливонию при ее уплате.

И войска ордена, и войска дерптского епископа укрылись за крепостными стенами, радуясь, что русские проходят мимо. Отдельные отряды отваживались нападать на фуражиров и оставших воинов, но не более того. Население сел и мыз оказалось брошенным на произвол судьбы. Люди пытались спастись, прячась в каменных кирхах, но там был свой риск — их могли сжечь вместе с церковью.

Пока горели ливонские деревни, крупные города радостно отмечали начало войны. Рюссов рассказывает об одной свадьбе в Ревеле в январе 1558 года: «...там многие дерзко похвалялись и один перед другим целыми и половинными мерами пили против русских, так как в пьянстве они были сильные бойцы. Когда же свадьба окончилась и дело дошло до боя, тогда многие из них бежали не только от русских, но от сосен и кустов, коих они издали принимали за русских. Слово и крик: „Назад! Назад!“ — были сначала в большом употреблении у них, над этим словом русские очень издевались».

В начале февраля магистр наконец-то выдвинул какие-то отряды в район боевых действий. Они осторожно маневрировали, избегая боев. Некоторые собранные наспех дворянские ополчения, например ополчение Иарвена, пытались атаковать маленькие русские отряды, но это уже ничего не решало: после 11 февраля русские покинули Ливонию.

Поход достиг своей цели: теперь ливонцы всерьез стали обсуждать вопрос о срочном платеже «юрьевской дани». 13 марта 1558 года по этому поводу собрался Вольмарский

ландтаг. Историк Вильям Урбан установил, что 12 тысяч талеров дал магистр, 10 тысяч — рыцари Гарриена и Вика, 7 тысяч — дерптский епископ, 10 тысяч — город Дерпт, 10 тысяч — другие города и 10 тысяч должны были поступить от рижского архиепископа. В конце апреля 1558 года новое посольство во главе с Готардом Фюрстенбергом выехало в Москву. В обозе они везли «юрьевскую дань».

«Нарвское взятие»

Ливонию подвели пути сообщения. Пока послы добирались до русской столицы через псковские и тверские леса, ситуация на ливонском фронте резко изменилась. 11 мая неожиданно для всех пала Нарва. Пользуясь обострением обстановки, жители Нарвы и Ивангорода с марта 1558 года стали стрелять друг в друга через реку Нарову, сначала из пищалей и аркебузов, а потом дело дошло до пушек. Ивангородцы пожаловались царю, и тот приказал бомбардировать Нарву из тяжелых орудий.

Нарвские купцы решили спасти торговлю и в апреле послали гонцов в Москву и Брюссель, где находился Филипп II, муж английской королевы Марии. Они просили покровительства. Но Брюссель был далеко, а Москва куда ближе. Иван Грозный воспринял обращение жителей Нарвы (по-русски ее называли Ругодивом) как просьбу о переходе в русское подданство: «И царь и великий князь ругодивцов ратманов и посадников и бурмистров и полатников и всю землю Ливонскую пожаловал, взял в свое имя и на том дал жалованную грамоту, как быть им в государевом жаловании, а Яким и Захар (Иоаким Крумгаузен и Арндт фон Деден. — *А. Ф.*) за всю землю ругодивскую государю крест целовали, что им служить государю и город сдать, и иного государя не искать помимо царя и великого князя».

Проблема заключалась в том, что городские власти Нарвы воспринимали происходящее по-другому и не считали, что Нарва вошла в состав России. Внутри города возник раскол: одни предлагали договариваться с москвитями, другие — звать на помощь орден. Негативную роль сыграла и сложная организация власти в Ливонии: городское управление было за союз с Москвой, а орденские власти — против. В Нарве был замок с войсками, подчинявшимся орденскому фогту, который слышать не хотел ни о каких соглашениях с русскими. В апреле на защиту Нарвы прибыл отряд ревальского командора Зеegaфена, присланный орденским коадьютором Готтардом Кеттлером.

11 мая в Нарве вспыхнул пожар. Позже была сочинена красивая легенда, что немец-протестант бросил в костер православную икону, а она ответила потоком огня и подожгла город. Увидев, что «наша Нарва» загорелась, жители Ивангорода кинулись переправляться через Нарову на подручных плавсредствах, даже на сорванных с петель дверях. В самой Нарве творилось невиданное. Горожане в ужасе метались по улицам в клубах дыма и огня, пытались спастись в городском рву. Кнехты Зеegaфена, решив, что враг наступает, построились в боевой порядок на городской площади, немного постояли в дыму и, не дождавшись врага, вернулись в замок.

Русские без сопротивления взяли город, окружили замок и открыли по нему орудийный огонь. Немцы пытались отстреливаться с орудийной башни «Длинный Герман», но в спешке плохо зарядили орудие, и оно взорвалось, разметав всю артиллерийскую площадку. К Нарве на выручку подошел отряд Г. Кеттлера, но он остановился неподалеку и не стал ничего предпринимать.

Зеegaфен провел ревизию ресурсов для обороны замка и нашел три бочки пива, немного ржаной муки, вволю сала и масла и пороху на полчаса стрельбы. Пришлось сдавать замок. Русские не настаивали на сдаче в плен и беспрепятственно выпустили из замка отряд кнехтов с оружием. С отрядом ушли горожане, не пожелавшие оставаться в занятом русскими городе.

Падение Нарвы резко изменило ход войны. «Юрьевская дань» стала Ивану IV более неинтересна: оказывается, можно ее брать не деньгами, а городами. Когда ливонская делегация с «юрьевской данью» наконец прибыла в Москву после взятия Нарвы, то денег

у нее не взяли. Послам ответили, что царь уже довольно получает в Ливонии. Послы особо не настаивали, чтобы избежать объяснений, как 60 тысяч талеров по мере передачи денег от городов к магистру и от магистра к послам каким-то непостижимым образом превратились в 40 тысяч. По возвращении в Ливонию эти деньги присвоил магистр, сказав, что средства все равно были собраны на нужды ордена...

Взятие Нарвы стало символом для обеих сторон конфликта. В Россию торжественно перенесли найденные на пожаре неопалимые иконы (потом образы Богородицы и Святого Николая хранились в нарвской церкви) и объявили, что падение города было чудом, Божьей волей. В Европе стали утверждать, что Нарва — источник богатства и экономического процветания русских. Кеттлер писал императору Священной Римской империи: «Нарва, которой владеют русские, это — глаз Ливонии, и ее необходимо отвоевать, ибо без Нарвы русские, лишившиеся главной опоры, не страшны». Француз Губерт Ланге писал Кальвину 26 августа 1558 года: Иван IV взял Нарву, самую удобную гавань на Балтийском море. Русский царь не успокоится, пока не упрочит свое могущество. «Если в Европе чье-либо могущество должно возвеличиваться, это будет Россия».

В июле 1558 года русская армия вторично вошла в Ливонию. Она двигалась тем же маршрутом — от границы под Нейгаузенем вдоль западного побережья Чудского озера в направлении местности Оденпе. Но теперь, кроме деревень, русские осаждали и брали города: Кирримпе, Дерпт, Ковлет, Ранден, Конгот, Ринген, Нейшлосс, Везенберг. Историк В. Пенской справедливо назвал летний поход 1558 года «Потопом» — по известной библейской аналогии. К концу августа русские контролировали земли Одиныпе, Вирланд и Аллентакен и развернули наступление на Летляндию (направление Венден — Шванебург), Гарриен и Вик (окрестности Ревеля и Вейсенштейна).

Осенью орден смог нанести несколько контрударов, отбить Ринген и осадить новую столицу «Русской Ливонии» — Дерпт, переименованный в Юрьев. Ливонцы показали, что они способны к сопротивлению и их рано списывать со счетов. Тем не менее итоги военной кампании 1558 года были однозначны: гибель Ливонии была вопросом времени, причем ближайшего. Надо было решать, как делить Прибалтику и кто в этом будет участвовать.

Начало раздела Ливонии

Россия недооценила масштаб международного кризиса, вызванного ее военной операцией. Видимо, это было связано с недостаточной информированностью русской дипломатии о планах Пруссии и Польской короны в отношении Ливонии. О Позвольском договоре, судя по всему, знали, но не воспринимали его всерьез — во всяком случае, он не остановил наступления русских.

В феврале 1558 года, практически одновременно с первым набегом на Ливонию, Москва начала большую дипломатическую игру с Великим княжеством Литовским. Суть ее можно выразить словами: «Крым в обмен на невмешательство в Ливонии». 19 февраля 1558 года в Литву прибыло посольство Р. Алферьева и подьячего И. Тютева. Россия предлагала военно-политический союз против Крымского ханства. Такой альянс, несомненно, получил бы полное одобрение у европейской антимусульманской лиги и ее лидера — Священной Римской империи. За военную помощь Великое княжество Литовское должно было заплатить лояльностью: отказаться от старых территориальных претензий к России и не противодействовать войне в Ливонии.

Комбинация затевалась не только ради свободы рук в Ливонии — в 1550-е годы Россия последовательно вытесняла мусульманские государства из Восточной Европы: было уничтожено Казанское ханство (1552), Астраханское ханство (1554–1556), началось наступление на Крымское ханство (с 1556 года) и на службу России перешли ногаи.

Среди русской знати существовал некоторый раскол. Одни считали, что Прибалтика нам не нужна, а следует наступать на юг — на Крым. Татары были привычным противником (в отличие от тех же ливонцев, к которым по большому счету не было крупных взаимных претензий). Продвижение на юг сулило поместные раздачи, причем плодородной,

роскошной земли современного Центрального Черноземья. Русский дворянин знал, что ему делать с землей, — но что делать с Балтийским морем, он представлял слабо. К тому же война с татарами была войной христиан с мусульманами. А война с ливонцами — как ни верти — конфликтом христиан с христианами, хоть и «латинянами» и «люторами».

Россия и Крым обладали примерно равным военным потенциалом в XVI веке, по крайней мере по мобилизационным возможностям (и та и другая страна могла выставить около 100 тысяч воинов). Объединение сил России и Великого княжества Литовского сразу дало бы решающий перевес, позволивший навсегда загнать татар за Перекоп и прекратить набеги на южные окраины России и Литвы. Визит Алферьева в Вильно, кстати, совпал по времени с набегом татар на Подолье, поэтому его предложение паны выслушали очень внимательно. Правда, годы недоверия и вражды заставили панов опасаться, что Иван IV воспользуется начавшейся войной с Крымом и нападет на Литву. «Лихи вы, верить нельзя», — таково было общее настроение на переговорах. 16 июня 1558 года в Москву с ответным визитом прибыл посол Ян Юрьевич Волчок, который подтвердил готовность Королевства Польского и Великого княжества Литовского обсуждать вопрос о военно-политическом союзе против татар.

В январе 1559 года на Ливонию началось новое русское наступление. Датские послы, проехавшие через страну в феврале, обратили внимание, что «орден у народа в презрении» за то, что не уберег страну. Русские хозяйничают по всей Эстонии и Лэтгляндии. Увиденное так впечатлило дипломатов, что они решили требовать у магистра крепости Феллин и Пернов в обмен за посредничество в переговорах с русскими, потому что, по их мнению, все равно «эта страна не может существовать без покровительства иностранного государя».

Тем временем дипломаты Великого княжества Литовского, разобравшись в ситуации, вывернули ее наизнанку. Вместо предложенного Россией военного союза против Крыма в обмен на невмешательство в ее внешнеполитические дела теперь Литва рекомендовала России вернуть земли, захваченные в «порубежных войнах» первой трети XVI века, и прекратить войну в Ливонии против родственника Сигизмунда II архиепископа Вильгельма, а в ответ она обещала поддержать Россию в ее антикрымской политике и, главное, продлить истекавшее перемирие. Иначе говоря, перед Москвой открывалась перспектива новой войны — с Великим княжеством Литовским, что совершенно меняло расклад сил в борьбе за Ливонию. Впервые вопрос об этом поставило в марте 1559 года посольство Василия Тишкевича. Русские дипломаты не нашли, чем парировать требования литовских послов. Они лишь заявили, что Россия перемирие «додержит», а там — «как Бог даст».

В марте до Москвы наконец добралось датское посольство Клауса Урне. Оно впервые официально предложило поделить Ливонию и передать Дании Гарриен, Вирланд и Ревель — владения «родителей датского короля». Судьба остальных земель Данию не интересовала. Россия была склонна согласиться на раздел, но с условием, что датская корона выступит гарантом капитуляции Ливонии, обеспечит личное прибытие в Москву магистра и архиепископа, сдающихся на милость победителей. Надежда на союз с Копенгагеном была столь велика, что по просьбе датских послов на шесть месяцев было заключено перемирие и прекращены боевые действия в Ливонии.

Иван IV уже строил планы на послевоенное устройство Прибалтики. Там должно было быть установлено смешанное правление: магистр и архиепископ сохранили бы свои богатства и владения пожизненно, но в крупных городах разместились бы русские наместники с гарнизонами. Нам известно два перечня таких городов. В них перечислены Ревель, Пернов, Динабург, Розитен, Каркус, Тарваст, Лаюс, Оберпален, Феллин, Пернов, Вайсенштейн, Вольмар, Венден, Мариенбург, Трикат, Тарваст, Каркус, Динабург и Кокенгаузен.

Между тем Ливония воспользовалась неожиданной передышкой. В мае 1559 года рижский архиепископ Вильгельм обратился к Сигизмунду с письмом, в котором выражал готовность перейти в подданство Короны по прусской модели, с условием сохранения

номинального подчинения Священной Римской империи. Новый магистр ордена, сместивший Фюрстенберга, обвиненного в бездарном руководстве войсками, Готтард Кеттлер, также присоединился к этому обращению.

Таким образом реализовывались планы Альбрехта и Сигизмунда II. Правда, возникло два скользких момента. Первый — угроза новой войны Великого княжества Литовского с Россией. Конечно, это была бы не первая русско-литовская война, и ее перспектива не должна была особо пугать польского короля, который надеялся ее избежать.

Второй — Сигизмунда II смущало сохранение номинальной принадлежности Ливонии к Священной Римской империи.

До сих пор император не оказал ей никакой существенной помощи, потому единственным способом остановить продвижение России была война, а империя не хотела воевать за свою самую восточную провинцию. Зато Польскому королевству Священная Римская империя могла доставить массу неприятностей и в церковной, и в политической сфере, что и заставляло Сигизмунда II действовать осторожно и с оглядкой. Он ждал, когда ливонцам станет настолько плохо, что им не поможет Священная Римская империя и они с плачем ринутся в ноги польскому королю.

Собственно, это и произошло в 1559 году. 31 августа в Вильно было заключено Первое Виленское соглашение между Сигизмундом II Августом и Г. Кеттлером, вскоре (21 сентября) ставшим новым магистром Ливонского ордена. Польский король принял в свою «клиентеллу и протекцию» земли Ливонии. 15 сентября к соглашению присоединился рижский архиепископ Вильгельм. Сигизмунд обязывался оказать ливонцам военную помощь, если это потребует, и до 11 ноября отправить к Ивану IV посольство с требованием прекратить войну. Взамен король получал орденские земли в среднем течении Западной Двины. Ему были заложены замки Динабург, Зельбург, Людзен, Розиттен и Бауск, которые постепенно заняли гарнизоны, состоявшие из воинов Великого княжества Литовского. Им было велено удерживать замки, но ни в коем случае не вступать в вооруженный конфликт с русскими отрядами. Орден мог выкупить заложенные земли за 600 тысяч гульденов, считая в гульдене 24 литовских гроша. В уплату за помощь архиепископ жертвовал землями вокруг замка Кокенгаузен, заложил королю замки Леневарден и Мариенгаузен и дворы Бирзен и Любан с правом выкупа за 100 тысяч гульденов.

Таким образом начался раздел Ливонии.

Немецкий орден исчезает с карты Европы

Пока Россия отделяла свой кусок «ливонского пирога» силой оружия, а Польша с Литвой — искусством дипломатии, другие страны тоже времени не теряли. В 1559 году в Дании король Фредерик II и его младший брат Магнус спорили из-за права на обладание Голштинией. Фредерик нашел гениальное решение: он предложил Магнусу территории гораздо обширнее, но в Прибалтике. В сентябре 1559 года по Нюборгскому соглашению Дания купила у Ливонии остров Эзель за 30 тысяч талеров. Дополнительно к Датской короне отходили земли Курляндского епископства. Эти владения и передала Магнусу вместо Голштинии. Став Эзельским и Курляндским епископом, ландсгерром Ливонии, он вскоре, в апреле следующего года, высадился на Эзеле вместе с войсками. Датчане подавили сопротивление рыцарей во главе с орденским фогтом замка Зонебург Генрихом фон Людингаузенем. Так третья страна получила свою часть Ливонии.

Кампания 1559 года шла по уже знакомому сценарию. Русские войска лучше действовали зимой и летом. Они захватывали каменные замки, которые наемные солдаты — кнехты нередко бросали на произвол судьбы. Ворота настежь, редкие жители и кружащее воронье — вот что встречало русские войска. Зато к осени орден накапливал силы и наносил серьезные ответные удары. Десять дней рыцари осаждали Юрьев (бывший Дерпт), но столица русской Ливонии выстояла. Осада другой крепости с гарнизоном из московских стрельцов — Лаюса — тоже закончилась безрезультатно.

В январе — феврале 1560 года новое крупное русское войско вторглось в Летляндию и Иервен и прошло широким фронтом от Феллина до Вендена, «преж сего те места были не воеваны». Во время похода были взяты сильные крепости Мариенбург (Алыст) и Тарваст. 2 августа 1560 года под Эрмесом был разбит ливонский отряд, в составе которого был цвет аристократии и военное командование ордена во главе с ландмаршалом (главнокомандующим) Филиппом фон Беллем. В плену оказались сам фон Белль и десять комтуров — военных командиров. Битва при Эрмесе считается последней крупной битвой немецких рыцарей, в которой были разбиты «северные крестоносцы». 21 августа русские взяли Феллин — вторую по значению (после Вендена) орденскую крепость. В плен попал бывший магистр ордена, Вильгельм Фюрстенберг. Оправиться от таких поражений было уже невозможно.

На этом фоне появляется четвертый участник раздела «ливонского пирога» — Швеция. В сентябре 1560 года город Ревель и земля Гарриен (сегодня это Северная Эстония) обратились к ней с просьбой о защите. Шведы согласились, но с условием, что ливонцы со своими городами и землями присягнут на верность. 4 июня следующего года рыцарство, а 6 июня и горожане Ревеля подписали акт о переходе в подданство шведской короны.

Священная Римская империя наблюдала, как на ее глазах делят Ливонию, но никаких реальных шагов не предпринимала. В сентябре 1560 года Шпейерский рейхстаг обратился к Англии, Польше, Дании, Швеции и ганзейским городам с просьбой о поддержке. В октябре повторно собравшийся рейхстаг от имени императора поручил Иоганну Альбрехту Мекленбургскому организовать сбор средств в Польше, Швеции, Англии, Дании, Испании, Франции, германских городах и связанных с Ливонией богатых нижнерейнских и вестфальских землях. Было также решено запретить экспорт в Россию боеприпасов и военного снаряжения. 1 ноября вышел императорский указ о запрете нарвской торговли военными товарами. В декабре третье заседание Шпейерского рейхстага объявило сбор средств для найма солдат и их отправки в Ливонию. Однако средства не собирались, а запреты не соблюдались. В отношении Прибалтики империя проявила редкое политическое бессилие. Датские и польские дипломаты сумели изобразить дело так, что они не захватывают Ливонию, пользуясь ее бедственным положением, а фактически спасают эту страну и земли Священной Римской империи. Датский король уверял, что формально Эзель и Вик — владения империи, хотя там пока правит датский герцог и стоят датские войска...

В 1560-м — начале 1561 года Ливония была поделена на несколько частей: Эзель, Вик и части Гарриена и Курляндии были в руках датчан; Вирланд, Аллентакен, Одинпе и часть Иервена — под оккупацией России; значительные районы Курляндии и Летляндии — в залоге польскому королю Сигизмунду; Ревелем и Гарриеном владели шведы; власть ордена распространялась на некоторые разоренные войной районы Иарвена и Гарриена и на менее пострадавшую Курляндию; независимость сохраняла Рига.

Магистр Кеттлер забрасывал короля Сигизмунда II Августа письмами, в которых умолял как можно скорее ввести войска в еще не занятые русскими районы Ливонии — ввести на любых условиях. Король не спешил — он должен был выяснить, удастся ли обыграть Россию дипломатическим путем. Посольство Мартина Володевича в январе 1560 года фактически обрисовало перед Иваном IV два сценария развития событий. Выбор был простой: или Россия уходит из Ливонии и вступает в союз с Польшей и империей против «мусульманского мира», или не уходит и тогда против нее выступит вся Европа, начиная с Королевства Польского и Великого княжества Литовского.

Сигизмунд II, видимо, допускал, что участие в «антимусульманской лиге» будет для России наградой, стоющей уступок в Ливонии. Надежда была напрасной. Москва мыслила совсем в других категориях, чем Краков и Вильно. У царя Ивана были свои представления не только о целях, к которым надлежит стремиться, но и о наградах. Главной наградой был он сам.

18 августа 1560 года государь приказал отправить в Литву посольство окольного Ф. И. Сукина и дворцового дьяка Г. Шапкина с предложением... сватовства московского

монарха к сестрам-Ягеллонкам, принцессам Анне или Екатерине. Тем самым был бы заключен династический союз между двумя могущественнейшими династиями Восточной Европы. В условиях, когда Иван Грозный — зять короля Сигизмунда II, конечно, ни о каких спорах за Ливонию не могло бы быть и речи. Но Ягеллон не оценил предложения и отказал, выдвинув условием заключения брака вывод русских войск из Ливонии, возврат Смоленска и Северских земель. Иван IV явно переоценил себя как жениха, так же как Сигизмунд II — прелести для России членства в европейском военно-политическом союзе.

Тем временем в Ливонии начались первые боевые столкновения литовских и русских войск. 31 августа 1561 года М. Радзивилл взял замок Тарваст, который оборонял русский гарнизон. Собственно, с этого момента можно отсчитывать начало русско-литовской войны.

28 ноября 1561 года по Второму Виленскому соглашению началась официальная ликвидация Ливонского ордена. Его последний магистр, Г. Кеттлер признал себя вассалом Сигизмунда II Августа и получил в ленное владение Курляндское и Земгальское герцогства. 5 марта 1562 года литовский князь М. Радзивилл принял присягу магистра, архиепископа и ливонских сановников. Эта дата и считается днем гибели ливонской ветви Немецкого ордена.

Новые реальности Прибалтики

В результате «войны за ливонское наследство» 1558–1561 годов в Прибалтике возникла новая геополитическая реальность. Исчез Немецкий орден, с XIII века господствовавший в регионе. Это было средневековое государство, основанное на союзе креста и меча, католических епископств и духовно-рыцарской корпорации. В нем постепенно все большую роль начинали играть города и торговые корпорации.

Непрочная конфедерация Ливония легко распалась на части. Показательно, что о единстве Ливонии вопрос даже не поднимался, каждый ландсгерр и город спасались в одиночку. Новые территориальные единицы образовывались по принципу: «Отдаю суверенитет и принимаю чужое подданство в обмен на военную защиту». Для Средневековья это была привычная формула. Карликовые суверены теряли независимость и переходили под сюзеренитет более сильных монархов.

Раздел Ливонии с исторической точки зрения не нес ничего необычного для самой Ливонии. Однако для стран, участвовавших в этом процессе, новации были, и значительные. Россия впервые присоединяла инокультурные территории Европы. У нее был опыт захвата восточных земель Великого княжества Литовского, которые в конце XV — начале XVI века не отличались принципиально от русских территорий: те же православные церкви, деревянная архитектура, городская планировка, почти тот же язык. Чужими были земли завоеванных Казанского и Астраханского ханств, но с ними обошлись как с пустующими — население покорили, пространства колонизировали.

С Ливонией так нельзя было поступить: русские оказались в непривычном для них мире каменных замков и городов, кирх и морских портов, среди немецкоязычного населения. Есть свидетельства, что они неуютно чувствовали себя в каменных домах и делали к ним деревянные пристройки для размещения своих гарнизонов. Нельзя было истребить все местное население и заселить Ливонию русскими. Следовало придумать новую формулу присоединения. Идея, что Ливония есть исконная вотчина Рюриковичей, могла устраивать Ивана Грозного, но мало объясняла, что конкретно делать русским воеводам в захваченных городах и замках. Алгоритм действий предстояло выработать, если Москва хотела прочно утвердиться в Ливонии. Поиск новых принципов государственной политики заставлял делать первые, неуверенные шаги по строительству Российской империи.

Для Швеции захват плацдарма в Эстонии был первым шагом за Балтийское море, на земли Центрально-Восточной Европы. Этот вектор, по которому будет следовать Швеция ближайшие полтора столетия, приведет ее к превращению в сильнейшую балтийскую державу. В историографии период после 1561 года обозначается как «шведское

великодержавие» (*stormaktstiden*). Иногда употребляется также термин «Шведская империя», хотя исторически он не точен (в Швеции никогда не было императора).

Для Польши захват Прибалтики также стал важным событием. Поражение Ягеллонов при Мохаче от турок в 1526 году с лихвой компенсировалось покорением Пруссии и Ливонии. Тяготы противостояния с Россией принимало на себя Великое княжество Литовское, в Польше они ощущались слабо. Было сладко принимать в подданство сначала Альбрехта Бранденбургского, а затем и Г. Кеттлера, из магистра Немецкого ордена превратившегося в заурядного и во всем зависимого герцога Курляндского. Польша была на пути перерождения в Речь Посполитую — государственное образование, которое сумело объединить в рамках единой державы разные народы.

Таким образом, гибель маленькой Ливонии запустила сложные процессы трансформации восточноевропейских государств.

Как Ливония переживала собственную гибель?

Было бы неправильным изобразить жизнь Ливонии 1558–1560 годов исключительно как историю бессильной жертвы, которую порвали на части соседи-агрессоры, в то время как последние рыцари-герои самоотверженно совершали подвиг безнадежного сопротивления превосходящим силам врагов-москвитов.

Ливония в это время жила отнюдь не только войной. Ее общество переживало сложный и болезненный процесс перехода к протестантизму. Гибель Ливонской конфедерации во многом произошла из-за того, что ни орден, ни католическую церковь вообще никто особо и не старался защищать, кроме «последних рыцарей» вроде Фюрстенберга. В Ливонии стремительно побеждали протестанты, благо им очень помогли русские, разгромившие орден и ландсгерров.

Отношение ливонцев к ордену и католическим ландсгеррам отражено на страницах «Хроники провинции Ливонии» Бальтазара Рюссова. Пастор обрушился на «старую Ливонию» со страшными обличениями. Он писал, что накануне гибели в Ливонию пришел Сатана и посеял «плотскую гордость, негу, высокомерие, роскошь, невоздержанность и другие грубые пороки и грехи». Возросли «свобода и своеволие», которые и привели страну к гибели. По словам Рюссова, «как правители, так и простые дворяне не хотели ограничить роскоши в своих одеждах и нарядах. Ибо простые сановники, как командоры и фохты, подобно королям и князьям, хотели щеголять и хвастать золотыми цепями, трубами и драгоценными одеждами в противность всякому приличию». Проповеди читались от случая к случаю, запустели школы и не было ни одного университета, так как корыстные вельможи не хотели тратить на просвещение.

Одуревшие от безделья магистры и рыцари, по Рюссову, все больше погружались в пучину порока и сластолюбия: «Некоторые орденские магистры... из праздности впали в такой разврат, что стыдно о том и вспомнить. Об их наложницах нечего и говорить, так как это не считалось у них стыдом: подержавши у себя наложницу некоторое время, они выдавали ее замуж, а себе брали новую. Точно также бывало у епископов и каноников <...> Этих женщин все называли не непотребными женщинами, а хозяйками и „женщинами, внушающими мужество“ <...> Что же касается до обыденной жизни и занятий орденских братьев, каноников и дворянства, то в те времена вся жизнь их проходила... в травле и охоте, в игре в кости и других играх, в катанье верхом и разъездах с одного пира на другой, с одних знатных крестин на другие... с одной ярмарки на другую. И очень мало можно было найти людей, годных для службы где-либо вне Ливонии... или на войне».

У подобных рыцарей была своя система ценностей: «кто мог лучше пить и бражничать, драться, колоть и бороться», петь непристойные песни на пирах, «...кто оставался последним и перепивал всех остальных, того на другой день провозглашали храбрым героем и его почитали и славил, будто он покорил какую землю... Во всех землях в то время лучшей похвалой ливонцев было то, что они — славные пьяницы». Пьянство распространялось и на молодежь, 12–14-летних мальчиков. В Ливонии, по словам Рюссова, «среди некоторых

разумных» ходила поговорка: «Да спасет нас Господь от феллинского танца, от витгенштейнского пьянства и от везенбергской чести» (знаком последней считался шрам на щеке, полученный в драке — так называемый «везенбергский коготь»). Интересы дворян ограничивались исключительно развлечениями: «В больших собраниях не слышно было у них разговора о важных предметах или переговорах, но только о зайцах, лисицах, собаках и борзых, и о других бесполезных предметах». В монастырях (например, в монастыре Святой Бригитты) священники бесстыдно на праздники предоставляли площадки для чуть ли не языческих игрищ, сопровождавшихся пьянством и гульбой, будучи «в безумной уверенности, что подобное бесчинство составляет особенно приятную Богу службу и что этим они заслужат у Бога большую милость». Лишенные боевого духа рыцари говорили: «Сохрани нас Господь от немецкой войны (то есть от отправки на фронт какой-либо войны, которую в Европе вела Священная Римская империя), русские же нам не страшны».

Ливонская армия у хронистов того времени носит карикатурный характер. Например, Рюссов описывает эпизод из «войны коадьюторов» 1556 года: прошел слух, будто бы из Пруссии должна прибыть армия наемников-кнехтов на кораблях для нападения на Ливонию. По имениям нобилей из канцелярии ордена и от городских властей рассылаются письма, в которых содержится призыв немедленно «по числу своих имений» вооружать ратников. Рюссов саркастически замечает: «... в то время у многих неопытных ливонцев, не думавших о войне, не было ни ратников, ни оружия по числу их имений, поэтому должны были наскоро отправиться в поход ненемецкие подконюшие и старые шестифердинговые кнехты (служившие за шесть фердингов), которые уже почти до полусмерти спились и обабались, и наверно за всю жизнь не разу не выстрелили. Когда же они напялили на себя старую заржавевшую броню и должны были двинуться в путь, то сначала крепко перепились и клятвенно обещали вместе жить и умереть. Затем многие из них полумертвые сидели на конях и, наконец, двинулись в поле. Тогда жены, служанки и дети так выли и плакали, будто эти воины никогда более не могут вернуться». Что ни говори, картина получилась впечатляющая. Рюссов с усмешкой замечает, что когда это грозное войско прибыло к берегу — предполагаемому театру боевых действий, то противника там не обнаружило. Пропьянствовав там несколько недель, ополченцы воротились домой, «не без славы и чести, по их мнению». Хронист всячески подчеркивает, что военный уклад оказался совсем в новинку для отвыкших от боевых действий земель ордена.

Таких бесчинств Бог не стерпел и наказал орден. «Перемена и разрушение древнего ливонского господства, дворянства и вообще всех городов и замков не есть дело московита, а дело всемогущего Бога, который принужден был употребить московита как бич против Ливонии. <...> И если бы всемогущий Бог, по особенной милости, не наказал Ливонию, то содомские грехи... казались бы в настоящее время слишком ничтожными по сравнению с ливонскими грехами», — писал Рюссов.

Конец Ливонского ордена

Начавшаяся война разрушала привычный уклад жизни ливонцев и облик Ливонии. До 1558 года ее устаревшие в фортификационном отношении замки и города не производили на жителей «милитаристского впечатления», а рассматривались скорее как деталь ландшафта. Средневековые крепости в условиях массового использования артиллерии и огнестрельного оружия были бесполезны и потому быстро превратились в полуразрушенные руины, брошенные своими обитателями.

Города также не были готовы к войне: в январе 1558 года во время похода Шигалея к Дерпту население окрестных деревень пыталось укрыться в городе, но места всем не хватило, и многие замерзли в городских рвах под стенами крепости.

Грабеж стал обычным явлением. Мирных жителей грабили все, у кого было оружие: и оккупационные войска, и свои же рыцари, и крестьяне, в отсутствие сбежавших хозяев объединяющиеся в разбойничьи шайки. Поэтому для одних главной заботой стало, как бы сохранить нажитое добро, а для других — как захватить чужое. Причем и те и другие преступали моральные запреты. Так, многие богатые жители Дерпта при подходе русских прятали золото под могильными плитами своих предков, а москвиты в поисках ценностей раскапывали эти могилы. Ни тех ни других святотатство уже не смущало.

Из-за разбоев удобные дороги, бывшие гордостью Ливонии, стали пустынными. Хорошей дорогой теперь считается бездорожье, путь через леса и малопроезжие местности. В них меньше риска нарваться на разбойников и праздношатающихся воинов любой армии.

Для многих Ливонская война носила «коммерческий характер», начиная с правителей государств — вымогающего дань русского царя и присваивающего себе 40 тысяч талеров ливонского магистра — и заканчивая местным населением. Помимо банального мародерства, процветала продажа и перепродажа амуниции, операции с движимой и недвижимой собственностью, наемничество.

Для кого-то война была трагедией, для кого-то — источником обогащения. Некоторые эпизоды выглядят просто вопиющими. Так, в 1558 году гарнизон ревельского замка предложил бюргерам... купить его на кирпич и на его месте построить дома богатых горожан. И это в ожидании прихода московских войск! Правда, сделка не состоялась: магистрат не устроили ее условия. На следующий год магистрат все же дал ордену 30 тысяч талеров на военные нужды, но не просто так, а под заклад орденского владения Кегель. Когда горожанам было приказано срыть свои усадьбы под стенами Ревеля, что обычно делалось, чтобы противник не воспользовался постройками для сооружения осадных орудий и укреплений или не разместился в них на постой, то ревельцы пытались откупиться деньгами, не думая о судьбе своего города.

Современники подчеркивали разрушительный характер войны. Уже в первом, январском походе 1558 года москвит, по словам Рюссова, «...грабил, жег и убивал, и причинил большой убыток убийством, грабежом, пожаром и взятием в плен, без всякого сопротивления, ливонцев; то, чего он не мог захватить с собой из скота и хлеба, он уничтожил; много скота он загонял в сараи, затем поджигал и сжигал их со скотом». Немецкие историки Ливонской войны описывали жестокие убийства, когда людей сжигали или взрывали порохом.

Щадили только детей до 10–12 лет, которых уводили в рабство. Тех, кто сдавался и присягал царю, принимали почти как своих, что было новым для европейцев. Горе тем, кто сопротивлялся и был пленен с оружием в руках! Для европейской воинской морали это считалось проявлением доблести, заслуживающим великодушного отношения. Для русских такой человек был не храбрец, а государев послушник, достойный казни. Пленных ливонских командиров перевозили в Москву и Псков, где придавали публичным казням. Например, в 1559 году в Москве был казнен некий «Ламошка-немец», взятый в плен под Володимирцем, «за противное слово и за то, что он воевал, ходил к городам по осени, к Юрьеву и к Лаису».

При капитуляции ливонских городов широко практиковалась сдача с условием, что гарнизон и те горожане, которые не хотят оставаться «под москвитом», могут беспрепятственно уйти из города. Ливонцы оказывались перед трудным выбором: жизнь в своем доме и городе, но под оккупацией со всей ее непредсказуемостью и рабской зависимостью от произвола захватчиков, или лишение своего крова и имущества и эмиграция. Многие, понимая, что в скитаниях они вряд ли смогут добиться прежнего положения, тем не менее покинули оккупированные города.

Глава 4. Чтобы выжить, надо отказаться от своего государства: взятие Полоцка и его последствия

Начало русско-литовской войны

31 августа 1561 года отряд под началом М. Радзивилла взял ливонский замок Тарваст, охраняемый русским гарнизоном. Осада длилась три недели, осажденные оборонялись довольно успешно, но нападавшие сумели взорвать стену и сделать пролом. После чего русские сдались на условиях, что их отпустят домой с оружием. Слова литовцы не сдержали: воинов взяли в плен, ограбили, одних отпустили «нагих и босых», других отдали ливонцам, которые заточили их в тюрьмы. Замок был разорен и брошен. Подобное поведение воинства Великого княжества Литовского вызвало осуждение современников. Хронист Александр Гваньини писал, что литвины вели себя как татары, разоряли, бесчинствовали и грабили.

Несчастья тарвастских воевод на этом не закончились: их крайне неласково встретили в России. На фоне триумфа в Ливонии, взятии одного замка за другим, потеря Тарваста была расценена как результат измены. Таковой она не была, русские честно три недели отбивали атаки неприятеля и сдались, только когда из-за разрушения линии стен обороняться уже было невозможно. Царь наложил опалу на сдавших замок воевод, а брошенный Тарваст был полностью сожжен, чтобы он не напоминал о позорном поражении. В Ливонии началась охота на литовские отряды. Один из них попал в засаду под Перновом и был полностью уничтожен.

Так началась очередная русско-литовская война, которую можно датировать 1561–1570 годами, — пятая по счету в XVI веке. Правда, между войнами особого мира не было. В пограничье почти не прекращались военные конфликты. При проведении русско-литовской границы в XV веке стороны старались прокладывать ее по труднодоступной местности: болотам и лесным массивам. Естественные преграды могли затруднить переход через государственные рубежи неприятельских войск, но совершенно не препятствовали движению небольших отрядов, бандитов и контрабандистов.

Теоретически границу должны были контролировать воеводы пограничных городов, но все, что они могли сделать, — держать заставы на основных дорогах, ведущих к городам, а в случае разбоя и нападения врагов из-за рубежа выдвигать небольшие отряды навстречу неприятелю. «За рубеж» ходили как на промысел, за добычей, скотом, угоном людей, просто ради куража и молодецких забав. Эта мелкая перманентная война на границе шла всю первую половину XVI столетия и стала привычным фоном жизни пограничного населения.

Ситуация менялась, когда в конфликт вмешивались войска крупных местных землевладельцев. Они стремились захватить земли и могли причинить серьезный ущерб противнику: горели деревни, в бою сталкивались отряды в десятки и даже сотни человек. Правда, применительно к XVI веку такие конфликты — уже атавизм удельного времени, но в первой половине столетия мы еще можем их наблюдать.

С 1559 года начинается рост мелких стычек и инцидентов, «розбоев, татьбы и поджогов» на всем протяжении русско-литовской границы, особенно в районе Псельского города (на реке Псел, левом притоке Днепра). Состоявшие на царской службе черкасы (так тогда называли жителей будущей Украины) «пустошили» литовские земли и «рыболовья» по Днепру, а казаки Великого княжества Литовского грабили их в ответ. Русские и литовцы спорили о правах на Днепр. Русские утверждали, что Днепр «Божий», ни в каком документе не расписан («меж государей письма нет, в чьей он стороне»), поэтому можно захватывать его берега.

Противостояние постепенно смещалось на север, пока не запылила вся граница. «Тарвастский инцидент» стал спусковым крючком — стороны поняли, что можно воевать, не страшась наказания за нарушение еще формально действовавшего перемирия. 25 марта 1562 года из Смоленска отпущена «рать» на Литву. Удар направлен на Оршу, Дубровну

и Мстиславль. У Орши сожгли слободы, у Дубровны — посад. Одновременно из Стародуба путивльский наместник Г. Мещерский нанес удар на могилевские, чечерские и пропойские места. 14 апреля на Днепр отправлен перешедший на русскую службу князь-перебежчик Д. И. Вишневецкий «недружбу делати» крымскому хану и «литовскому королю».

21 мая из Москвы выдвинулись главные силы. Войска собирались в Можайске. 28 мая начался поход из Великих Лук к Витебску, у которого пожгли посад и окрестные деревни. На обратном пути сожгли посад у г. Сурожа. На Николин день (22 мая) литовцы напали на Опочку, но горожане отбились «за надолбами». Литва повоевала семь волостей, «...и Себежчину, и монастыри пожгли». В ответ в июне-июле состоялся поход русских войск на Витебск. Летом 1562 года русские войска жгли посады пограничных литовских городов от Киева до Витебска и Полоцка.

В июле 1562 года Филон Кмита с отрядом служилых казаков напал на Путивль и разорил округу, а осенью того же года он вместе с белгородскими татарами, киевскими и гомельскими дворянами разбил под Стародубом русский сторожевой отряд. Были убиты воевода Василий Волк и более двухсот детей боярских, а воевода В. И. Темкин и около трехсот детей боярских попали в плен. В августе состоялся крупный поход русских войск под Мстиславль. Отряд В. Глинского прорвался вглубь Великого княжества Литовского и дошел до берегов Западной Двины.

Если побед нет, их стоит выдумать. Кто выиграл битву под Невелем?

На примере битвы под Невелем видно, как в то время пропаганда могла исказить реальные масштабы событий. В августе 1562 года округу пограничного города Невеля начали грабить литовские отряды. Преследовать их был послан князь Андрей Михайлович Курбский. Крупных сражений не случилось: «Того же лета, августа, приходили литовские люди под Невель, городок великого князя, и волости воевали и пошли прочь, и ходил за ними князь Андрей Курбской и с иными воеводами, и с обеих сторон были стычки, и языков наши взяли у них». Судя по всему, Курбский не догнал противника. Позже Иван Грозный будет упрекать его в том, что он не сумел разбить литовцев.

В 1563 году русской армией был взят Полоцк, что продемонстрировало полную неспособность Великого княжества Литовского оборонять страну. На этом фоне Варшавский сейм в ноябре 1563 года объявил, что, оказывается, год назад под Невелем была одержана чудесная и грандиозная победа. В 1568 году в итальянском городе Болонья появилось печатное сочинение поляка Яна Семишловского, в котором эпически описывалось сражение с московитами. Оно сравнивалось с противостоянием греков и троянцев. Как в поэмах Гомера, в их борьбу вмешиваются боги, а каждую армию представляют легендарные герои. Число убитых русских достигает гигантских величин, а потери литовцев ничтожны.

Хронист Мацей Стрыйковский рассказал, что полуторатысячный отряд поляков Станислава Лесновольского и Флориана Зебржидовского, в который также входили 200 литовских жолнеров, казаки и дворовые люди полоцкого воеводы Довойны, сдержал натиск 45-тысячного русского отряда. Московитов пало 3 тысячи, «а наших только 15 незнатных людей погубило», говорил хронист.

Описание Невельской победы в «Хронике» Мартина Бельского (1597) заслуживает того, чтобы привести его целиком (перевод Николая Устрялова): «В 1563 году осенью на сейме Варшавском получено из Литвы радостное известие о поражении нашими 40 000 россиян под московским замком Нев[е]лем. Коронный гетман Флориан Зебржидовский, сам будучи болен, отрядил из Озерищ Черского каштеляна Станислава Лесневельского с 1500 польских воинов и с десятью полевыми орудиями к Невелю, близ которого расположилось сорокатысячное войско неприятелей. Лесневельский, узнав достоверно о силе их, приказал ночью развести во многих местах огни, чтобы отряд его казался многочисленнее, и стал на выгодном месте, имея с двух сторон воду; рано утром устроил свое войско, расставил орудия

в скрытых местах и ждал нападения. Вскоре показались москали: их было так много, что наши не могли окинуть их взором. Русские же, видя горсть поляков, дивились их смелости, и московский гетман Крупский (Курбский. — А. Ф.) говорил, что одними нагайками загонит их в Москву. Наконец, сразились. Битва продолжалась с утра до вечера. Сначала москали, имея превосходные силы, одолевали, но наши устояли на поле сражения и перебили их весьма много: пало по крайней мере семь или восемь тысяч, кроме утонувших и побитых во время преследования. Так Господь Бог даровал нам свою удивительную победу, к великому удивлению москалей. Товарищ Крупского, приписывая ему всю неудачу, упрекал его в проигранной битве. Он же, указав на наше войско, отвечал на упреки: „Они еще здесь: попробуй, не удастся ли тебе лучше, чем мне. Я же не хочу измерять своих сил вторично: ибо знаю поляков“».

Перед нами явно тенденциозное изложение, задача которого — показать причины духовного перерождения князя Курбского. Он не смог победить поляков, убедился в их превосходстве и решил перейти на их сторону. Изображая в гиперболизированном, сказочном духе победу польского и литовского оружия над москалями, которые мрут тысячами под напором панов-героев, известие о битве под Невелем должно было завуалировать потерю Полоцка.

Европа начинает признавать русские завоевания в Ливонии

Пока литовские дворяне и русские дети боярские воевали друг с другом, датчане успешно продвигались в Северной Эстонии и вот-вот должны были войти в соприкосновение с русскими войсками. В Копенгагене опасались возникновения нового конфликта, потому что не могли поддерживать значительный воинский контингент в далекой Прибалтике. Датчане вступили в переговоры с Россией о разделе сфер влияния.

Русский и датский подходы на переговорах июля 1562 года были принципиально несовместимы в оценке статуса Ливонии. Датчане исходили из того, что эта земля «в розделении», поэтому ее надо доделить, оговорив, кому что принадлежит. Москва же считала всю Ливонию единой государевой вотчиной, а земли, занятые войсками других государств, — либо незаконно захваченными (Литвой и Польшей), либо пожалованными русским государем другим правителям, например датскому герцогу Магнусу.

Данию такая постановка вопроса категорически не устраивала, ибо отсюда было недалеко и до признания Ивана IV «господином» Фредерика (чего русская сторона не очень настойчиво, но добивалась). Датчане попытались обосновать свои права на Ливонию (Эстонию, Гарриен, Вирланд, Вик, Эзель, Курляндию, города Ревель, Ракобор, Нарву, Колк), на этот раз на более понятном для московитов языке: датские короли в древности крестили Эзель, Курскую и Леттскую земли, а вот новгородские и псковские князья несправедливо нападали на эти территории и брали с них откуп. Раз датчане спасли Ливонию «от безверности», то у них прав больше, чем у русских, которые только «мечем брали». Дипломаты ссылались также на геральдические символы городов, например Ревеля, на знамени которого — датское клеймо, три льва.

Объяснения посланников Копенгагена были сведены на нет тем фактом, что русские дипломаты их просто отказались понимать. А. Д. Басманов спросил: что такое Эстония, которую хочет датский король? Русские называют свою вотчину «Юрьевской державой», никакой «Эстонии» им неизвестно. Они категорически отказались даже взглянуть на привезенные послами грамоты о закладах, которые делали в Дании эстонские, ревельские и нарвские купцы. По мнению московских бояр, все жители Ливонии, в том числе и торговцы, отныне являются холопами Ивана IV, поэтому любые грамоты, данные ими без ведома своего господина, не имеют силы. Пусть послы больше таких грамот и не показывают, и нечего их смотреть.

Начался утомительный торг, который московские дипломаты вели в своем излюбленном стиле: после изматывающих дебатов они шли на крошечные уступки с видом, будто бы русский царь поступается последним и это его окончательная воля. Тактика была рассчитана

на то, что у послов не хватит терпения. Сначала Москва легко рассталась с островами Дагданом, Моном, Аброй и Шкитом. Изумленные датчане указали, что эти острова и так уже заняты датскими войсками, чем же тогда в реальности жертвует Россия?

27 июля 1562 года в переговорах наступил новый этап. Русская сторона, видимо, решив, что послы достаточно измотаны мелочными торгами, заявила, что сделает почти все территориальные уступки (кроме двух городков — Старого и Нового Колков) при условии, что в перемирную грамоту будут вписаны как принадлежащие России Рига, Пернов и все другие, еще не завоеванные Москвой ливонские города. Датчане заявили, что они не осмелятся подписать подобный договор. Далее развернулись дебаты о сроках перемирия. Для заключения вечного мира русские предложили перечислить в договоре общих врагов «поименно», в противном случае соглашались заключить перемирие на два-три года. Датские послы ответили, что «вечный мир» никому и не нужен, их вполне удовлетворит временное перемирие... на сто лет. Постепенно стороны снизили свои требования: датчане были готовы удовлетвориться пятьюдесятью годами, а русские подняли срок вплоть до десяти лет.

Подоплека действий московских дипломатов была проста. Они добивались того, чтобы Дания либо стала реальной союзницей против Польши и Швеции, либо дала гарантии своего невмешательства в ливонский конфликт в случае участия этих стран (не помогать деньгами, не давать наемников и т. д.). На это Копенгаген был, в принципе, согласен.

На церемонии подписания договорных грамот 2 августа 1562 года возник новый спор: датчане обнаружили, что в тексте грамоты за Россией записаны некоторые города, которые на тот момент находились в руках Польши и Швеции. Послы оказались в довольно затруднительном положении: с одной стороны, Дания добила практически всего, чего хотела, исключая нерешенный вопрос о Колках. С другой — закрепление договором прав России на Ригу, Венден и другие города создало бы угрозу втягивания Дании в войну, поскольку и Польша, и Швеция расценили бы этот жест как враждебный. По этой причине послы отказались утверждать русский вариант грамоты.

Это чуть не привело к срыву переговоров. Иван IV велел послам подумать, а своим боярам приказал прервать переговоры, если города не будут вписаны поименно. В тот же день стороны попытались найти компромисс. Датчане сказали, что готовы включить в договор пункт, что им «нет дела» до русских завоеваний в Ливонии, что у московского царя «свое дело» с польским и шведским королями. Иван IV, в свою очередь, предложил Дании... раздел Польши и Швеции. Он заявил, что не возражает против завоевания Фредериком польских Гданьска, Торуня, Хвойницы и шведских Стокгольма, Выборга, Або. Царь также обязывался отдать Дании часть будущих русских завоеваний в Ливонии, которые территориально будут примыкать к Эзелю и Вику. Взамен датчане должны будут отдать России те города «из русского листа», которые они завоюют в Ливонии. Особенно Ивана IV заботили права на Ригу и Венден (Кесь).

Решение проблемы было найдено 4 августа. Оно демонстрирует, как мало значили в XVI веке договоры. Бояре предложили составить два варианта грамоты: датский, в котором о правах Ивана IV на Ливонию будет сказано в общих выражениях, и русский, в котором города будут расписаны «поименно». Не все ли равно Фредерику, что именно написано в договоре, лежащем в московской казне? Пришедшие в полный восторг датские дипломаты заверили, что абсолютно все равно, и согласились на этот вариант. 7 августа 1562 года Иван IV присягнул на подписанных перемирных грамотах.

Заключение русско-датского договора решили отпраздновать освобождением из московских тюрем пленных датчан, схваченных в Ливонии в качестве военных наемников. Таковых нашли пять человек. Их и отдали послам, а в качестве подарка каждому освобожденному датчанину дали... по пленному татарину, крымцу или ногайцу, освобожденному из той же тюрьмы.

Результаты московских переговоров 1562 года были положительными для обеих сторон. Дания подтвердила свои права на ту часть Ливонии, которую уже фактически захватила,

получила гарантии неприкосновенности этих земель со стороны России, договорилась о прямой морской торговле с русскими. Каждый из этих пунктов, несомненно, был выгоден Фредерику.

Для Москвы же главным было обещание Дании не вмешиваться в ливонский конфликт и никак не поддерживать в нем противников России. Трудно сказать, насколько серьезно Иван IV относился к перечислению в русском варианте грамоты ливонских городов, которые должны были отойти к России. Упорство, с каким добивалась этого пункта русская сторона, вроде бы свидетельствует о важности данного списка. Однако московские дипломаты не могли не понимать, что клятвы монархов, да еще и на грамотах с разным содержанием, стоят немногого. Так или иначе, но появился первый международный документ, в котором вся Ливония, не вошедшая в «датскую часть», объявлялась законным владением царя.

В середине сентября 1562 года в Данию выехало посольство А. М. Ромодановского для ратификации договора. Камнем преткновения на переговорах в Копенгагене, длившихся с 3 ноября по 6 декабря 1562 года, стал вопрос о принадлежности Колков. Когда датчане пригрозили разрывом договора, русские дипломаты проявили слабость и отдали Колки на датских условиях. 3 декабря король Фредерик утвердил соглашение с Москвой. Договор с Данией открывал путь к осуществлению проекта «Русской Ливонии», для которой потеря двух городков была не смертельной.

Полоцкий поход Ивана Грозного

Полоцкая кампания Ивана Грозного удивительна. Предшествующие дальние походы — под Казань, Астрахань — проходили либо по своей, либо по чужой, но довольно безлюдной территории. Во всяком случае, русская армия на своем пути представляла куда большую опасность для окружающих, чем племена Поволжья. Эти походы развивались достаточно неспешно, во всяком случае перед войсками не стояла задача форсированного марша. По своему масштабу — численности войска и артиллерии, которые перебрасываются за сотни километров, — Полоцкая кампания сравнима только с Казанской. Благодаря опорным крепостям Васильсурску и Свияжску никто не мог помешать концентрации русских войск у Казани.

С Полоцком же ситуация принципиально другая. Прежде всего, нападение на него отличалось стремительностью. Вся операция заняла два с половиной месяца с момента выступления войск до взятия Полоцка. Во время продвижения соблюдалась максимальная секретность, поэтому когда власти Великого княжества Литовского узнали о продвижении противника (это произошло только 6 января), то уже ничего не успели (или не смогли) предпринять и бросили Полоцк на произвол судьбы.

Можно говорить о сложной и искусной логистике русской армии, перебросившей за более чем 150 км 30-тысячное войско и тяжелую осадную артиллерию. Правда, иной раз логистика подкреплялась зуботычиной урядника, а то и царской плетью, но важен результат: русская армия вошла в землю Великого княжества Литовского, как раскаленная спица в масло. Она стремительно облегла Полоцк и быстро разделалась с ним. Историк Дмитрий Володихин справедливо дает высокие оценки организации Полоцкой кампании: «Это образец гибкости и слаженности военной машины Московского государства, удивительный даже и для последующих столетий. Из истории западноевропейского военного искусства в один ряд с подготовкой и сбором войск Ивана IV в зимнюю кампанию 1562–1563 годов можно поставить, пожалуй, один лишь знаменитый марш армии Оливера Кромвеля к Вустеру».

Ответ на вопрос, почему Иван Грозный начал наступление именно на Полоцк, на самом деле не очевиден. Большинство ученых писали о богатстве этого города, о его месте на западнодвинском торговом пути, о сакральных мотивах — утверждении царского титула и возвращении церковных реликвий. Однако верно заметил историк Андрей Янушкевич, что «...выбор Полоцка противоречил правилам военно-стратегической целесообразности. Увидеть в нем рациональные мотивы достаточно тяжело». Поскольку обладание Полоцком

России особого геополитического или военного преимущества не давало, то он склоняется к версии о преобладании религиозных мотивов.

В посланиях, сопровождавших кампанию, Иван Грозный в самом деле упирает на религиозные мотивы. Он предстает защитником православия от протестантской «ереси», которая хочет проникнуть в Полоцк и отравить религиозную чистоту его православного населения. Царь считал, что выполняет богоугодную миссию. В августе 1561 года русская митрополия получила грамоту от константинопольского патриарха Иоасафа, обличавшую «люторскую ересь» «...в ваших странах в Малой Руси». Ссылка на данную грамоту в летописи служила официальным обоснованием похода на Полоцк. Иван IV как бы исполнял волю владыки православного мира, константинопольского патриарха.

Однако помимо религиозной мотивации, в действиях России проглядывал и сугубый прагматизм. Если мы посмотрим на изменения границы Великого княжества Литовского и России в XVI веке, то обнаружим, что район Полоцка — Витебска — Себежа остался единственным неурегулированным участком: на юге Россия отвоевала Северские и Верховские земли, в верхнем бассейне Днепра — Смоленские, а на полоцко-псковском пограничье с начала XVI века продолжались постоянные конфликты. Основание здесь российского Ивангорода-на-Себеже в 1535 году продемонстрировало серьезность намерений Московского государства. После потери Себежа часть литовских землевладельцев переселились под Полоцк и получили там земли взамен утраченных, а Полоцк стал центром противостояния Ивангороду-на-Себеже. С 1542 года начались взаимные нападения себежских и полоцких дворян и казаков, сопровождавшиеся разорением хозяйства, угоном скота и «свозом» крестьян. Перевеса никто не добился. Потребовалось вмешательство государства, чтобы переломить ситуацию. Нападение на Полоцк армии Ивана Грозного и стало таким вмешательством.

30 ноября 1562 года в московских храмах звучали прощальные молебны — государево войско выступало в поход. Войска собирались в Можайске, Старице, Звенигороде, Пскове, Вязьме и других городах и потом сходились к Великим Лукам. Здесь прошли смотры войска, были назначены воеводы, отданы последние распоряжения. Войскам строго-настроено запрещалось в походе грабить местное население. Всю еду и фураж для лошадей было приказано везти с собой из России. Подобное решение диктовалось не благородством или гуманизмом, а простым расчетом, что если войска будут грабить и кормиться за счет местного населения — то известие о русском вторжении распространится очень быстро. А так был шанс какое-то время сохранять цели наступления в тайне.

Решение царя серьезно усложняло организацию похода. Помимо 30 тысяч воинов, войско включало пушкарей, обоз, «чернорабочих войны» — посоху (их было около 9 тысяч) и т. д. Дневное пропитание для 40 тысяч человек весит не менее 40 тонн, а значит, в 40-дневный поход надо было тащить не менее 1600 тонн. Армия была в основном конной. Русский конный воин в XVI веке кроме основной лошади имел еще одну-две (сменный конь, выючная лошадь). Кроме того, нужно было везти доспехи, оружие, боеприпасы, порох и т. д. То есть имеем не менее 60 тысяч лошадей. Каждая лошадь в день ест 5 кг овса и 10–12 кг сена. Получаем еще 12 000 тонн овса и 24 000 тонны сена.

Этот груз везли частично на лошадях, частично на подводах. Учитывая, что грузоподъемность одной подводы около 200–250 кг, получаем обоз чуть ли не в несколько тысяч подвод. Как он мог пройти в зимнюю пору по псковским и полоцким лесам и бездорожью?

Полки с обозом должны были выходить из Великих Лук с интервалом в один-два дня. Считалось, что за это время подводы успеют пройти начало пути и освободят дорогу. На практике получилось, что 14 января на выходе из Великих Лук образовалась гигантская пробка, в которой перепутались обозы большого полка, передового полка, государева полка и полка правой руки. Пробка рассасывалась четыре дня, до 18 января. Трудности продолжались и дальше. Иван Грозный лично со свитой метался среди обозников и воинов, ругался, колотил их, требовал быстрее двигаться. О накале страстей говорит то, что под

Невелем ударом булавы царь убил князя Ивана Шаховского, который, видимо, подвернулся под горячую руку при очередном заторе.

Осада и взятие Полоцка

30 января 1563 года основные силы русской армии, преодолев за 21 день более 150 км от Великих Лук до Полоцка (в среднем получается около 7 км в день), подошли к стенам крепости. 2 февраля стрельцы приказов Василия Пивова и Ивана Мячкова первыми начали стрелять по городу. 3–4 февраля вокруг крепостных стен ставились легкие осадные укрепления — туры (плетеные цилиндрические емкости, вроде гигантских корзин, которые наполнялись землей). С русской стороны это сопровождалось игрой большого военного оркестра. Полочане стреляли со стен в осаждавших, но малоуспешно. 6–8 февраля в боевых действиях была взята пауза, во время которой прошли вялые переговоры о сдаче города, а русские устанавливали тяжелые осадные орудия. После безуспешных споров началась бомбардировка. Как писали современники, стоял такой орудийный гром, что «казалось, небо и вся земля обрушились» на Полоцк.

9 февраля огнем пожара был уничтожен посад. Неизвестно, загорелся ли он от русских ядер или был подожжен по приказу воеводы Ст. Довойны. Население попыталось укрыться в замке, но в нем не могли все поместиться, и более 11 тысяч человек (в основном беженцев из окрестных сел) по приказу воеводы были выгнаны в сторону осаждавших. Судьба несчастных была незавидной: пленных царь велел раздать воинам в качестве трофеев.

11 февраля осадная артиллерия, передислоцированная ближе к крепости, открыла огонь. Некоторые ядра, пробивая переднюю стену замка, пролетали его насквозь и ударялись в противоположную стену. Артиллерийским огнем было разрушено 40 укрепленных участков стены («городен») из 204. Стало ясно, что сопротивление бесполезно. 12 февраля отряд в 800 человек во главе с Довойной попытался пойти на прорыв, но был отброшен.

В ночь с 14 на 15 февраля стрельцы в нескольких местах подожгли стену замка и началась массовая бомбардировка из «пушек верхних» — мортир. Тогда полочане прислали гонцов с известием, что они сдаются. Утром 15 февраля из замковых ворот первой вышла процессия православных священников во главе с епископом Арсением. Они молили царя не трогать горожан. Царь дал слово, но сдержал его частично. Героически сражавшийся польский гарнизон был отпущен с развернутыми знаменами и оружием в руках. Польские командиры-ротмистры Мархель Хелмский, Альбрехт Верхлинский и Ян Варшевский получили от Ивана IV богатые дары — соболиные шубы, подшитые драгоценными тканями. А вот остальным жителям Полоцка впоследствии пришлось испытать прелести депортации. Кроме того, есть сведения, что после штурма были разысканы и убиты монахи-бернардинцы и евреи. Другими источниками эти убийства не подтверждаются. Мы здесь навсегда останемся в области предположений: в только что захваченном городе могло случиться всякое, равно как и могли появиться самые страшные слухи, не имевшие реального основания.

Каковы были людские потери при взятии Полоцка? Немецкая «Правдивая и страшная газета про ужасного врага Московита» пишет о 20 тысячах убитых полочан. Этрурский князь Космо сообщает уже о 50 тысячах. В письме анонима из Кракова во Флоренцию, ко двору Медичи, говорилось, что 16 тысяч убито при штурме, а 60 тысяч истреблено в окрестностях Полоцка. В ряде иностранных сочинений утверждалось, что Иван Грозный «...город целиком и полностью сжег до основания и 20 тысяч человек придал мучительной смерти на крючьях и виселицах». Цифры в 20–70 тысяч жертв фигурируют и в других немецких «летучих листках». Верить в столь огромные потери нельзя. Во-первых, население Полоцка в середине XVI века по достоверным данным составляло около 10 тысяч человек. Учитывая площадь города (а его границы установлены археологически), ни 20 тысяч, ни тем более 50 тысяч там разместиться не могли. Больших воинских контингентов в крепости накануне событий 1563 года не было. По наиболее достоверным данным, гарнизон состоял из 1600–2000 воинов Великого княжества Литовского и 400–500 поляков. Не было в городе

и жителей округа, которые, как говорилось выше, оказались в плену. Погибших при штурме было немало, учитывая интенсивность обстрелов и пожаров, но, конечно, не достигало 10 тысяч.

Потери русской армии, если верить отечественным источникам, были незначительными: 4 сына боярских, 15 холопов-послужильцев и 66 стрельцов. Даже если эти цифры занижены, то все равно погибших было немного: прямых боестолкновений почти не было, и у литовцев отсутствовала тяжелая артиллерия. На крепостных стенах стояло 23 орудия разного качества и калибра (некоторые еще «Витольдовы», то есть начала XV века!), 4 мортиры и 87 крупнокалиберных крепостных ружей — гаковниц. Этим вреда многочисленной армии, укрытой за турами, не причинишь.

Падение Полоцка восприняли в Великом княжестве Литовском как катастрофу — далее до Вильно больше не было крупных крепостей. По сути, русская конница могла выйти на Виленский тракт и беспрепятственно идти маршем до литовской столицы. Однако армия Ивана Грозного дальше не пошла. Напротив, в июле царь охотно согласился на полугодовое перемирие, предложенное Великим княжеством. Парадоксально, но за время пребывания русских в Полоцке (1563–1579) полоцко-виленский тракт просто зарос. В 1579 году войскам Стефана Батория,двигающимся по этой дороге к Полоцку, пришлось прорубать путь через кустарники и молодой лес. То есть русские отряды ни разу не воспользовались этим путем, и Россия ограничилась инкорпорацией приграничных территорий, на большее не претендовала.

Почему? Ученые не нашли ответа на этот вопрос. Историк Анна Хорошкевич считала, что царь не пошел дальше из-за оппозиции пацифистов-бояр, которые не хотели воевать и фактически саботировали государевы планы по завоеванию Восточной Европы. Поэтому «...исход этого этапа, внешне похожий на триумфальную победу, по существу оказался серьезнейшим поражением». Признать поражением отказ от завоевания Вильно довольно странно для книги, посвященной обличению тирании и агрессивности Ивана Грозного. Исследователь Андрей Янушкевич предположил, что у русских на большее не хватило сил и «московское руководство просто примирилось с объективными реалиями войны». А как же тогда расценивать поход 1577 года, когда под копытами русской конницы фактически оказалась вся Прибалтика? Там сил было предостаточно.

Думается, что причина была в другом. Российская власть просто преследовала конкретные цели: интегрировать занятые территории в состав Российского государства, установить на них собственную гражданскую и церковную администрацию, провести земельные раздачи поместий и т. д. Процесс покорения был долгим и мог занимать не одно поколение. Казанское ханство было покорено в 1552 году, а последнее крупное восстание там произошло в 1580-х годах. Поэтому Россия, захватывая крупные центры (Чернигов, Смоленск, Полоцк и т. д.), долгое время занималась «освоением» территории и не шла дальше. Возможно, лет через пятнадцать-двадцать был бы сделан следующий рывок, скорее всего в сторону Витебска, который как бы «врезался» в российскую территорию.

Король Сигизмунд II Август, осознавая бессилие властей Великого княжества Литовского, пытался найти союзников на стороне. В конце 1563 года в Крым отправился литовский посол Ю. Быковский. Он сообщил, что с Москвой заключено перемирие до 6 декабря, и предложил в срок до 21 ноября собрать литовскую и татарскую армии и совместно одновременно вторгнуться в Россию. Быковский убеждал, что русская армия сосредоточена под Полоцком, а границы оголены. Крымцам отводилась Северская земля и Смоленщина, а сам Сигизмунд должен был ударить на Полоцк. Крым не верил в перспективы Великого княжества Литовского как военного союзника, поэтому предпочел лавировать между Вильно и Москвой, также предлагавшей военный союз.

29 ноября 1563 года в грамоте к Сигизмунду II Августу царь заявил: «Что в Полоцком повете чьим не будет, то все наше». Таким образом, Россия претендовала на все земли, административно относившиеся к Полоцкому повету. Но это было еще не самое страшное для Великого княжества. Взятие Полоцка, возвращение в собор Святой Софии креста

Ефросиньи Полоцкой вызвало к жизни фантомы древнерусского наследия. Царь Иван всерьез решил собирать «всю Русь» в границах Древней Руси. В декабре 1563 года литовские послы, приехавшие в Москву договариваться о разделе земель после потери Полоцка, узнали о новой интерпретации титула «государь всея Руси»: якобы Иван III в договоре с Александром Казимировичем написал этот титул потому, что он — государь «и той Руси, которые города русские ныне за государем вашим». Это объяснение было придумано задним числом, поскольку Иван III ничего такого радикального в виду еще не имел.

Дипломаты Ивана Грозного огласили новый перечень территориальных претензий к Великому княжеству Литовскому. Никогда ранее он не звучал столь масштабно. Литовские князья были обвинены в подлом захвате исконных владений Рюриковичей, земель бывшей Древней Руси, который они совершили, воспользовавшись поражением русских князей от Батыева: «...а досталась вам та вотчина государя вашего и предков его... некоторыми невзгодами после Батыева пленения, как безбожный Батый многие грады русские попленил». Русские дипломаты потребовали восстановить историческую справедливость и «поступиться» следующими городами: Киев, Любеч, Могилев, Кричев, Гомель, Мстиславль, Минск, Витебск, Львов, Галич, Каменец-Подольский и множество других: «и от Смоленского рубежа по Березину, и Киев со всеми городами, что со старины было ему подвластно, и до Бреста, и Подольские и Волынские земли... А Волынская и Подольская земля и по польскую границу, и то все вотчина наша». Осью новых приобретений должен был стать Днепр, а центром — Киев.

Дипломат Великого княжества Литовского, писарь Михайло Гарабурда, заслушав весь список, саркастически заметил: «Первое малые дела переговорим, потом и большие будем обсуждать». На фоне подобных требований «малым делом» Гарабурда назвал... потерю Полоцка.

Русская сторона разыграла целый спектакль, прибегнув к излюбленному демагогическому приему: «Требуй большего, тогда добьешься малого». Русские заявили, что царь готов поступиться принципами и отказаться от Киева, если взамен Великое княжество Литовское признает потерю Полоцка и русские завоевания в Ливонии. Литовское посольство облегченно вздохнуло (завоевание Киева явно откладывалось) и принялось делить Полоцкий повет. В каком-то смысле прием русской дипломатии сработал: литовцы, напуганные открывшимися перспективами, временно признали потерю Полоцка.

Ульский реванш

Полоцкая кампания по своему сценарию напоминает взятие Смоленска в 1512–1514 годах. И там и там, добившись крупного успеха, русская сторона сразу же начинала «играть на удержание счета», то есть прекращала масштабные боевые действия и стремилась удержать захваченное. Для этого под взятым городом происходят маневры больших воинских контингентов, которые перехватывает противник. И в том и в другом случае ему удается одержать победу в большом полевым сражении (под Оршей в 1514 году и под Улой в 1564 году). Победу, которая поднимает дух войск и высоко оценивается потомками и современными историками, но которая никак не влияет на результат всей кампании. Отбить утраченные крепости не удастся: и осада литовцами Смоленска в 1514 году, и попытка отбить Полоцк в 1564 году провалились.

Зимой 1564 года из Полоцка выступил отряд под командованием П. И. Шуйского, а из Смоленска — отряд под началом В. С. Серебряного. Они двигались к Орше, важной пограничной крепости, оставшейся в руках Великого княжества Литовского. Впрочем, в источниках указываются и другие цели русских: Минск, Новогрудок, Друцкие поля и даже Вильно. Отряд Шуйского был перехвачен, когда двигался от Полоцка на юг, в направлении Лукомля. 24 января он был разбит в сражении на Иванских полях, недалеко от реки Улы и крепости Чашники. В историографии это сражение получило название «битва при Уле».

Существуют две версии хода сражения. Согласно первой, отряд Шуйского был захвачен врасплох, при подготовке к ночлегу. Доспехи везли на подводах, оружие было не готово

и войска Шуйского просто «разбежались». Согласно второй, русские дали сражение. В литовских источниках размеры потерь московитов росли от текста к тексту. Если в донесении М. Радзивилла Рыжего значилось 9 тысяч убитых, то в «реестре Ульской битвы» — уже 16 тысяч, у Л. Гурницкого — 18 тысяч, у М. Стрыйковского — 25 тысяч, у А. Гваньини — 30 тысяч, в «Хронике литовской и жмойтской» — 45 тысяч. Потери Великого княжества составили, по литовским источникам, около 20 убитых и 600–700 раненых.

Русские летописи сообщают о небольших потерях — до 150 человек. Примирить данные литовских и русских источников сложно, поэтому установить истинный масштаб поражения затруднительно. Несомненен факт поражения русских полков. Погиб первый воевода П. И. Шуйский. Обстоятельства его смерти называются в литовских источниках самые разные: он был убит местными крестьянами, зарублен топором, утоплен («посажен в воду»), труп найден в колодце и т. д. Причиной гибели также называется золотое украшение на шее — на него польстился местный крестьянин и отрубил голову воеводе, чтобы снять украшение. За что мародер был казнен по приказу Радзивилла, увидевшего в этом грабеже бесчестье, надругательство над командиром.

Но никаких серьезных перемен в войне Ульская битва не принесла, и общего хода кампании не изменила. Как и после Оршинской битвы в 1514 году, после победы при Уле Великое княжество Литовское и Польша развернули массивную пропагандистскую кампанию в Европе. Основной акцент делался на героизме поляков и литовцев, которые смогли малыми силами уничтожить многократно превосходящего противника. Историю перепечатавали европейские газеты и «летучие листки». Правда, они не сразу разобрались в ситуации и, поддавшись пафосу победных реляций, сообщили, что литовцы зимой 1564 года... возвратили себе Полоцк.

На самом деле город был прочно в руках русских, и они активно занимались обустройством Полоцкого повета.

Полоцкие пригороды

Полоцк и округу было мало завоевать. Россия столкнулась со сложной проблемой, схожей с ливонской. Начиная с правления Ивана III Москва присоединяла земли двумя способами. Первый — инкорпорация земель с русским православным населением, например Новгорода и Пскова или бывших удельных княжеств. Здесь быстро смещалась местная власть (иной раз и военным путем). Если ее представители не оказывались на плахе или за решеткой (а так поступали с теми, кто сопротивлялся, например с новгородскими посадниками Борецкими), то их наделяли землей подальше от родного княжества. Потом происходил «перебор людишек», часть местной аристократии и купечества принудительно переселяли в другие регионы, чтобы обезопасить себя от возможного сепаратизма. Управление поручалось великокняжескому наместнику, опиравшемуся на присланных из Москвы государевых дьяков и вооруженный отряд, который становился гарнизоном в главном городе.

Эта модель была хороша тем, что не затрагивала интересы большинства. Население продолжало платить подати, нести свою службу и молиться в храмах. Менялись только лица в администрации, которая постепенно вводила московское законодательство и особенности социальной организации. При таком способе присоединения сепаратистские выступления и попытки сопротивления возникали только на самом начальном этапе, когда местная элита могла сопротивляться. Как только ее убирали — никаких сепаратистских бунтов не наблюдалось.

Вторая модель применялась, когда присоединяли земли с нехристианским населением. В этом случае Россия делала ставку на союз с местными элитами и их интеграцию в русскую социальную и политическую систему. За ними сохраняли какую-то власть, имущество, привилегии на условиях полной политической лояльности. Поскольку альтернативой было изгнание, а то и уничтожение, татарские и ногайские элиты соглашались интегрироваться. При этом, по возможности, параллельно велась колонизация присоединенных земель путем создания там анклавов русских землевладельцев, как, например, в Казанской земле.

Ни к Ливонии, ни к Полоцкому повету применить эти модели не удавалось. Проблема заключалась в низкой лояльности населения. Конечно, в Полоцке существовала какая-то «промосковская партия», но она была немногочисленной. Еще меньше сторонников России встречалось среди землевладельцев Полоцкого повета, где сказывались десятилетия вражды и войн. Если татары охотно переходили на московскую службу, то случаи перехода шляхты единичны. Она ушла воевать под знамена Сигизмунда II Августа. Рассчитывать на перебежчиков особо не приходилось.

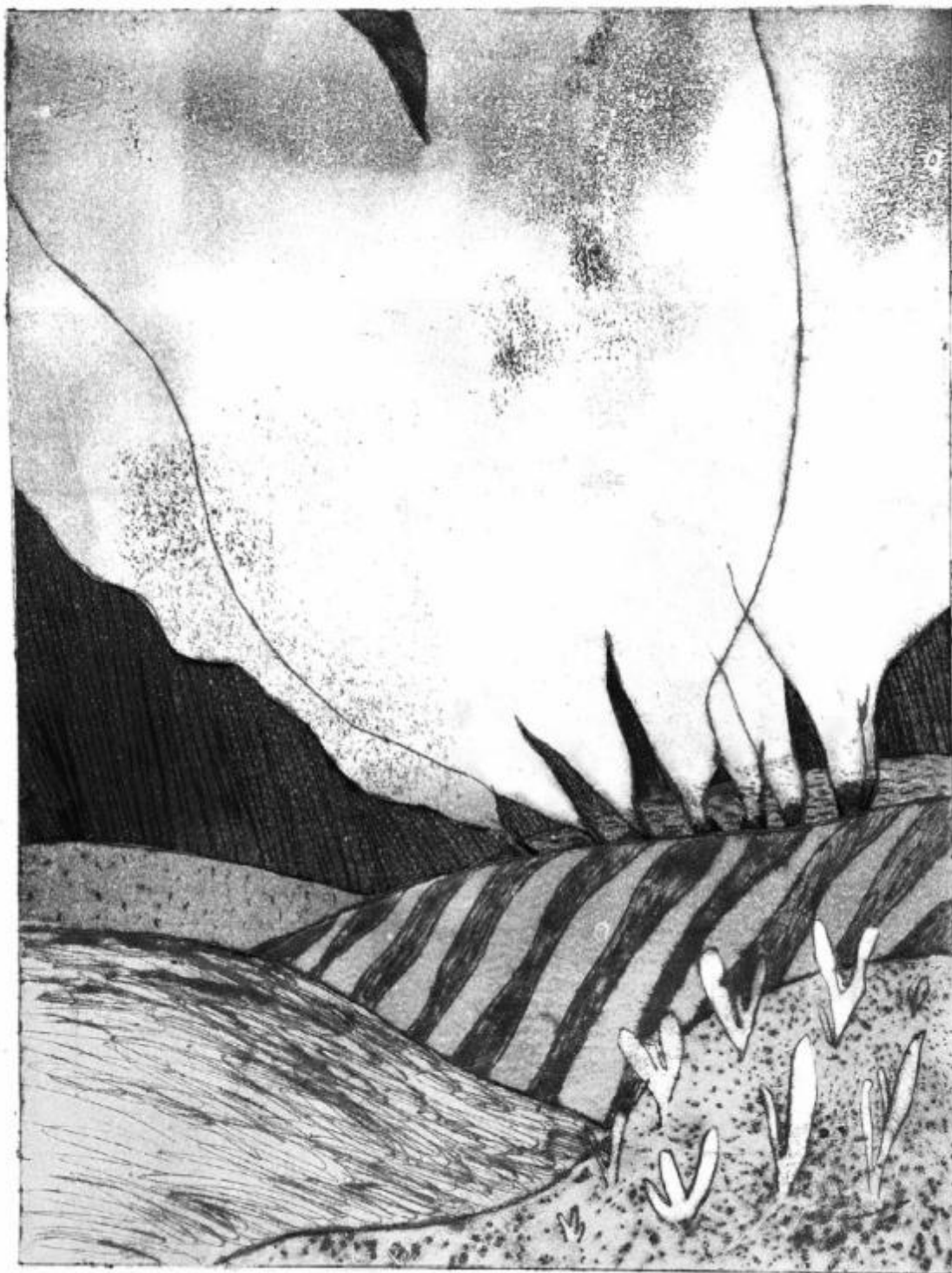
То же самое происходило и в Ливонии, где проблем добавляли языковой барьер и религиозные различия. На русскую сторону в основном переходили отъявленные авантюристы, вроде И. Таубе и Э. Крузе, которые легко предавали и старых, и новых хозяев. Депортации населения и появление русских гарнизонов лишь разрушали существовавшую социально-экономическую систему Ливонии, поскольку военные потребляют материальные блага, но не могут их производить и ими торговать. Необходимо было искать новую формулу присоединения земель.

История Полоцкого уезда в 1563–1579 годах в составе Российского государства — это пример такого поиска. Чтобы закрепить за собой территорию, в 1566–1571 годах Россия создала систему крепостей, так называемых полоцких пригородов. Сокол прикрыл Полоцк с севера, обеспечивая связь с Псковской землей. Суша, Красный, Туровля и Ула обеспечивали оборону с юга — на самом опасном, могилевском направлении. Восточнее Полоцка до прежней русской границы находились Казьян, Ситна, Озерище, Нещерда и Усвят. Показательно, что на виленском направлении для защиты Полоцка не было возведено ни одной крепости. Царь был настолько уверен в своих силах, что не ждал нападения.

Маленькие деревянные крепости с небольшими, до нескольких сотен человек, гарнизонами стояли в труднодоступных местах — на слиянии рек, мысах, островах, перешейках между озерами. В них размещали вооруженные отряды-разъезды, осуществлявшие власть в регионе. Они контролировали коммуникации, собирали подати, вершили суд и расправу, помогали русским дворянам, получившим земли в Полоцком повете. Вместе с тем крепости не играли значимой военной роли. Их боевых качеств хватало только для устрашения местных крестьян и отражения мелких литовских отрядов, которые периодически делали набеги на Полоцкий повет.

Фактически эта тактика — постройка опорных крепостей и контроль над коммуникациями — предвосхищала действия Российской империи XVIII–XIX веков, например на Северном Кавказе.

В Великом княжестве Литовском понимали, что если Россия закрепится в повете, выгнать ее оттуда будет чрезвычайно трудно. В регионе началась «война крепостей». Стороны соперничали, кто раньше поставит крепость в стратегически важном месте, кто успеет сжечь только что построенное укрепление неприятеля, кто захватит замок, возведенный противником. Верх одерживала Россия. Литовцев подводили две вещи: отсутствие ресурсов и организационная неразбериха. Были планы поставить островные замки на Двине вблизи Полоцка, в Вороначе, Лепеле, Дриссе, Чашниках, Сорице. Литовский воевода Григорий Хоткевич назвал их «шпицей» «в око неприятеля». «Шпицы» не получилось. Паны активно спорили и переписывались и никак не могли решить, с какого замка начать. Было неизвестно, откуда взять вооружение для новых замков. Его планировалось получить от соседних городов Великого княжества Литовского. Из Могилева прислали одно орудие и 20 гаковниц, из Лепеля — два орудия, другие города делиться отказались. С таким арсеналом о строительстве серьезных крепостей нечего было и помышлять. Примерно также заканчивались и другие кампании — вербовка наемников для гарнизонов, наем строителей, сбор продовольственных запасов и т. д.

Горящая пашня

За спиной русских войск было государство, которое активно помогало строительству новых крепостей. В результате к 1570-м годам Россия полностью контролировала большую часть повета.

Измельчание войны

После взятия Полоцка Россией война распалась на множество локальных конфликтов, в которых медленно, но уверенно побеждала Москва. Боевые действия шли в Ливонии, на

Псковщине, в Полоцкой, Витебской, Смоленской землях. В Великий пост 1564 года литовцы из Влеха разоряли пригородные волости «по рубежу», а русские воеводы из Невеля и Полоцка совершили удачные нападения на литовцев. В наказе Писемскому сообщается о нападениях русских войск под началом служилых татар — Семииона Касаевича, Ибака и Кайбулы на Дубровну, Оршу, Борисов, Могилев, Мстиславль. В марте литовцы нападают на русские войска в Ливонии под Дерптом-Юрьевым, Нейгаузенем и Алыстом. 20 июля двухтысячный литовский отряд А. И. Полубенского действовал под Юрьевом, после чего вместе с ливонскими войсками ушел к Пернову и воевал со шведами.

В августе отряд псковских детей боярских под псковским пригородом Красногородком разбил литовцев. Из Юрьева Ливонского Д. Кропоткин со своими людьми делал набеги на «невоеванные» соседние земли. В ответ войска Великого княжества Литовского разорили округу Алыста и Юрьева. Тогда громить ливонскую землю были посланы казанские и астраханские татары под командованием В. Бутурлина.

Литовский отряд Станислава Леснивольского совершил успешный набег под Смоленск. В сентябре «...приходили литовские люди к Чернигову, Павел Сапега да литовские ротмистры, а с ними многие люди». Сапега был разбит и даже потерял свое знамя. За победу государь одарил воевод воинской наградой — угорскими золотыми.

В сентябре войска Великого княжества Литовского три недели вяло осаждали Полоцк. Русские просто отсиделись за крепостными стенами. Осаждавшие, не имея тяжелой артиллерии, не смогли нанести им никакого урона. В октябре русские взяли крепость Озерище, «городок взяли огнем». Литовцы пытались атаковать Алыст, но их два дня преследовали по округе русские казаки. Литовские отряды стали разорять русские поместья в Ливонии за рекой Таговесь, но были отбиты. Двигавшиеся от Великих Лук отряды И. А. Шуйского и И. В. Шереметева Меньшого под Велье столкнулись с литовцами, после небольших схваток отступили к Вороначу. Преследовавший их литовский отряд за пять верст до Воронача повернул и устроил погром окрестностей Красногородка, Велья, Острова. Через полторы недели литовцы ушли к Влеху с большим полоном «...и помещиковы и крестьянские двory жгли, а церквей не жгли».

1 марта 1565 года литовцы осадили Красногородок, «и Бог града не предал», а позже атаковали Озерище. В сентябре они напали на Ржевский и Полоцкий уезды, Усвятскую и Озерищенскую волости. Они «...крестьян бьют, имущество их грабят, и сводят насильно в плен, и рыбу ловят, и бобровые ловли разоряют, и мед с пасек себе забирают и всякие убытки делают».

В 1566 году шли многочисленные бои вокруг пограничных крепостей (Усвята, Невеля), а также в Полоцком повете (вокруг Полоцка, Воронача, Улы). В Ливонии были атакованы занятые русскими Адзель, Ракобор и Феллин. В феврале произошло нападение русского отряда с Озерищ на Усвятские озера под Витебском. В марте литовские войска в Ливонии воевали Говейский повет.

В январе 1567 года состоялся шведский поход на ливонские города, «что принадлежат Литве». В феврале был нанесен ответный удар литовских и ливонских войск по шведам. Во время большого сражения под Ревелем они были разбиты. В том же году под Сушей литовцы победили отряд князя П. С. Серебряного.

В 1568 году Ф. Кмита сделал налет на окрестности Смоленска. Роман Сангушко сжег «московский замок» на Уле, казаки Бирули громили окрестности Велижа, Усвята. Русские ответили нападением на Витебск, но оно было отбито. 2 декабря 1568 года состоялось нападение отряда Г. И. и И. И. Ивашининых из города Юрьева на замок Гермес, 8 декабря — на замок Кашгельм. 11 декабря из Говьи отряд Н. Оничкова разорил повет города Триката, 12 декабря из Говьи отряд казака Лося воевал в волости замка Смелтин, а 15 декабря — захвачен Увитин погост в Трекатском повете. 20 декабря из Говьи отряд И. Киреева воевал под Тырмо. 26 декабря из Говьи Н. Оничков с казаками воевал Смелтинский повет.

В январе 1569 года произошло нападение русского отряда на мызу жителя Смелтина Яна Блюма. 11 января внезапным ударом А. Полубенский взял Изборск, впрочем, скоро отбитый опричными войсками.

4 июля 1570 года поступило известие, что литовцы хотят основать город на озере Гомне между Полоцком и Плюсной. В ответ П. Чихачев и И. Лыков сами первые основали город на этом месте в двадцати верстах от Полоцка. 12 июля Иван IV велел «то место ради перемирия разрушить». 17 сентября, несмотря на перемирие, из Новгорода на Ревель выступили полки под командованием В. И. Умного-Колычева и И. П. Херона. Осенью русские в Ливонии заново отстроили крепость Тарваст. На этом боевые действия были прекращены.

Как мы видим, война превратилась в серию мелких боестолкновений, которые не давали преимуществ ни той ни другой стороне, но требовали все новых ресурсов. Такую войну Великое княжество Литовское долго вести не могло. Показательно, что и Смоленская война 1512–1522 годов, и русско-литовская война 1561–1570 годов длились около десяти лет — видимо, это был предельный срок для Литвы.

Следует обратить внимание на наблюдение историка Андрея Янушкевича, что содержание польско-литовских войск в Ливонии в основном возлагалось на Великое княжество Литовское. С 1556 по 1573 год на эти нужды оно израсходовало огромную сумму — 1 340 676 польских злотых. Получается, что финансирование войны иссушало, уменьшало и без того невеликие ресурсы Великого княжества Литовского.

Между миром и войной: споры дипломатов

В июне — июле 1566 года в Москве состоялись переговоры с литовским посольством Ю. Ходкевича, Ю. Тишкевича и М. Гарабурды. Литовцы были готовы заключить перемирие на 4–6 лет на следующих условиях: Россия получает Полоцк, Озерище и земли вокруг них. Ливония делится по принципу «кто чем владеет» и стороны совместно выступают против Швеции для возврата захваченных ею городов.

Россия претендовала на весь Полоцкий повет, а не только на окрестности Полоцка и на всю Ливонию за исключением Курляндии, которую она соглашалась отдать Польше. Русские дипломаты не возражали увеличить срок перемирия до десяти лет. Литовские послы негативно оценили русские предложения. Они заявили, что русский царь поступился Сигизмунду «огородами», а лучшие замки хочет забрать себе — какой же тут мир? Дальнейшие переговоры проходили в мелочном торге за территориальные уступки.

5 июля послы выступили с неожиданным заявлением. Они предложили провести съезд государей, чтобы монархи сняли все спорные вопросы и достигли соглашения в ходе личных переговоров. Такая практика бытовала в отношениях Ягеллонов и Габсбургов. На Руси подобные съезды практиковались в удельную эпоху между князьями — правителями удельных княжеств, но начиная с Ивана III этот способ урегулирования споров не использовался. Иван Грозный охотно откликнулся на предложение, назначив местом встречи рубеж между Смоленском и Оршей. С каждой стороны должно быть не более 5 тысяч людей (по расчетам литовцев, сюда вошло бы не менее двух тысяч слуг). Размещение шатров, порядок приемов и пиров должны были демонстрировать абсолютное равенство государей. Готовить съезд должны были почти год, но в итоге он так и не состоялся.

Переговоры о перемирии с русским посольством Ф. И. Умного-Колычева проходили в Гродно с 24 июля по 19 августа 1567 года. Они были очень трудными, так как обе стороны настаивали на заведомо невыполнимых условиях, которые не желали обсуждать и корректировать. Литовская сторона хотела утвердить *status quo*, то есть сохранить территорию за теми, кто ее занимал, с оговоркой, что по истечении перемирия король оставляет за собой право «промышлять» над потерянными территориями. Русские же расценивали результаты войны как победу Москвы, поэтому считали вправе требовать новых территориальных уступок от «побежденного» Великого княжества Литовского. Ни литовцы, ни русские не продемонстрировали никакого желания достичь компромисса.

Им не удалось даже продлить перемирие: боевые действия должны были начаться сразу, как посольство Умного-Колычева покинет литовскую землю.

Кризис Великого княжества Литовского. Люблинская уния: спасение или трагедия?

Истощение ресурсов Великого княжества заставило знать согласиться на окончательное объединение Литвы с Польшей в единое государство — Речь Посполитую. В январе 1569 года в Люблине начал работу польско-литовский сейм, который обсуждал условия слияния двух держав. Было решено учредить для обеих стран общее государственное устройство, денежную систему, единую армию, придерживаться единой внешней политики. Раньше Польша и Литва действовали несогласованно, поэтому литовцы не всегда поддерживали Польшу в ее борьбе с Тевтонским орденом, а поляки частенько оставляли Литву один на один с Россией. Заключая унию, Литва рассчитывала привлечь польскую армию для войны против Москвы. В одиночку великое княжество не выстояло бы в борьбе с Иваном Грозным, и, как считали многие, «Литвы бы не было».

Подобная точка зрения несколько преувеличена. Конечно, Великое княжество Литовское накануне унии находилось в трудной ситуации, но была ли она катастрофичной? Литва явно проигрывала войну, и это была далеко не первая война в XVI веке, которую Великое княжество проигрывало своему восточному соседу. Каждое поражение сопровождалось территориальными потерями, но ни разу не возникали сомнения в сохранении литовской государственности. Москва не собиралась завоевывать Литву и вполне удовлетворилась бы уступкой ей Полоцка и отказом Ягеллонов от прав на Ливонию.

Паны великого княжества были склонны к миру на таких условиях. Камнем преткновения оказалась Ливония, которая, как было показано выше, была целью Ягеллонов. Корона вовсе не собиралась отказываться от своих планов. Таким образом, судьба Литвы оказалась как бы разменной картой в балтийских войнах. Чтобы удержаться в Ливонии, изгнать оттуда русских и шведов, сил только Польши или только Литвы не хватало. Для реализации проекта «Польской Прибалтики» потребовалось объединение двух государств в единую державу.

Польша и Великое княжество Литовское имели свои проекты создания союзного государства. Между ними были весьма существенные противоречия. Коронная шляхта предлагала более унитарную модель, по которой Литва полностью интегрировалась в состав Королевства Польского. Литовская шляхта настаивала на федерации, сохранении своих законов и системы судопроизводства, выборах короля и решении важнейших вопросов на совместных сеймах польской и литовской знати, сохранении у короля титула «великий князь литовский», приоритете коренных жителей при назначении на местные должности.

Противоречия этих позиций вызвали продолжительные споры. Стороны не скупилась на резкие слова в адрес друг друга. Поляки заявили, что их короли всегда правили Литвой и принесли живущим в ней народам свободу. На это один из лидеров литовской делегации Григорий Ходкевич ответил: «Наши народы и мы — честные и достойные люди, а что касается наших свобод, то мы равны любому другому народу, включая и вас, господа поляки. Нам бы не хотелось заключать унию, прежде чем мы установим добрый порядок в нашем содружестве и покажем вам, что вы заключаете союз с друзьями, равными вам по достоинству и внутреннему устройству... Это исключительно наше дело, поскольку мы свободные люди и христиане. Никто не может вести наших дел, кроме нас самих, как это делали наши предки».

Литовцам было очевидно, что при слиянии с Польшей они окажутся на второстепенных ролях. Польская культура во всех отношениях была более зрелой. Ее сильной стороной была толерантность — недаром историки называли Польшу «государством без костров». Польская культура распространялась не насильем, ее добровольно принимали и к ней стремились как

к более высокому ориентиру. Все понимали, что в результате слияния Литвы и Польши именно Польша будет задавать стандарты поведения, систему ценностей, политические, религиозные и культурные ориентиры развития общества.

Патриоты Великого княжества Литовского видели в этом угрозу утраты не только самостоятельности, но и самобытности. Отчаяние литовских вельмож в полной мере показано в одном из писем М. Радзивилла, в котором он горько сожалеет о «...похоронах и уничтожении навсегда ранее свободного и независимого государства, известного как Великое княжество Литовское». На картине «певца польской истории» — художника нового времени Яна Матейко, изобразившего момент заключения Люблинской унии, лица представителей литовской делегации полны горя и отчаяния, некоторые из них плачут.

Поляки очень злились на выступления литовских патриотов. Как отмечал современник событий, автор «Дневника» Люблинского сейма, «такие беседы приносили больше взаимного раздражения, чем результатов». По удачному выражению историка Александра Преснякова: «Поляки настойчиво требовали от литовских политиков политического самоубийства и получили резкий отпор».

В феврале большая часть литовских делегатов покинула сейм, надеясь тем самым парализовать его работу. Однако позиция шляхты великого княжества была подорвана фактическим предательством русинской знати Волыни и Подляшья. Она не только поддержала идею унии, но и выразила готовность выйти из административного подчинения Великому княжеству Литовскому и войти в состав Королевства Польского. И этот шанс расколоть лагерь оппонентов Сигизмунд II Август блестяще использовал.

5 марта король выпустил эдикт о «возвращении» Волыни и Подляшья и включении их в состав польских владений Ягеллонов. Литовская знать была потрясена. У всех на устах было одно слово: «Измена!» Поговаривали даже о начале войны с польскими «захватчиками». Литва оказалась как бы между двух огней — Россией и Польшей.

5 апреля в Польшу прибыла литовская делегация во главе с Яном Ходкевичем и Остафием Воловичем. Они донесли до короля и коронной шляхты резкий протест и несогласие Литвы с переходом Подляшья и Волыни во владения Короны. Литовская знать требовала провести выборы депутатов и созвать новый сейм для обсуждения территориальных споров. Поляки неохотно согласились, но при этом король Сигизмунд издал указы еще о нескольких территориальных приобретениях. 6 июня в состав Польши была «возвращена» Киевщина, а 16 июня — Брацлавская и Винницкая земли. Таким образом, требования переговоров, на которые так надеялись правители Литвы, привели только к ухудшению ситуации. Потери южных земель еще больше ослабили Великое княжество. Деваться было некуда. 1 июля 1569 года договор об унии был подписан. 4 июля король Сигизмунд Август его утвердил.

Основные принципы Люблинской унии заключались в следующем:

1. *Польша и Литва теперь составляют единое сообщество (res publica, польский перевод — Речь Посполитая), единое королевство (unum regnum), единый народ (unus populus).*

2. Речью Посполитой управляет единый король, избираемый знатью на сейме, возлагающий на себя корону в польской столице Кракове.

3. Король обязан защищать и гарантировать права и свободы всех народов, входящих в Речь Посполитую.

4. Учреждается единый Коронный сенат и единый сейм.

5. Речь Посполитая ведет единую международную и военную политику.

Люблинская уния, несомненно, была очень интересным экспериментом по объединению в Восточной Европе двух государств. В результате возник удивительный сплав культур, давший миру выдающиеся памятники литературы, искусства и общественной мысли. Сочетание общего политического устройства и развития региональной самобытности было основано на идеалах свободы, незыблемости прав и привилегий, своеобразной демократии. Правда, этими правами пользовались только дворяне и горожане, но для XVI века и это было

большим достижением и свидетельствовало о высоком уровне политической культуры. Позже, 28 января 1573 года, на съезде знати в Варшаве была принята Варшавская конфедерация, провозгласившая на всей территории нового государства свободу вероисповедания, то есть уравнившая в правах католиков, православных и протестантов.

Однако в общественно-политическом строе Речи Посполитой с самого начала существовали факторы, через два столетия приведшие это государство к гибели. Шляхетская демократия была способна парализовать верховную власть, чем нередко пользовались внешние враги. Собственно говоря, победа над Россией в 1582 году явилась самым заметным военным успехом Речи Посполитой в межгосударственных конфликтах за XVI–XVII века, не считая отдельных побед над турками (в битве под Хотиним 1621 года и при снятии осады Вены в 1683 году), русскими (в Конотопской битве 1659 года) и шведами (в сражении при Кирнхольме 1605 года).

На этом военно-политический потенциал Речи Посполитой исчерпывался. Уже в первой половине XVII века она понесла территориальные потери и лишилась Ливонии, а в конце XVIII века прекратила свое существование, разделенная между Россией, Пруссией и Австрией. Но это произойдет позже.

Кроме того, Речь Посполитая была создана в 1569 году как «республика обоих народов», поляков и литовцев. При этом «забыли» о третьем народе — православных русинах, той самой руси, потомках жителей Древнерусского государства, о судьбах которых разворачивался спор между Россией и Великим княжеством Литовским в конце XV — XVI веке. В XVII веке этот народ заявит о своих правах, и украинское освободительное восстание 1648 года потрясет польско-литовское государство и чуть не приведет его к гибели. Можно сказать, что первый шаг к осуществлению этого драматического исторического сценария был сделан при заключении Люблинской унии.

Русско-литовское перемирие 1570 года

1570 год был отмечен в Речи Посполитой страшным голодом. По сообщению русской летописи, «в те же лета в Польше и в Литве глад был силен... простой народ всякую скверну ел, псов и кошек, напоследок и мертвых людей, тела их из гробов вынимали и солили да ели, поскольку хлеб очень дорог был, да денег негде взять». В этой обстановке начался новый раунд русско-литовских переговоров. 10 мая 1570 года в Москве бояре М. Я. Морозов, Н. Р. Юрьев, печатник И. М. Висковатый и дьяк Андрей Васильев приняли посольство Речи Посполитой во главе с Яном Скртошиным.

Диалог сторон развивался по привычному сценарию: литовцы запросили Великий Новгород, Псков, Смоленск, Вязьму, Великие Луки и северские города, Полоцк, Озерище и Усвят со всеми их поветами. Бояре в ответ озвучили свои претензии на Киев, «города, которые по Днепру к Киеву», Волынь, Брест, Львов, Галич, Каменец-Подольский, Витебск, Могилев, Мстиславль и др.

Позиция сторон по Ливонии тоже не изменилась: Сигизмунд предлагал утвердить *status quo*, обменяв лишь польско-литовский город Мариенгаузен на русский город Говью. Бояре же сначала потребовали всю Ливонию, а 18 июня торжественно объявили, что царь «поступается» Курляндией, которой и без того владела Польская корона. Рубежом между Русской и Польской Ливонией должна стать Западная Двина. В ответ послы заявили, что «Инфлянты» даны Богом польским королям, которые не намерены уходить со своей земли.

В ходе дискуссии 18–20 июня было найдено компромиссное решение: заключить трехгодичное перемирие без урегулирования границ в Ливонии. 24 июня 1570 года стороны целовали на перемирных грамотах Евангелие и крест, а в мае следующего года договор был подтвержден в Литве, что поставило точку в русско-литовской войне.

Итоги войны удовлетворили Ивана IV: он продолжил дело отца по присоединению к России крупнейших городов Великого княжества Литовского (Василий III взял Смоленск, а его сын — Полоцк), добился признания русских завоеваний в Ливонии. Причем

инициатива заключения перемирия исходила от Сигизмунда, что для Грозного также было немаловажно: кто просит мира, тот и проиграл.

Отсюда то глумливое отношение, с которым посольство Скротошина было принято в Москве. Сам царь высмеивал дипломатов, а дворяне прямо на царском дворе беспардонно ограбили их. К ногам царя бросили отобранную у литовцев амуницию, над которой московские дворяне во главе с самим государем устроили унижительную потеху. Издевательства иллюстрировали известную поговорку: «Горе побежденным».

Датско-шведская война 1563–1570 годов

24 мая 1562 года шведский король Эрик XIV приказал своим адмиралам Якобу Багге и Йонсону Бонгу «прекратить нарвское плавание». Торговля европейских стран с Россией через Нарву лишала прибыли шведских купцов и вызывала гнев монарха. С появлением на пути в Нарву военных кораблей купцы Ганзы, Англии, Голландии, Шотландии стали торговать через шведский Ревель, что возмутило Данию и Любек, выступавших за свободу морской торговли. Споры быстро переросли в войну за господство на Балтике.

Боевые действия начались 6 августа 1562 года с осады шведским флотоводцем Клаусом Горном ливонского порта Гапсаль. Защищавший его польский гарнизон отступил в направлении Риги. Шведы угрожали нападением и самой Риге. 13 июня 1563 года трактат о войне со Швецией издал Любек, а 31 июля — Дания. Союзником Дании выступила Польша. К тому времени польско-литовские войска уже имели в Ливонии несколько столкновений со шведами.

Союзники планировали блокировать датско-любекскими силами Стокгольм, в то время как Польша должна была вытеснить шведов из Северной Эстонии. Однако события развивались иначе: шведский адмирал Я. Багге 30 мая 1563 года атаковал датский флот у острова Борнхольм и захватил в плен датского командира Я. Броскенгуса и три датских корабля. 11 октября того же года флот из 33 датско-любекских кораблей под началом адмирала Петера Скрама встретил 27 шведских военных судов севернее Готланда. Правда, бой не состоялся, шведы ушли к Стокгольму. Хотя поляки и курляндцы Кеттлера осадили Пернов, однако не добились заметных успехов в Северной Эстонии. Польские суда, которых и так было немного, оказались заперты в Ревеле.

30 мая 1564 года под Готландом состоялось крупное морское сражение. Датский флот из 23 кораблей под командованием Герлуфа Тролле действовал вместе с 10 любекскими кораблями против шведского флота. Тролле применил новую боевую тактику, поставив корабли тройками, сильный со слабыми, и добился победы.

Только 6 июля под Флемингом недалеко от Борнхольма шведы вновь отважились атаковать датский флот. Весной следующего года шведские отряды появились неподалеку от Копенгагена и Любека, а 4 июня 1565 года адмирал К. Горн вступил в сражение с эскадрой Тролле между Висмаром и Вемером: 14 шведских кораблей против 13 датских и 12 любекских. Во время трехдневного сражения, получившего название «битвы под Ругией», Тролле был смертельно ранен и датский флот отступил к Копенгагену. Горн на радостях даже высадил на континент шведский десант.

7 июля 1565 года состоялась Борнхольмская битва. 22 датских и 14 любекских кораблей противостояли 44 шведским кораблям. С обеих сторон было более 7 тысяч раненых и убитых. Некоторый перевес в итоге оказался за шведами: они захватили датский флагман «Jaegermesther» и потопили на один датский корабль больше.

23 мая 1566 года Горн с 67 судами выступил к датскому побережью, около которого 6 кораблей село на мели. Горн отвел суда в открытое море. Его безуспешно преследовали 36 датских и 11 любекских кораблей. В ночь с 28 на 29 июля датско-любекский флот на якорной стоянке под Висби был разбит шведами. Погибло 14 кораблей, командование флота и 5 тысяч моряков. После «катастрофы при Висби» и до конца войны шведы доминировали на море.

Военная кампания была продолжена на суше. В январе 1567 года состоялся шведский поход на ливонские города, занятые польско-литовскими войсками. Вышедший из Ревеля отряд под командованием Клаустеня взял Рую, Малотель, Буртник и Лимбаш. Однако уже в феврале под Ревелем литовские и ливонские войска в большом сражении разбили шведские силы. Развивая успех, литовцы осадили Ригу, но, как сказано в хронике, «рижане от них отсиделись, а города им не сдали». Датские войска под командованием Д. Рантцау перешли в наступление и в конце 1567-го — начале 1568 года заняли области Смоланд и Эстерйетланд.

В сентябре 1568 года шведского короля Эрика XIV объявили сумасшедшим и заключили в тюрьму. Его преемник, Юхан III, был женат на Катерине Ягеллонке, сестре Сигизмунда, и Польша стала союзником Швеции, отказалась поддерживать Данию и предложила ей посредничество в переговорах со Швецией.

В 1569–1570 годах Швеция и Польша обменивались послами, монархи вели дружественную переписку. Польская делегация присутствовала на коронации короля Юхана. В Гданьске осенью 1569 года стояла шведская эскадра Арведссона. Сближению Польши и Швеции всемерно способствовала Катерина Ягеллонка. Она вела переписку по дипломатическим вопросам, сообщала брату планы и намерения шведских политиков. Военное командование строило планы организации совместной, шведско-польской обороны Ревеля и Пернова (напомним, что всего четыре года назад польско-литовские войска с боем осаждали Пернов). Шведы помогали полякам в создании польского военно-морского флота. Уже в 1570 году начинаются совместные походы польско-шведской эскадры.

Свою дипломатическую игру вела и Россия. Еще в 1567 году в Москве возникла идея раздробления Ливонии на ряд мелких княжеств, правители которых принесут присягу монархам Польши, Швеции, Дании и России. Тем самым предполагалось мирно добиться раздела сфер влияния. Грозный сначала предложил основать такое вассальное Ливонское королевство находившемуся в русском плену бывшему магистру ордена Фюрстенбергу, но тот отказался. Затем последовало аналогичное обращение к магистру Кеттлеру, уже владевшему Курляндией и Семигалией на правах вассала Сигизмунда, но тот также отверг предложение. На него согласился только датский герцог Магнус, увидевший в этом шанс обзавестись собственным государством, пусть формально зависимым от Москвы. Роль, которую он фактически исполнял, — наместник в датской зоне оккупации Ливонии — его перестала устраивать.

27 января 1570 года послы Магнуса вернулись из Москвы в Аренсбург. Они привезли соглашение, что Иван IV обещает отдать ему свои завоевания в Ливонии, которые после смерти Магнуса отойдут его наследникам, а после пресечения рода — Датской короне. Русское население будет выведено из Ливонии, а право торговли в ней перейдет «немцам». В ответ Магнус должен был присягнуть на верность русскому царю.

Союз между Магнусом и Иваном IV вызвал пристальный интерес Польши. Королевские дипломаты взволнованно обсуждали, как понимать слова: «Магнус — слуга Ивана IV». Не означает ли это датско-русского раздела Прибалтики? Армия Магнуса выступила совместно с российскими войсками. 21 августа 1570 года объединенные силы атаковали Ревель. Правда, штурмом взять город не удалось, а долгая осада оказалась безрезультатной. Шведы смогли организовать снабжение с моря. 16 марта 1571 года датско-русские войска отступили от Ревеля.

Русско-датское и шведско-польское сближение было вызвано прежде всего единством позиций по вопросу о морской блокаде. Шведы и поляки хотели закрыть «нарвское плавание», для Дании и России оно было выгодным. Почти одновременно с Люблинским сеймом 1569 года Сигизмунд II издал манифест, призывающий всех монархов бороться с «нарвским плаванием», и для этих целей нанял эскадру Яна Мункебена из 14 кораблей. На море развернулась война каперов — морских пиратов, которые топили суда исключительно враждебных держав и получали за это жалованье. Датчане гонялись за шведскими судами, поляки и шведы захватывали всех, кто плыл в русскую Нарву.

У Ивана IV не было своего морского флота, немного позже он нанял отряд датских каперов, вошедших в историю под романтическим именем «корсаров Ивана Грозного». В июне 1569 года датчане атаковали Ревель с моря, а в Финском заливе уничтожили почти 90 малых шведских судов. Осенью 1569 года шведы нанесли ответный удар, осадив крепость Варбек. Успех сопутствовал то одной, то другой стороне, но никто не мог достичь решительного перевеса.

Не добившись доминирования на Балтике, Дания и Швеция 13 декабря 1570 года подписали Штеттинский мир. Стороны договаривались о восстановлении довоенных границ, датчане возвращали шведам Эльвеборг, но получали за него выкуп. «Первая Северная война», как иногда называют этот конфликт, закончилась.

Пустой трон Речи Посполитой

Глава 5. Как Иван Грозный и его сын Федор упустили шанс стать польскими королями и выиграть войну

А нужны ли нам эти выборы? Споры и сомнения накануне

первой элекции

Выход Московской Руси на международную арену в конце XV — XVI веке был ознаменован не только ее вступлением в европейские войны и международные коалиции, но и участием русских государей в выборах на престолы иностранных держав. Впервые слух о возможности элекции (то есть избрания) «Московита» на трон европейской страны, Священной Римской империи, возник при Василии III. А его сын, Иван IV, дважды, в 1572–1573 и 1574–1575 годах принимал участие в избирательной кампании на престол Речи Посполитой.

Пикантность ситуации состояла в том, что Россия одновременно вела с Польшей и Литвой многолетние кровопролитные войны, одна из которых только что, в 1570 году, закончилась трехлетним, то есть весьма краткосрочным перемирием. Ставка в борьбе за польскую корону была необычайно высока. В случае победы на выборах Иван IV мог блистательно завершить кампанию и создать на востоке Европы огромное государство, практически в границах Европейской части Российской империи XIX века. Несомненно, судьба народов континента тогда сложилась бы иначе.

Помимо политического противостояния, выборы были первым случаем непосредственной идеологической схватки Московского царства и Запада. Несмотря на неудачу Грозного, Россия приобрела новый политический опыт. В сценариях избрания Бориса Годунова (1598) и Михаила Романова (1613) сочетались как традиции русских земских соборов, так и практика выборов в годы польских бескоролевий.

Еще в 1552 году астрологи предупреждали: в случае смерти бездетного Сигизмунда II Августа король будет пришлым. С 1566 года одним из кандидатов на польский престол считался сын Ивана Грозного, царевич Иван Иванович. В наказе гонцу Ф. Мясоедову в 1569 году говорилось: «Проведать ему, которым обычаем то слово в Литве и в Польше в людях носится, что хотят взять на Великое княжество Литовское и на Польшу царевича Ивана, и почему то слово в люди пущено, обманом ли, или в правду того хотят, и почему то слово делом не объявится, а в людях носится».

Возможные планы литовских панов обсуждались 10 июня 1570 года на переговорах в Москве посольства Яна Скртошина перед лицом самого Ивана IV. Посол заявил, что и польская, и литовская рада на совещании с королем высказали единую позицию: «...если Пан Бог милостивого государя нашего от сего света приберет, и рады обе о том не мыслят, что им государя себе взять от мусульманских или от иных земель, а желают, чтоб им государя себе избрать от словенского рода, и склоняются к тебе, великому государю, и твоему потомству». Панамам не поверили, решили, что они обманывают, завлекают, хотят таким образом добиться более выгодных условий перемирия.

Высказывались и более экзотические предложения: например, в 1572 году Анджей Чешельский предлагал королю Сигизмунду II Августу, раз у него нет наследника, усыновить сына Ивана Грозного Федора и воспитать «в польском духе», а потом передать ему престол. Русский царь не будет воевать с собственным сыном, и между державами наступит долгожданный мир.

В Варшаве весной 1571 года началась мода на русскую одежду. Русские послы докладывали: «А сказывают: платья однорядки и кафтаны, и шубы, и шапки лисьи черные, и сапоги, и седла паны любят носить ныне в подражание московского обычая... А очень хочет, сказывают, королевна замуж за государя царя и великого князя». Имеется в виду последняя принцесса из рода Ягеллонов — Анна Ягеллонка. Царь якобы ей нравится тем, что «умом крепок и всеми силен, людьми, и казной, и вотчиной».

Несомненно, такие слухи звучали обнадеживающе, но смущал обычай выборов: конкуренция с другими кандидатами и необходимость договариваться с аристократией... Это было совсем не в российских политических традициях.

Статус польских и литовских королей в России ценили невысоко. Настоящий король — прирожденный государь, восходящий по Божьей воле на престол как

представитель правящей династии. А когда короля избирает не Бог, а люди — разве это правильно? Бояре ворчали: «И то не исконное вечное королевство, а сажают на королевство короля паны по своей воле и держат его, как захотят, и кто укоряет государя, тот сам себе укоризну приносит».

Думается, русского монарха, вообще-то не отличавшегося нерешительностью, заставили воздержаться от активных действий его система ценностей и мотивация. Перед глазами Ивана Грозного был летописный пример князя Рюрика, основателя династии. Его тоже призвали, фактически выбрали древние новгородцы. А значит, так и надо восходить на трон: по приглашению будущих подданных. Если бы паны Великого княжества Литовского прислали такое челобитье от всей земли — то царь бы знал, что делать. Борьба группировок, в которой от царя требовалось всем угодить, чтобы понравиться и получить приглашение на престол, смущала и вселяла нерешительность. Где же здесь богоизбранность? Где Божья воля? Вместо нее — сплошное «мятежное человеческое хотение». Думается, что именно этот «диссонанс смыслов» удерживал царя от решительных действий.

Показательно, что участие Ивана Грозного в выборах активно обсуждалось в Польше и во всей Европе и не вызвало абсолютно никакой реакции в России. Польские выборы, кроме самого Ивана Грозного и его дипломатической службы, вообще никого не заинтересовали. Единственное упоминание содержится в Соловецком летописце 1580-х годов: «Приходил из Литвы от всей земли посол к государю, Михайло Халабурда, просил на королевство царевича Федора, и государь им царевича не дал».

Между блистательным Парижем и могучей Московией: кто претендовал на польский престол

7 июля 1572 года умер король Сигизмунд II Август. У него не было детей-наследников. Мужская линия династии Ягеллонов пресеклась. На польский и литовский престол претендовали несколько кандидатов: император Священной Римской империи Максимилиан, его сын Эрнест, русский царь Иван IV, его сын Федор, шведский король Юхан III, французский принц Генрих Анжуйский.

Польская шляхта предъявила следующие требования:

— король не может по своей воле менять государственный строй, объявлять войну без согласия всех земель государства и т. д.; все вопросы, связанные с войной, он обязан согласовывать с рыцарством и шляхтой обоих народов;

— король не может самостоятельно, без консультаций с панами, вести переговоры и отправлять посольства;

— при короле учреждается Рада из шестнадцати сенаторов, с которыми он советуется по всем вопросам;

— король может распоряжаться казной только по согласованию с сенаторами;

— королю нельзя жениться без дозволения Рады и Сената.

Оставалось узнать, что по поводу этих требований думают кандидаты на престол.

Польская шляхта склонялась к кандидатуре Генриха Валуа. В посвященных ему одах и сонетах говорилось, что от прихода добродетельного Генриха московиты и татары будут трепетать, а поляки станут храбрее. На него возлагали надежды, что он построит флот на Балтике, разобьет московитов и турок. Французов интриговала тема прихода короля из высокоразвитой Франции в далекую Польшу, граничившую с варварскими Литвой, Московией и Татарией. К Речи Посполитой относились с симпатией и любопытством, но ставили ее однозначно ниже себя.

Паны Великого княжества Литовского больше склонялись к православному царю или его сыну. Впрочем, не стоит преувеличивать энтузиазм русинских кругов Литвы по поводу кандидатуры Ивана Грозного: его поддерживал очень узкий круг аристократов, да и то во многом из эпатжа, желая позлить поляков и т. д. Паны опасались, не придет ли в Речь Посполитую вместе с новым государем кровавая тирания по образцу недавней московской

опричнины. Поэтому от царя Ивана шляхта ждала разъяснения его позиций по принципиальным вопросам: о сейме, шляхетских вольностях, правах собственности на имущества, религиозной свободе и т. д. Если переводить на современный политологический язык, от царя ждали предвыборную программу, хотя, конечно, в XVI веке такого термина не знали.

Что-то вроде такой программы царь изложил на переговорах с литовским послом М. Гарабурдой в феврале — марте 1573 года в Новгороде и в посланиях, отправленных в Литву в апреле того же года. Иван IV выдвинул идею объединения в Восточной Европе Королевства Польского, Великого княжества Литовского и Московского государства под властью одного монарха, носящего титул: «Божией милостию государь и великий князь всея Руси, Киевский, Владимирский, Московский, король Польский и великий князь Литовский». Иван Грозный не стал обещать перейти в католическую веру, но выступил защитником православия в Великом княжестве Литовском. Он также поставил ряд личных условий: хоронить правителей нового государства будут только в России, они могут выбирать жен из числа подданных, на старости лет монарх может добровольно отойти от дел и принять монашеский постриг. Само приглашение на престол он расценил как добрый знак: если удастся создать в Восточной Европе христианскую сверхдержаву, то туркам и другим мусульманам конец. На время переговоров Иван IV объявлял о продлении перемирия 1570 года.

Однако паны не услышали в царских речах главного: не было сказано ни слова ни о дворянских вольностях, ни об ограничении власти короля в пользу аристократии. Таким образом, ответа на животрепещущие вопросы шляхта не получила, что и вызвало у дворянства Великого княжества Литовского разочарование в московской кандидатуре. Таким образом, первые выборы Иван IV проиграл, даже толком не успев в них поучаствовать.

Французский принц на польском троне

14 мая 1573 года Речь Посполитая избрала своим королем французского принца Генриха Валуа. Во Францию отправились наиболее знатные и влиятельные польские паны: познанский епископ Адам Конарский, Альбрехт Лаский, Ян с Течины, Анджей с Горки и другие. 21 февраля 1574 года состоялась коронация, сопровождавшаяся торжественным поклонением французского гостя королевским гробницам в подземельях Вавеля.

Поляки ликовали. Представитель французских королей на престоле повышал международный престиж Польши. Польские поэты и художники наперебой представляли двору стихотворные и музыкальные произведения, восхваляющие Генриха. В Европе также проснулся интерес к далекой восточноевропейской стране: в 1574 году во Франции и Германии вышло много сочинений, посвященных элекции «короля Польши и Сарматии». Знания европейцев о восточных пределах континента были нетвердыми, поэтому вслед за античными авторами земли к востоку от Одера и Вислы называли «Сарматией» — по имени древнего народа сарматов.

Между тем избрание принца Валуа не вызывало всеобщего восторга. Больше всех был недоволен сам Генрих. Это и немудрено, если ознакомиться с так называемыми «артикулами Генриха» — условиями его избрания на польский престол.

Артикулы провозглашали ликвидацию в Речи Посполитой наследственной монархии. Король гарантировал, что «...ни мы, ни наши потомки... не должны при жизни назначать или выбирать короля и возводить на престол нашего преемника с тем, чтобы право свободного выбора нового короля навсегда... сохранялось бы за всеми коронными сословиями».

Польский монарх фактически не мог проводить самостоятельную внешнюю политику: объявлять и прекращать войны, заключать союзы и даже объявлять набор войска без согласия «сената обоих народов» и «без сеймового постановления всех сословий». Парадоксально, но при этом король объявлялся гарантом обороны страны и сохранения

территориальной целостности государства («Мы и наши потомки обязываемся и будем обязаны осуществлять оборону коронной границы двуединого народа от вторжения любого неприятеля»). Как можно защищать страну без военных полномочий и статуса командующего, артикулы не поясняли.

Впрочем, права правителя Речи Посполитой во внутренней сфере были столь же ничтожны. Он не мог по своей воле изменять или ликвидировать придворные должности, не смел вводить законы, ущемляющие положение знати. Даже в спорах между аристократами на сейме король мог только уговаривать и увещевать, но не должен был «ничего решать своей властью». Артикулы гласили: «Специально оговариваем, что не будем вводить ни налогов, ни податей в наших королевских имениях и в имениях духовенства, а также пошлин в наших городах и... во всех наших землях, входящих в корону, без разрешения всех сословий на вальном сейме». Если монарх неугоден подданным, покушается на их вольности — они имеют право на мятеж: «А если бы мы — от чего сохрани нас господь! — выступили против прав, вольностей... или что-нибудь не выполнили бы, тогда мы объявляем граждан двуединого народа свободными от послушания, от веры нам и от нашей власти». Даже жениться или разводиться польский король мог только с разрешения панов.

На этом фоне дополнительные требования к артикулам выглядели сущими мелочами. Король «Польши и Сарматии» имел:

- корону, но она хранится в Кракове в ларце за печатями каштеляна Краковского, воевод Краковского, Виленского, Сандомирского, Калишского и Троцкого. Без них Генрих не мог даже открыть ларец с собственной короной — у него не было ключей;

- коронную печать.

И все. Дальше начинались королевские обязанности:

- гарантировать сохранение религиозного плюрализма («разных вер»);

- обеспечивать безопасность государственных границ. Четверть личных средств государя должна идти на оборону страны. В случае войны король оплачивал панам участие в ней;

- Генрих обязан выплатить долги польской Короны из своих средств, привезенных из Франции;

- в грядущей войне с Россией должен одержать победу;

- гарантировать шляхте «вольный суд»;

- награждать за службу званием «рыцарский пан»;

- содержать Краковский университет.

Генрих, как французский принц, должен был обещать «всему посполитству», то есть народу Речи Посполитой:

- вечный мир с Францией;

- французскую помощь Польше в ее конфликте с Турцией;

- предоставление Францией четырех тысяч «стрельцов» на двенадцать месяцев «на всякую потребу». Первая же партия этих наемников должна отправиться в Ливонию для войны с русскими и шведами;

- каждый год правления Генриха Франция предоставляет Польше 100 тысяч золотых четыре раза в год под личную гарантию французского короля Карла IX;

- Франция делится с Польшей доходами, получаемыми с земель, оказавшихся под ее контролем (около 150 тысяч дукатов);

- во Франции организуется «склад» (база) для польских купцов, которым предоставляются особые льготы;

- балтийская торговля контролируется совместно Францией и Польшей, при этом последняя получает право завоевать все ливонские порты вплоть до Нарвы;

- 100 детей польских аристократов получают «воспитание рыцарское» и место при королевском дворе.

В ответ на все это паны имеют единственную обязанность: не требовать новых прав.

«Генриховы артикулы» считаются выдающимся памятником польской политической мысли, образцом демократической модели государства раннего Нового времени. Они гарантировали высокий статус польской аристократии, однако король получался неполноценным по сравнению с монархами в других европейских странах. Генриху было в Речи Посполитой неуютно. К тому же паны, желавшие породнить французскую и польскую династии, хотели женить Генриха на Анне, последней принцессе из рода Ягеллонов. Все бы хорошо, только 50-летняя невеста во времена, когда 30-летние считались пожилыми, была глубокой старухой. Генриху же было 22 года...

Избранием Генриха было недовольно Великое княжество Литовское. Не то чтобы его дворяне имели какие-то принципиальные возражения против этой кандидатуры. Дело было не в ней: аристократии великого княжества казалось унижительным, что поляки все решают без них, несмотря на то что Люблинская уния формально предоставляла шляхте и Польши, и Литвы равные права в управлении Речью Посполитой.

Результатом было то, что польско-литовский союз, не успев окрепнуть, затрещал во всем швам. На специальном сейме, созванном после королевских выборов, паны великого княжества предъявили свои требования к Короне: 1) вернуть Литве все южные земли; 2) проводить общие сеймы по очереди в Литве и Польше; 3) расширить состав общего Сената, приняв в него всех бывших членов литовской рады, которые не попали в нынешний Сенат. Поляки отказались обсуждать эти вопросы до приезда нового короля. Сразу за этим последовало крайне обидное для Литвы решение коронного сейма: собирать подати на войну с Россией надо только с Литвы, в то время как Польша будет содержать лишь гарнизоны, стоящие в Ливонии. Таким образом, получалось, что Люблинская уния заключена впустую: поляки бросили своих восточных соседей на произвол судьбы, оставив их один на один с Россией.

Однако ни на какие серьезные шаги Литва так и не решилась. Шляхта великого княжества поддержала кандидатуру Генриха Валуа с условием, чтобы он женился на Анне Ягеллонке. Правда, литовцы не преминули продемонстрировать свою самостоятельность: они послали в Париж пана Криштофа Радзивилла, который присягнул королю отдельно от Польши, а из Вильно прислали особый диплом, которым Великое княжество подтверждало избрание Генриха королем Речи Посполитой.

«Из страны сбежал король...» Второе бескоролье

Правление Генриха продолжалось 16 недель, после чего он тайно, в ночь с 28 на 29 июня 1574 года, сбежал во Францию. Причиной этого экстраординарного поступка (случаев, когда короли сбежали с престола, мировая история знает немного) было известие о смерти короля Карла IX. Французский трон был куда более желанным, чем польский. Польские гонцы сумели нагнать его в пограничье, под Освицец, упали в ноги и просили вернуться. Генрих произнес прочувственную речь на тему, что у каждого свое отечество, а его место во Франции, и поехал дальше.

Поляки были страшно оскорблены. Их можно понять. Бывало, что королей свергали силой, изгоняли из своего государства или даже убивали, но чтобы король бросил подданных и убежал в более «развитую» страну — такого в Восточной Европе никогда не случалось. Ходили слухи, что последней каплей, переполнившей чашу терпения Генриха, было обязательство жениться на «престарелой» Анне Ягеллонке. Но ведь это тоже была «поруха чести» — короли, как известно, по любви не женятся, и потому не следовало избегать родства со славным родом Ягеллонов.

Генрих и его приближенные, стремясь оправдать столь беспрецедентный отказ от трона, не скупилась на негативные описания Польши — представляли поляков в совершенно фантастическом свете. Французы высмеивали их грубость и невежество, что было особенно обидно читать польским интеллектуалам.

Во второе бескоролье к числу претендентов на престол добавились феррарский герцог Альфонсо д'Эсте и семиградский воевода Стефан Баторий, поддерживаемый Турцией. Это

были претенденты от шляхты и панов. Рыцарство поддерживало Батория, а также Анджея из Тишины, воеводу Бельского. Позиция рыцарства Малопольши была особой: ее представители отстаивали идею не пришлого короля, а «Пяста на троне», который сможет добиться «покоя и с турком, и с Иваном». Правда, определиться с «пястовской» кандидатурой было довольно сложно: наиболее популярный из кандидатов Пястов, Ян Костка, был выходцем из Пруссии, что делало его фигуру неприемлемой. Поэтому в итоге малопольские политики стали поддерживать чешского бурграбия Вильгельма из Роземберка.

В августе 1574 года поляки созвали экстренный съезд в Варшаве, чтобы решить — как быть. Постановили собрать сеймики по воеводствам и выслушать их мнения. Литовцы бойкотировали варшавский съезд, собрав свою «конвокацию». Они заявили, что из-за московской опасности не могут покинуть Великое княжество Литовское, и потребовали без их участия не принимать никаких решений, которые могли бы ущемить права Литвы. Единственное, о чем договорились польские и литовские паны, — назначить срок возвращения Генриха до 12 мая 1575 года и уведомить беглого короля, что после этого не будут ждать его возвращения на престол. Новый французский король, погруженный в придворные интриги, распри католиков и гугенотов, тянул с отказом от польской короны и продолжал именовать себя «королем сарматским».

В этих условиях вновь оживилась промосковская партия в Великом княжестве Литовском. Грамота Яна Глебовича от 24 июля 1574 года фактически содержала приглашение Ивану IV на престол Речи Посполитой, но с совершенно определенными требованиями, чтобы он был подлинно христианским государем и избавил бы народ от «бусурманской руки». Ни то ни другое не противоречило пониманию верховной власти Иваном Грозным. Единственное, что нуждалось в урегулировании, — это вопрос, что будет прежде в титуле: король польский или царь российский?

В качестве приложения к грамоте Ян Глебович поместил текст присяги короля Генриха от 21 февраля 1574 года с намеком, что царю Ивану было бы неплохо выполнять эти же условия. Эмоции Грозного при прочтении обязательств монарха перед подданными нетрудно представить. Конечно, ни о какой элекции на таких условиях не могло быть и речи.

Что из этого манифеста вольностей литовских панов уловил и усвоил Иван IV? Царь прочел послание Глебовича через призму собственных воззрений на сущность монаршей власти. Он одобрил стремление панов обрести себе господина и благосклонно воспринял приглашение на польский престол, однако в первую очередь был озабочен соблюдением посольского ритуала, чтобы паны Великого княжества Литовского непременно первыми прислали больших послов с официальным челобитьем: приходи и владей нами.

Позиция Ивана IV, возможно, была вызвана недоверием к литовским панам, которые уже звали его на престол во время первого бескорольевья, а затем выбрали Генриха. Царь требовал узнать, Генрих остался королем или же сложил с себя польскую корону. Глебовичу и его сторонникам обещалось великое жалование в случае победы Ивана IV.

В целом тон царского послания укоризненно-выжидательный. Грозный действовал осторожно и ни одним словом не откликнулся на требования, каким должен быть монарх. Ивана IV интересовали практические вопросы и политический ритуал. Он не видел необходимости в дискуссии о прерогативах королевской власти, поскольку на сей счет имел свое твердое мнение, которое не собирался пересматривать.

Отсутствие у Ивана IV внятной «программы» побуждало его сторонников-шляхтичей придумать ее. В 1575 году некий дворянин Петр Граевский на Стенжицком съезде знати заявил, что его брат Криштоф был в Москве по торговым делам, там встретился с русским царем, и тот ему передал послание к панам, в котором изложил условия, на которых он претендует на престол. Они звучали вполне понятно и соответствовали политической культуре Речи Посполитой:

— «народ свой русский с вашими людьми объединять, сравнивать в чести и благородстве, сделать одним народом и оставить жить в мире для общего добра и славы»;

— объединение государств должно быть по образцу польско-литовских уний;

- для их управления избирается единый монарх из династии Рюриковичей;
- объединенные державы имеют единые вооруженные силы;
- при государе существует единый совет знати;
- устройство новой державы — федеративное: и Польша, и Литва, и Московия сохраняют свою структуру внутренних должностей, свои государственные печати, свои границы, свое законодательство;
- все права и привилегии аристократии и католической церкви, как данные при прежних королях, так и учрежденные шляхтой в последнее время, безоговорочно сохраняются и еще будут приумножены царскими «пожалованиями»;
- царь признает ограничения власти польских монархов панами Рады, и только просит дать ему право награждать пожалованиями отличившихся подданных;
- коронация католическим митрополитом для царя неприемлема, но он готов уступить, «если мне убедительно докажут и объяснят, что это может быть без греха против совести». Тогда «и сам с сыновьями к этой вере пристану и иных много с собою приведу»;
- область Киева переходит в подчинение Московии, а новый титул государя пишется, начиная с Киева («король киевский, московский» и т. д.). В раде иерархия панов выстраивается следующим образом: воевода киевский на первом месте, затем краковский, виленский, троцкий и т. д. Воеводы российских городов как члены этой иерархии не рассматриваются;
- умершие представители династии правителей нового государства будут погребаться в Москве, в родовой усыпальнице Рюриковичей.

Отражали ли хоть в какой-то степени эти пункты (получившие название «артикулы Граевского») настоящую позицию Ивана Грозного? Они практически ни в чем не совпадают с известными нам русскими источниками. Сомнительна и история их происхождения: царь, с его-то величием и самомнением, доверил столь серьезный документ заезжему «мужику торговому», пусть и шляхтичу, чтобы он его донес до панов Речи Посполитой? Иван IV никогда так не делал, это не в его стиле. Остается предположить, что перед нами — апокриф, сочиненный кем-то из сторонников русской кандидатуры в Великом княжестве Литовском.

Русский гонец Федор Елчанинов вел 15 июня 1575 года переговоры в Берестье с жемоитским старостой О. Воловичем. Обсуждались кандидатуры на престол Ивана IV и «цесарского сына» Эрнеста и была предложена избирательная кампания для царя. Он должен был выслать пять грамот: к воеводе виленскому, старосте жемоитскому, пану троцкому, маршалку Радзивиллову и «ко всему рыцарству». Образцы этих грамот, составленные гнездинским архиепископом Якубом Уханьским, были переданы Елчанинову. В них провозглашалось, что новый король будет покровителем народа «сарматского или словенского», защитит христианство от ислама, возвысит правильную веру, преодолев наметившийся «христианский великий упадок». Царь должен был обратиться со специальными декларациями к духовенству и «рыцарству», обещать им «великое жалование», а также гарантировать, что будет «рядить и судить с ними о всех делах». Иван Васильевич обязан заявить, что рад иметь многих панов «в товарищах», поскольку они «люди мудрые».

Появление подобных проектов — и «артикулов Граевского», и «писем Уханьского» — свидетельствует о том, что российская сторона и сторонники кандидатуры Ивана Грозного в Великом княжестве Литовском находились в совершенном диссонансе. Они абсолютно по-разному представляли себе, что надо делать, говорить и чего ожидать друг от друга. Русская дипломатия действовала нерешительно и мелкомасштабно. Вместо «великих послов» в Вильно один за другим отправлялись мелкие послы. Они разведывали обстановку, звали «больших послов» и возвращались с новыми грамотами и проектами, которые в Москве не могли понять.

Нельзя сказать, что царь Иван оказался совсем глухим к призывам обозначить свою позицию относительно полномочий монарха. Но паны ждали от него одного, а он им писал про другое. Например, с гонцом Лукой Новосильцевым Иван Грозный отправил послания,

которые были ответом на предложения Уханьского. Царь четко изложил свою позицию: государь правит, жалует подданных за верную службу и карает за нерадивую, а те честно и благодарно служат. При такой системе происходит «прибыток всему христианству». Вы приглашаете меня на престол? — пишет Иван. — Это означает, что вы «захотели нам послужить». Принимая шляхту на службу, царь Иван дарует ей привилегию служить государю. А вот желанных гарантий прав и привилегий государь шляхте так и не дал. Иван Грозный подтвердил только свое принципиальное невмешательство в религиозный вопрос и в деятельность духовенства Речи Посполитой.

Статейный список посла С. Бастанова, вернувшегося в Москву в январе 1576 года, содержал свидетельства, что «паны рад хотят бить челом тебе, государю, а опричь тебя, государя, не хотят искать никого», «и многие мещане опричь тебя, великого государя, никого не хотят». Казалось, возникала надежда на благоприятный исход кампании. Но для этого надо было действовать.

Почему Иван Грозный проиграл выборы?

К 12 мая 1575 года Генрих так и не вернулся. К этому времени свои условия выдвинули другие два главных претендента — император Максимилиан и Стефан Баторий. Сравним эти «условия», перечисленные в польской хронике современника событий М. Стрыйковского.

Максимилиан пообещал:

1. Все старые права, привилегии и вольности подтверждаются и сохраняются неизменными и будут приумножаться для обустройства Речи Посполитой.
 2. Духовные и светские должности не может занимать иностранец, а только уроженец Речи Посполитой.
 3. Спор о Пруссии и Ливонии между Речью Посполитой и Священной Римской империей прекращается навечно, а претензии на Мазовию могут быть выдвинуты, только если вопрос о своем подданстве поднимет сама Мазовецкая земля.
 4. Решить нарвский вопрос с датским королем и установить союзные отношения ливонских владений Речи Посполитой с семьюдесятью немецкими «местами вольными».
 5. В отношении требований испанского короля о Барском княжестве и доходах неаполитанских Речь Посполитая и империя должны друг другу старательно помогать.
 6. Речь Посполитая устанавливает союзнические отношения с королями испанским, венгерским и чешским.
 7. Устанавливается «приязнь и вечный союз» Речи Посполитой и Священной Римской империи, их взаимная помощь против всех неприятелей, а также сотрудничество и товарищество с датским и шведским королями и всеми немецкими княжествами.
 8. Свобода торговли и «хода купцам» между государствами.
 9. Империя и Речь Посполитая готовы совместно выступить против Турции.
 10. На войну, которую император ведет в Венгрии, он не может привлекать польских и литовских жолнеров, только добровольцев.
 11. Для обороны границ Короны император обязуется возвести четыре замка.
 12. Император должен выделить средства для развития Краковской академии.
 13. Будет решен вопрос о военных и дворских службах высшей аристократией империи и Речи Посполитой.
 14. В первый год внести в польскую казну 300 тысяч злотых для обороны границ и выплаты жалованья жолнерам.
 15. Погасить за счет императора долги Короны перед жолнерами и дворянами.
- По сравнению с этим «условия» Стефана Батория выглядели очень лаконично:
1. Все права Посполитства сохраняются.
 2. Все долги Короны будут уплачены.
 3. Стефан обязуется «добывать» великого князя московского.
 4. Будет заключен вечный мир с татарами и турками.
 5. Охранять все границы Речи Посполитой.

6. Прислать 100 тысяч злотых на нужды Речи Посполитой.

7. Освободить из татарского плена всех полоняников.

12 октября 1575 года группа польских аристократов, в основном из Великой Польши и Мазовии, провозгласила королем Речи Посполитой императора Священной Римской империи Максимилиана II Габсбурга. 12 декабря 1575 года паны Малой Польши во главе с Яном Замоиским провозгласили королевой принцессу Анну Ягеллонку, а в супруги ей предложили трансильванского князя Стефана Батория.

Таким образом возник политический раскол. Великое княжество Литовское заняло уклончивую позицию: оно вело переговоры с Иваном Грозным, но в то же время не имело принципиальных возражений ни против Батория, ни против Габсбургов. В этой ситуации паны хотели поторговаться, добиться как можно больших выгод для Литвы.

3 марта 1576 года в Москве начались переговоры с прибывшими литовскими посланниками Мартыном Страдомским и Матушем Нарбутом. Они вручили царю грамоту, в которой фактически обвиняли его в нерешительности и недостаточной активности во время элекции. Упомянув об участии Генриха и Стефана Батория, посланники подчеркнули, что без короля как гаранта прав аристократии долго оставаться нельзя. Иван Грозный, по их словам, «чинил шкоды», никак не мог обозначить своей позиции и лишь «являл свою государскую милость через послов». Паны пишут о провале переговоров России со Священной Римской империей, из-за чего сорвался альянс «государей на пользу христианству», и предупреждают, чтобы царь не удивлялся, что, несмотря на поддержку его кандидатуры, шляхта предпочла видеть королем Стефана Батория.

С литовскими дипломатами, отбывшими домой 4 марта 1576 года, Грозный направил послание к панам рад. В нем опять говорилось, что необходимо обсудить вопрос об элекции, выработать единую позицию со Священной Римской Империей, достичь взаимовыгодного соглашения по Ливонии. Никаких конкретных шагов предпринято не было.

После избрания Стефана Батория Кремль никак не мог поверить, что поезд ушел. 20 апреля 1576 года из Литвы возвратился Лука Новосильцев. Он рассказал, что реакция литовских панов на избрание Батория была неприязненной. Они считали его выскочкой, презрительно называя «семиградским воеводой». Он не устраивал шляхту и тем, что был поставлен «турком и ляхом», что плохо соответствовало идеалу «христианского государя» и оскорбляло амбиции Великого княжества Литовского.

С 16 по 21 февраля 1576 года в Вильно Новосильцев провел важные переговоры с М. Радзивиллом. Последний сожалел, что русская сторона слишком поздно заговорила о возможности замены кандидатуры Ивана Грозного на его сына Федора (это предложение внес Новосильцев). Паны выдали опасную грамоту для «больших послов» Москвы и ряд других посланий — от имени отдельных аристократов, представителей духовенства. В них говорилось о том, что Иван IV должен официально заявить своим «жалованным словом» о восшествии на престол. Шляхта высказала готовность ему послужить и «на том встать заодин».

Лояльность литовской стороны дошла до того, что в грамоты был включен титул «государя всея Руси», что демонстрировало приверженность доктрине объединения всех русских земель, в том числе входящих в Речь Посполитую, под короной московского государя. От Грозного просили гарантий соблюдения всех шляхетских свобод. Авторы грамот прибегали и к броским демагогическим приемам: так, одно из посланий называлось «челобитьем», которое следовало символично «положить под ногу» Ивану IV. В нем московский царь изображался спасителем Литвы и Польши от их захвата цесарем, «а ты, государь, пожалуй нас, а кроме тебя, мы никого видеть не хотим».

Дальнейшее развитие событий было не столь радужным для Москвы. 27 февраля 1576 года Новосильцев, удовлетворенный итогами переговоров с литовскими панами, «пошел в Корону Польскую», но в Краков его не пустили. Литовцы категорически заявили: в Краков ему нельзя, потому что туда пришел «Обатура». Они воспротивились попыткам

гонца связаться с «панами коронными», сообщив, что «они с нами ныне во брани» из-за избрания Батория «не делом государским», и с ними ссылаться «невместно».

Начиная с 6 марта в Вильно разворачивается торг за польскую корону. Сюда прибыли гонец Батория князь Якуб Воронецкий и посол Священной Римской Империи Якуб Кутецкий. Новосильцев не принимал непосредственного участия в переговорах, но получил обнадеживающие известия: архиепископ Якуб Уханьский отказался ехать в Краков на коронацию. 9 марта послы отбыли ни с чем, а 10 марта архиепископ вызвал Новосильцева и заявил, что надо срочно звать на престол Федора.

Правда, в ходе дальнейшего обсуждения паны признались, что вконец запутались. Стефан им не нравился, но прельщали его «посулы». Больше подошел бы Максимилиан, но того не устраивало требование писаться в титуле сначала королем Речи Посполитой, а лишь затем «цесарем»: ведь не может королевство присоединить к себе империю. Мотивы панов понятны: они опасались, что Польско-литовское государство растворится в имперских владениях. Москва же ведет себя нерешительно: вроде бы царевич Федор и хочет на престол, но где «большие послы»? В начале апреля Новосильцев отбыл домой, так ничего и не решив.

1 мая 1576 года состоялась свадьба Батория с Анной Ягеллонкой, а затем коронация. Литовцы, которых даже не позвали на церемонию, в гневе заявили, что «совершенно уже освобождены от уз с Польшей». Новый монарх оказался хорошим дипломатом: он собрал литовских представителей в Мстибогове и после переговоров 29 июня издал указ, в котором утвердил все пять литовских требований: 1) о порядке участия литовских сенаторов в раде королевской; 2) о возобновлении распоряжений правительства, приостановленных со смертью Сигизмунда; 3) об амнистии противников Батория; 4) о переходе королевских имений к великому княжеству; 5) о неприкосновенности литовской юрисдикции. Остальные требования выносились на грядущий сейм. После этого Стефан особо присягнул Великому княжеству Литовскому.

К Максимилиану II была отправлена реляция с уведомлением об избрании нового польского короля. Немецкой реакции опасались, но император не предпринял никаких решительных шагов, а 12 октября 1576 года скончался в Регенсбурге. Как ехидно сказал польский хронист Мацей Стрыйковский, «цесарь Максимилиан своих электоров выдал, вместо Королевства Польского в Королевство Небесное поспешил».

Когда Россия и Германия начали делить Восточную Европу?

В геополитической конфигурации Восточной Европы раннего Нового времени на полюсах находились православная Россия и протестантско-католическая Германия, а между ними — католическая Польша и земли со смешанным в религиозном и этническом плане населением (современные территории Белоруссии, Украины, Прибалтики), что провоцировало сильные державы поделить между собой более слабые. В 1576 году и император Максимилиан, и царь Иван Грозный были очень раздосадованы: казалось, польская корона уже в руках, но внезапно путь к ней преградил никому не известный и худородный по сравнению с Рюриковичами и Габсбургами «трансильванский воеводишка» Стефан Баторий. Монархи решили, что раз Речь Посполитая не досталась ни немецкому, ни русскому монарху — ее надо поделить между ними. Проект подробно изложен в грамоте, хранящейся в Главном архиве древних актов в Варшаве в фонде Радзивиллов.

Максимилиан предлагал России военно-политический союз на следующих условиях:

- на трон Речи Посполитой избирался его сын Эрнест;
- Россия и Священная Римская империя вместе с находящейся под их властью Речью Посполитой совместно выступают против Турции.
- Россия прекращает войну в Ливонии и выводит оттуда войска, Ливония при этом освобождается от польской оккупации и переходит под юрисдикцию Священной Римской империи.

Иван Грозный выдвинул встречные предложения:

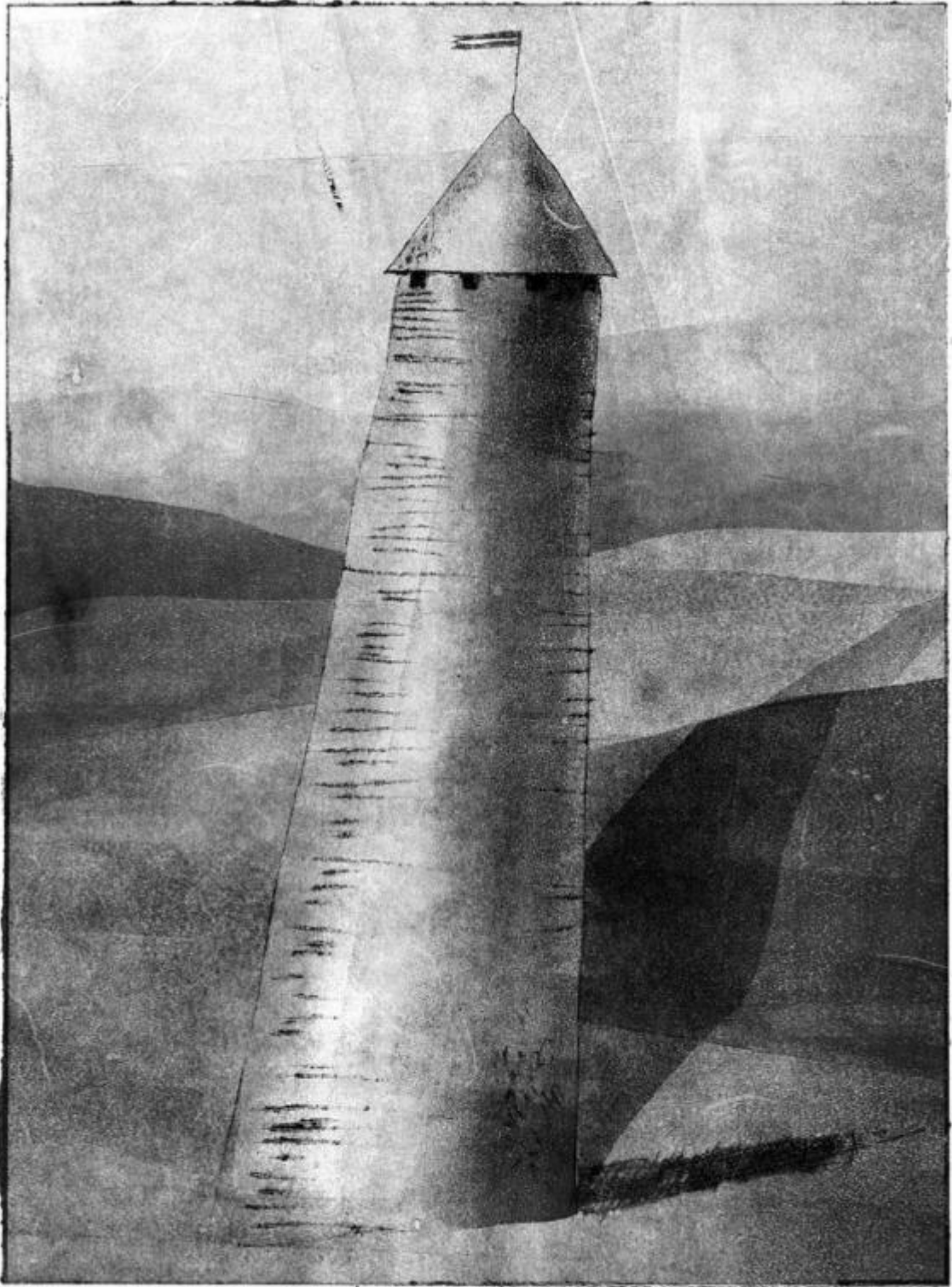
— на польский престол избирается Эрнест, на литовский — Федор.

— Россия готова вывести войска из Ливонии при условии, что Ливония получит статус особого вольного королевства (то есть не окажется в сфере влияния ни Священной Римской империи, ни Швеции, ни Дании);

— Россия поддерживает идею совместного выступления против Турции.

Германия претендовала на Польшу, Россия — на Прибалтику и земли Великого княжества Литовского, то есть современную территорию Центральной и Западной Украины и Белоруссии. Такое разграничение сфер влияния похоже на границы, которые проведут в этом регионе политики более поздних эпох, начиная с разделов Польши в 1772–1795 годах.

Насколько реалистичен был этот проект и мог ли он быть воплощен в жизнь? Россия и Германия располагали достаточными силами для военного вторжения, у Максимилиана и Эрнеста были свои сторонники в Польше, как у Ивана Грозного в Великом княжестве Литовском. Так что этот сценарий мог бы реализоваться, если бы не смерть Максимилиана в октябре 1576 года. Новый император, Рудольф, не считал возможным военно-политическое сотрудничество с Россией. Раздел Речи Посполитой отодвинули на два столетия воля и военный талант Стефана Батория, который развязал и выиграл «Московскую войну».

Башня с флагом Речи Посполитой

Глава 6. Первая «Московская война»: кто победил, кто проиграл

«Добить Ливонию!» Иван Грозный заканчивает войну

Когда Иван IV отправил в Крым посла Е. Л. Ржевского в октябре — ноябре 1576 года, то на слова татар, «что ныне в Литве король Степан Батура Семиградской...», просил отвечать так: мы об этом знаем, только он еще «крепко у них в литовской земле не утвердился».

Показателен прием посольства Речи Посполитой в Москве в сентябре — октябре 1576 года. Послы должны были сообщить Ивану Грозному о восшествии на престол Стефана Батория в результате его «обирания». Приняв «Божией милостью» титул королей польских и великих князей литовских, он подобно Ягеллонам обращался к Ивану IV «брат». Баторий объявлял себя «государем христианским», сторонником активной борьбы с Турцией.

Встретаться с послами Батория царь Иван отказался. В голове русского монарха не укладывалось, как общаться с представителями мелкого трансильванского князька, возведенного на престол волей дерзких панов. Причем панов, которые предпочли этого худородного выскочку царю-Рюриковичу! Поэтому переговоры поручили боярам: И. Ф. Мстиславскому, И. Ю. Голицыну, С. Д. Пронскому, П. В. Морозову, И. В. Шереметеву Меньшому, окольникову Ф. В. Шереметеву, дьякам А. Я. и В. Я. Щелкаловым.

Дипломаты вручили боярину И. Ф. Мстиславскому грамоту от панов рад, датированную 16 июня 1576 года. Среди подписавших документ были Якуб Уханьский, Миколай Радзивилл, Ян Ходкевич и другие представители шляхты, еще недавно звавшие Грозного на польский престол. Теперь тон их послания был иным: Россия должна прекратить войну в Ливонии, первой прислать «великих послов» и попросить мира у Речи Посполитой. Если царь Иван смирит свою гордыню — то проявит себя как подлинный христианский государь. В противном случае его признают нехристианским правителем, что будет иметь для России серьезные последствия.

4 ноября 1576 года литовская делегация была все-таки принята Грозным. Во время аудиенции он гневно указал, что «непригоже» Стефану Баторию именовать русского царя «братом», потому что такое право имеют только прирожденные короли: кесарь, султан, французский король, а Баторий кто — воевода! Чем же он отличается от других знатных литовских родов — Острожских, Слуцких, Мстиславских, Трубецких?

17 ноября 1576 года литовское посольство отбыло домой. В ответных грамотах бояре обвиняли панов в непоследовательности и вероломстве. Они припоминали им, как пань просили себе на престол Ивана IV, дабы установить «покой» между христианскими державами, но нарушили обещания, поддержав Стефана.

Пока дипломаты собирались с мыслями, Россия решила закрепить свои завоевания в Прибалтике военным путем. В феврале и апреле 1577 года на двух заседаниях Боярской думы было принято решение нанести решающий удар по польско-литовской Прибалтике. Поход возглавил сам царь. 8 июня Иван IV выступил из Новгорода, а 15 июня прибыл в Псков. Вторжению помешали неожиданно возникшие проблемы с союзниками, в частности с датским герцогом Магнусом. Иван Грозный считал его своим подданным — «голдовником» (таким термином царь обозначал «вассала») и соответствующим образом обращался с ним. Для датского принца это было дикостью. Царь учинил в Пскове своеобразное судилище над Магнусом, где заставил его униженно оправдываться. Незадачливый «ливонский король» должен был подписать соглашение, сильно урезающее датские владения в Ливонии. Теперь они простирались к северу от р. Аа на незначительную территорию. Магнус почувствовал себя оскорбленным. Чрезмерное давление на него, несомненно, было ошибкой русского правительства: Иван Грозный буквально толкнул герцога в объятия своих врагов, Польши и Литвы. Они не упустили своего шанса, завязали тайные переговоры с датским герцогом и склонили его на свою сторону. Измена Магнуса случится еще через год. Пока же датские наемные отряды и русские полки выступили вместе.

9 июля 1577 года из Новгорода двинулся полк Т. Р. Трубецкого, который через некоторое время, пройдя через Ливонию, вышел на берег Западной Двины у г. Кройцбурга. Тем самым был обозначен желаемый рубеж русского продвижения в Ливонии. Царь понимал, что на захват Курляндии, находившейся за Западной Двиной, у него вряд ли хватит

сил, а вот на Эстонию и Лифляндию — наверняка. Проблему захвата Ревеля и Риги можно было решить по ходу дела: не удастся взять — придется блокировать. 13 июля на Ливонию двинулась 30-тысячная рать во главе с самим государем и его сыном Иваном. Вместе с ней шли татарские отряды Симеона Бекбулатовича. Одновременно с севера в литовскую зону оккупации Ливонии вторглись полки Магнуса.

Представитель Речи Посполитой в Ливонии Григорий Ходкевич располагал всего четырехтысячным войском, поэтому все, что он мог делать, — отступать. От Стефана, занятого осадой мятежного Гданьска, никакой помощи не было. Гарнизоны ливонских крепостей насчитывали от нескольких десятков до, в лучшем случае, нескольких сотен воинов. Было очевидно, что они не выдержат ни осад, ни штурмов. Так и вышло: крепости открывали ворота одна за другой, предпочитая плен неизбежной гибели в случае сражения. 16 июля сдался Мариенгаузен, который обороняло всего... 25 человек. 24 июля, увидев под стенами вверенной ему крепости войска, комендант г. Лудзена заявил о своем горячем желании немедленно перейти под власть московского царя и приказал открыть ворота. 27 июля пала крепость Розиттен, 9 августа — Динабург. Их гарнизоны были «милостиво» приняты Иваном IV на службу.

8 августа комендант Вольмара А. Полубенский сообщил в Речь Посполитую о военной катастрофе в Ливонии: без помощи королевской армии Ливония падет, как пал в свое время Полоцк. Помощи не последовало. 12 августа копыта коня Ивана Грозного омыла волна Западной Двины. Здесь были взяты Кройцбург и Лаудон. 20 августа сдался Зессвеген, 21 — Шваненбург, 22 — Берзон.

Успехи русско-датских войск в Прибалтике имели и свою оборотную сторону. Поняв неизбежность завоевания, осознав, что Польша и Литва бросили их на произвол судьбы, ливонцы были вынуждены выбирать между русским и датским владычеством. Естественно, они склонялись в пользу Дании: датчане — протестанты, братья по вере, более близки по культуре и жизненному укладу, да и репутация Магнуса была лучше, чем у царя. В результате в конце августа под Кокенгаузеном Ивана IV ждал сюрприз. Он получил известие, что часть ливонских городов, в частности Венден и Кокенгаузен, присягнули Магнусу. Герцог прислал грамоту, в которой сообщал, что именно он и его доблестные войска взяли восемнадцать ливонских городов. Они вошли в Ливонское королевство, подвластное датскому принцу.

То, что Магнус фактически взбунтовался, было полбеде. Не удивляла и позиция ливонцев, выбравших власть датчан, а не русских. Более всего царь был возмущен тем, что герцог у него украл победу: получалось, что успехами русского оружия в Ливонии воспользовалась Дания. Грозный написал Магнусу крайне резкое послание, в котором потребовал выполнения Псковского соглашения 1577 года. В противном случае датчанин может убираться — либо на о. Эзель, принадлежавший Датской короне, либо за море, в Копенгаген.

Жертвами доверия к Магнусу стали присягнувшие ему жители ливонских городов. Отряд окольничего П. И. Татеева взял Кокенгаузен и устроил там резню в наказание «за измену» в пользу датского герцога. 1 сентября та же участь постигла Вольмар, взятый Б. Я. Бельским и Д. И. Черемисиновым. 5 сентября пал Венден, в котором также прошли массовые казни. Современник событий Рейнгольд Гейденштейн так описывал взятие замка Ашерраден: «В Ашеррадене собралось огромное множество людей обоюбого пола и всякого сословия, в особенности же много женщин и девиц; там же находился ландмаршал, человек почтенный и по летам и по тем высшим должностям, которые некогда он занимал. Московский князь, перебив без разбора всех способных носить оружие, не воинственный пол, женщин и девиц, отдал татарам на поругание; затем прямо отправился в Венден. Находившиеся там жители, перепуганные слухом о таком жестоком поступке московского князя, заперли ворота. Магнус, вышедший за них просителем с униженным видом и умолявший на коленях о помиловании, ползая у его ног, был обруган князем, который даже ударил его в лицо. Убедившись, что влияние Магнуса нисколько не может послужить

к их спасению, так как даже ему самому угрожает опасность, и видя себя со всех сторон окруженными и обманутыми вероломным неприятелем, жители под влиянием гнева, страха и отчаяния подложили под здания порох, и от этого взрыва погибло огромное множество людей обоюбого пола, всякого возраста и сословия, и почти весь цвет знати ливонской, сколько ее еще оставалось до сих пор».

10 сентября пал Трикатен. Всего под властью Ивана IV оказалось более двадцати ливонских городов. Царь контролировал почти всю Лифляндию севернее Западной Двины и большую часть Эстляндии (за исключением Риги, Ревеля, шведских и датских владений). Таким образом, цели похода 1577 года были достигнуты. Добившись успеха, Россия хотела закончить войну, но победы 1577 года оказались вершиной, перевалив через которую, война стремительно покатила к своей развязке.

Стефан Баторий войну начинает

У Батория в 1577 году не было сил и возможностей помогать Ливонии. Надо было подавлять Гданьское восстание. Для мобилизации вооруженных сил и найма солдат нужно было время. Поэтому король вначале надеялся на дипломатию. Из инструкций новому посольству видно, что Стефан, явно делая над собой усилие, велел послам начать свою миссию с комплимента русскому царю. Старший посол должен был назвать Ивана IV «многих панств в христианстве не последним господарем». Стефан первым шел на уступки и хотел продемонстрировать «приятнь» к царю, сказать ему приятное. Он предлагал царю мир во имя покоя и процветания «всего христианства», однако выдвинул достаточно жесткие условия. Вечный мир был возможен только при возврате всех земель, захваченных Россией у Великого княжества Литовского, и Ливонии, «которая есть единый член Речи Посполитой, ее целого тела». Одновременно должен быть заключен мир со Швецией. Во всех остальных случаях послам предписывалось заключить перемирие, урегулировав «по листу» спорные пограничные вопросы с помощью съездов на границах (в основном это касалось русско-литовской границы). На время перемирия в Ливонии сохранялся *status quo*. Наконец, дипломаты должны были добиться «братского титула» для Батория, поскольку только признание «братства» может гарантировать «покой христианам».

Эти предложения везло в Москву посольство Станислава Крыского. В русском дипломатическом ведомстве подробно разрабатывались варианты ответов на возможные вопросы и действия переговорщиков. Захват Ливонии предполагалось аргументировать весьма примечательным образом: мол, прибалтийские города сами сдавались Грозному. А которые вздумали сопротивляться и «задуровали», «то всем ведомо — немцы в сечу идут пьяными». В ответ на попытку литовцев сделать комплимент, что русский царь — «не последний» среди европейских правителей, он объявляется «набольшим во вселенной»: «А мы с Божьей волей над собою большего не ведаем никого... но везде Божьим милосердием первые среди государей».

Соответственно, предстояло проверить, достоин ли Стефан Баторий вести переговоры с таким великим монархом? В системе координат русской стороны ответ получался отрицательный. Прежде всего, история отношений Руси, Литвы и Польши однозначно свидетельствовала о подчиненном положении последних. В древности Польша и Литва хотя бы имели приличных правителей, находившихся в родстве с Рюриковичами. А теперь, нарушив божественный порядок, паны избрали своим королем Стефана, который не может претендовать на равный с Грозным статус — «братство». Он может всего лишь писаться «соседом». Но московский царь милостив и готов заключить мир даже с таким ничтожным правителем, как король Стефан.

В ходе дебатов с польской стороны прозвучал важный тезис, уточнивший представления оппонентов о монархии. Один из панов в сердцах бросил, что хоть Стефан и «не с великого государства», но ведь «корона польская величия не утратила». Из этого тезиса видна разница подходов. Для поляков их корона выступает как незыблемый институт, ценный сам по себе, статус которого не могут поколебать ни элекция, ни худородный

правитель. Для русских принципиально важной была персонификация власти. Государь — сам по себе живое воплощение института высшей власти, олицетворяющий Бога. Отсюда повышенные требования к происхождению и личности царя и игнорирование других институтов передачи верховной власти.

30 января 1578 года Крыский подписал в Москве перемирие. Оно изначально было нежизнеспособно, потому что итоги победоносного похода 1577 года не могли устроить Батория. Тем более они по-разному трактовались в русском и литовском списках перемирных грамот. В русском содержался пункт о «невступлении» Стефана в Ливонию и Курляндию, правах Ивана IV на Ригу, Куконос, Кокенгаузен, проведение границ между Литвой, Пруссией, Курляндией и Ливонией «по старым рубежам». Таким образом, перемирие 1578 года аннулировало бы Первое и Второе виленские соглашения о переходе Ливонии и Курляндии в подданство правителей Великого княжества Литовского.

Литовские послы сразу же исключили из своего варианта грамоты пункт о Ливонии и вообще любое упоминание о Ливонии, оставив только роспись русско-литовских рубежей, по которой Полоцк временно, до конца перемирия, оставался в составе России. В результате стороны оказались уверенными в совершенно разных результатах переговоров. Иван Грозный чувствовал себя победителем, добившимся признания Речью Посполитой не только его фактических завоеваний Полоцкой и Ливонской земель, но и прав на Курляндию. Стефан же получил от Крыского вполне приемлемый документ, позволявший отложить до лучших времен возврат Полоцка и проигнорировать вопрос о Ливонии.

Стефан объявил, что перемирие было заключено без его разрешения, и признал договор недействительным. 28 апреля 1578 года он выступил с обращением к епископам, князьям и сенаторам Великого княжества Литовского, обвинив Ивана Грозного в присвоении царского титула и в претензиях «быть дедичем» и над Коронай польской, и над Великим княжеством Литовским. Обвинение явно вымышленное, поскольку столь далеко амбиции Ивана не простирались. В качестве подтверждения кровожадной и захватнической политики «Московита» король привел нападение на Ливонию — и портрет *врага* был готов.

Речь Посполитая уже готовилась к войне. В июне 1577 года был введен специальный налог на оборону границ от Москвы и татар. Будущие участники Московской войны получили материальные льготы и были освобождены от судебных преследований. Сейм, открывшийся в Варшаве 20 января 1578 года, принял решение о необходимости войны с Россией, причем — с изменением всей военной доктрины: войну надлежало вести «... в пределах неприятельских, так как прежний способ держать войска внутри собственных границ и только обороняться от врага был осужден на основании происходившего отсюда домашнего вреда и на основании примера прошлого года». В беседе с нунцием Лаурео Стефан заметил, что можно завоевать не только Ливонию, но и Москву, вернув Полоцк и Смоленск. 10 марта сейм вынес постановление об учреждении специальных налогов для военных нужд, в частности пошлину в $\frac{1}{8}$ стоимости с каждой бочки пива. 10 июня вышел универсал о наборах пехоты для королевской армии. Король раздавал земли под военные займы и провел ряд военных реформ. Из этих мероприятий видно, что переговоры с Россией Баторий использовал лишь для подготовке к войне. На дипломатическое решение вопроса он уже не рассчитывал.

Возвращение Полоцка 1579 года

В январе 1579 года Баторий отдает распоряжения о сборе войск, маршрутах их передвижения и местах сосредоточения. 12 июня король обратился к подданным одновременно на латинском, польском, венгерском и немецком языках. В своем воззвании он подчеркнул, что война с Москвой вызвана преступлениями Ивана Грозного, главным из которых было нападение на Ливонию, и что цель наступления — восстановить мир и обуздать агрессора. Война объявлялась справедливой и священной, а значит — Бог на стороне Батория и его армии. 30 июня на совещании Батория с командирами в Свири было принято окончательное решение об ударе на Полоцк.

Важным новшеством, которое и предопределило успех Речи Посполитой, было использование немецких, прусских и венгерских наемников. Именно наемники стали главной ударной силой, переломившей ход войны. Они привнесли в кампанию европейскую военную культуру, плод «военной революции», начавшейся в странах Запада в XVI веке и приведшей к доминированию огнестрельного оружия и наемной армии.

В прошлое уходили доспехи (бесполезные перед пулей), тяжелое рыцарское вооружение (избыточное там, где все могли решить шпаги, рапиры и пики), луки и арбалеты (уступавшие аркебузам и мушкетам), феодальное ополчение и княжеские военные дворы. На войне нужны хорошо подготовленные профессионалы. На смену принципу ополчения как способу комплектования армии пришел принцип военного найма.

Дети боярские и стрельцы Ивана Грозного успешно воевали с дворянским ополчением Великого княжества Литовского, несколько хуже — с польским рыцарством и жолнерами, а вот немецкие и венгерские наемники, закаленные в европейских войнах XVI века, оказались для них слишком трудным противником.

Армия Батория выглядела красочно. Согласно письму участника похода итальянца Мартинелли, в некоторых отрядах на шеях коней были повязаны куски ткани, напоминающие бороды, другие лошади были покрыты шкурами волков и тигров, а упряжь украшена золотыми камнями, золотом и шелками. Гусары имели за спиной орлиные крылья, во время скачки пугающие русских лошадей.

Баторий прошел к Полоцку маршрутом, которым войска не ходили с 1563 года, — старым Виленским трактом. Дорога настолько заросла, что армия буквально прорубалась через заросли, но зато подошла к Полоцку за три дня, что оказалось полной неожиданностью для русского командования. Оно знало, что Баторий готовится выступить, но не угадало направление главного удара. В итоге перегруппироваться русские не успели, подмоги Полоцк не получил, а наличных сил гарнизона оказалось недостаточно.

Баториевцы первым делом перерезали коммуникации. Для этого надо было взять полоцкие пригороды. 28 июля пал Казьян, 31 июля — Красный, 4 августа — Ситна. Баторий выпустил прокламацию, адресованную населению Московии. Основной ее смысл — король воюет с тираном и кровопийцей Иваном Грозным, а не с его подданными — дворянами и стрельцами, чтобы освободить оккупированные «Московитом» земли и вернуть русским свободу, отнятые у них права и вольности. Без поддержки россиян это трудно сделать, поэтому Баторий призывал встречать освободительные польские войска, открывать им ворота крепостей, не подчиняться воеводам и сотрудничать с панами. Всем, кто так поступит, король обещал льготы и награды. Кто не покорится — пусть спасается бегством. Кто будет сопротивляться — погибнет. Воззвание Батория осталось без ответа, никакой массовой сдачи и перехода на польскую сторону не было.

Полоцк к 1579 году имел три линии обороны: Верхний замок (восстановленная после 1563 года литовская крепость), Нижний замок (построенная стрельцами Ивана Грозного крепость рядом с Верхним замком) и укрепленный посад Заполотья. Бывший Великий посад Полоцка был заброшен, разрушен и даже порос лесом.

Город обороняло примерно 6000 человек при 38 орудиях, 300 гаковницах и 600 «долгих» пищалях-ручницах. Данные о войске Речи Посполитой разнятся — от 30 до 40 тысяч, но не все из них были под стенами Полоцка — кто-то брал Сушу, кто-то стоял под Соколом и т. д. У Батория было всего 33 полевых орудия, поэтому разрушать стены, как это делали русские в 1563 году, он не мог. Замок пытались поджечь калеными ядрами. Они разогревались на огне, обертывались во влажную траву, чтобы не воспламенить порох в пушке раньше времени, и затем выстреливались по деревянному городу. При попадании ядра разбивались, и раскаленные осколки могли поджечь деревянные постройки.

11 августа началась планомерная осада, 12 августа калеными ядрами подожгли дома в Заполотье. Гарнизон оставил его и целиком ушел в Верхний и Нижний замки. У них были толстые дубовые стены, и их не удавалось поджечь. Защитникам Полоцка помогала дождливая погода. Современник событий Рейнгольд Гейденштейн писал: «Вследствие

весьма сильных и непрерывных дождей дороги так испортились, что вьючные лошади, не имея возможности выкарабкаться из грязи, по большей части умирали от истощения, и все дороги устланы были конскими трупами. Дожди до такой степени увлажнили почву, и без того жирную и влажную саму по себе, и все напоили водой, что даже под кожами в самых палатках магнатов не оставалось места, где можно было бы лежать. Следствием всего этого было то, что... съестные припасы и в особенности сено до крайней степени возросли в цене; чего раньше и не слыхивали, особенно в Польше, — каждая мера овса покупалась за 10 талеров, так что им, конечно, кормили только более благородных коней; с другой стороны, в числе поляков и венгерцев находились такие люди, которые не задумывались есть мясо падших лошадей; и не столько казалось удивительным это само по себе новое и непривычное кушанье, сколько то, что питавшиеся им не замечали, чтобы от этого им приключилась какая-нибудь болезнь. При затруднительном положении всех, всего более страдали немцы... потому, что привыкли вести войну в странах, населенных частыми городами».

29 августа с помощью угольев и факелов, которые бросали к основанию стен, удалось в одном месте поджечь и частично разрушить стену в районе наугольной северо-западной башни Верхнего замка. 30 августа венграм под командованием Петра Рача удалось войти в пролом, а затем захватить и сжечь крепостную башню, располагавшуюся недалеко от пролома. 31 августа крепость пала. Гарнизон сдал ее при условии, что всех желающих отпустят в Россию. Некоторые решили остаться в Литве, испугавшись расправы за малодушие. Эти страхи были небезосновательны — Иван Грозный был убежден, что «крепость сдали изменою». Баторий сдержал слово и отпустил сдавшихся, но как только они покинули Полоцк — королевский контроль ослаб, и воинам пришлось хлебнуть всю полноту унижений и произвольных расправ.

Взяв Полоцк, Баторий продолжил захват округи. 4 сентября была взята Туровля, 11 сентября — Сокол. Под Соколом в то время находились отряды, посланные Иваном Грозным для деблокады Полоцка. Воеводы не решились нападать. Как часто бывает, тот, кто избегает сражений и трусливо отсиживается в стороне, получает и сражения, и позорную гибель. Отряды во главе со струсившим воеводой Борисом Шеиным были разбиты. 6 октября сдалась Суша. Войска Речи Посполитой вторглись в Смоленскую землю.

Стефан Баторий переломил ход истории и начал Московскую войну с блестящих побед. Речь Посполитая неистовствовала в восхвалениях короля и своих рыцарей. Ян Замойский говорил, что эта победа как бы лишила Ивана Грозного всей предыдущей военной славы: «Мы одержали столь славную победу над неприятелем, которого все страшились вследствие высокого мнения о его могуществе и о его воинской доблести, о его победах над другими народами; никто не думал, что он сам может быть побежден. Случилось, однако, по особенной милости Божией, то, что неприятель не только побежден, но лишен Полоцка, который будет служить вечным памятником этой победы, лишен славы своих прежних побед; все его трофеи, какие он только получил в продолжение стольких лет над ливонцами, шведами, над покоренными казанцами и астраханцами, над татарами и турками, пытавшимися было соединить Дон с Волгою и Каспийское море с Черным, над другими воинственными и дикими народами, все эти трофеи с него сняты этою победою; их будут нести впереди при настоящем триумфальном военном торжестве».

Поэт Ян Янушевский написал похвалу Стефану на Полоцкое взятие. Он называл победу польского оружия величайшим в истории «триумфом». Увлекаясь, автор писал, что король «укротил неистового Буцефала», «прошел между Сциллой и Харибдой и привел свой корабль в тихую гавань». Стефан подобен Александру Македонскому, Цезарю и Карлу Великому, вместе взятым.

Правда, в бочке меда оказалась ложка дегтя. У победителя всегда есть завистники. Батория обвинили в том, что он поощряет иностранцев и принижает поляков. Венгры и немцы на самом деле воевали лучше и покрыли себя воинской славой при взятии Полоцка, но поляки считали это унижением для «истинного рыцарства». Короля невзлюбили и, как

водится, начали строить козни: например, попытались поссорить его с женой, Анной Ягеллонкой, распространив слухи, что она слишком стара и король бросит ее ради молодой.

Кое-кто начал обвинять Батория в... победе над Россией. Ведь московиты разбиты и не сегодня-завтра всей страной сдадутся. Что делать Речи Посполитой с таким количеством пленных? Как управлять этими варварами? Как их кормить? Канцлер Я. Замойский даже был вынужден произнести перед сеймом особую речь, в которой обосновал необходимость завоевания России. Он заявил: «Положение нашего государства, мне кажется, таково, что если только мы хотим... сохранить настоящее положение республики, то совершенно необходимо присоединить к ней какое-нибудь новое королевство». Начнем с возвращения земель Великого княжества Литовского, потом вернем древние литовские земли — Новгород и Псков, ну а там подумаем насчет Москвы...

Великолукский поход

Россия после потери Полоцка пребывала в растерянности. Поражение было неожиданным. Пугало то, что крепость не была взята штурмом, а сдалась. Иван Грозный везде видел предателей и нагнетал атмосферу всеобщей подозрительности, что парализовало волю воевод. Вслед за Шеином под Соколом многим казалось, что проще ничего не делать, чтобы не нарваться на обвинение в измене. Никаких серьезных мер для возвращения Полоцка или для предотвращения дальнейшего наступления Батория не предпринималось.

Тональность посланий Ивана Грозного резко изменилась. В письме к Стефану Баторию от 8 января 1580 года предлагались: братская любовь, обмен пленными, прекращение боевых действий на границах и опасная грамота для великого посольства Речи Посполитой. Еще недавно Иван Грозный брезгливо отказывался считать польского короля своей ровней и «братом», а теперь — призыв к «братской любви»! Очень показательны инструкции, содержащиеся в наказе русскому послу Благово. Послу велено: «Если будет в чем нужда, и ему просить об этом слегка, а не браниться и не грозить, может дадут купить, а не дадут купить — терпеть». Наказ следующему гонцу, Ф. Шишмареву, еще более красноречив: «Да будет Федору учнут какое бесчестье причинять или тесноту или досаду какую, или ругать будут, и ему, защищая себя, слегка говорить, а прятко о том не говорить, терпеть». Смирение, совершенно небывалое для московских гонцов, чья спесивость была притчей во языцех при европейских дворах!

В июне-июле 1580 года на русско-литовской границе начались активные боевые действия. М. Вишневецкий вместе с крымскими и белгородскими татарами осадил Рыльск. Из Витебска, Орши, Мстиславля наносились удары в направлении Кричева, Стародубских мест, Рославля, Велижа, Брянского, Смоленского, Себежского и Луцкого уездов. Литовские войска осаждали Усвят, Велиж и Озерище. Непокойно было и в Ливонии: нападению подверглись Говье, Трекат, Смелтин (последний вскоре был захвачен). Из Литовской Ливонии королевские отряды совершили поход на Псковский и Юрьевский уезды, поступили сведения о выдвижении литовской армии к Заволочью.

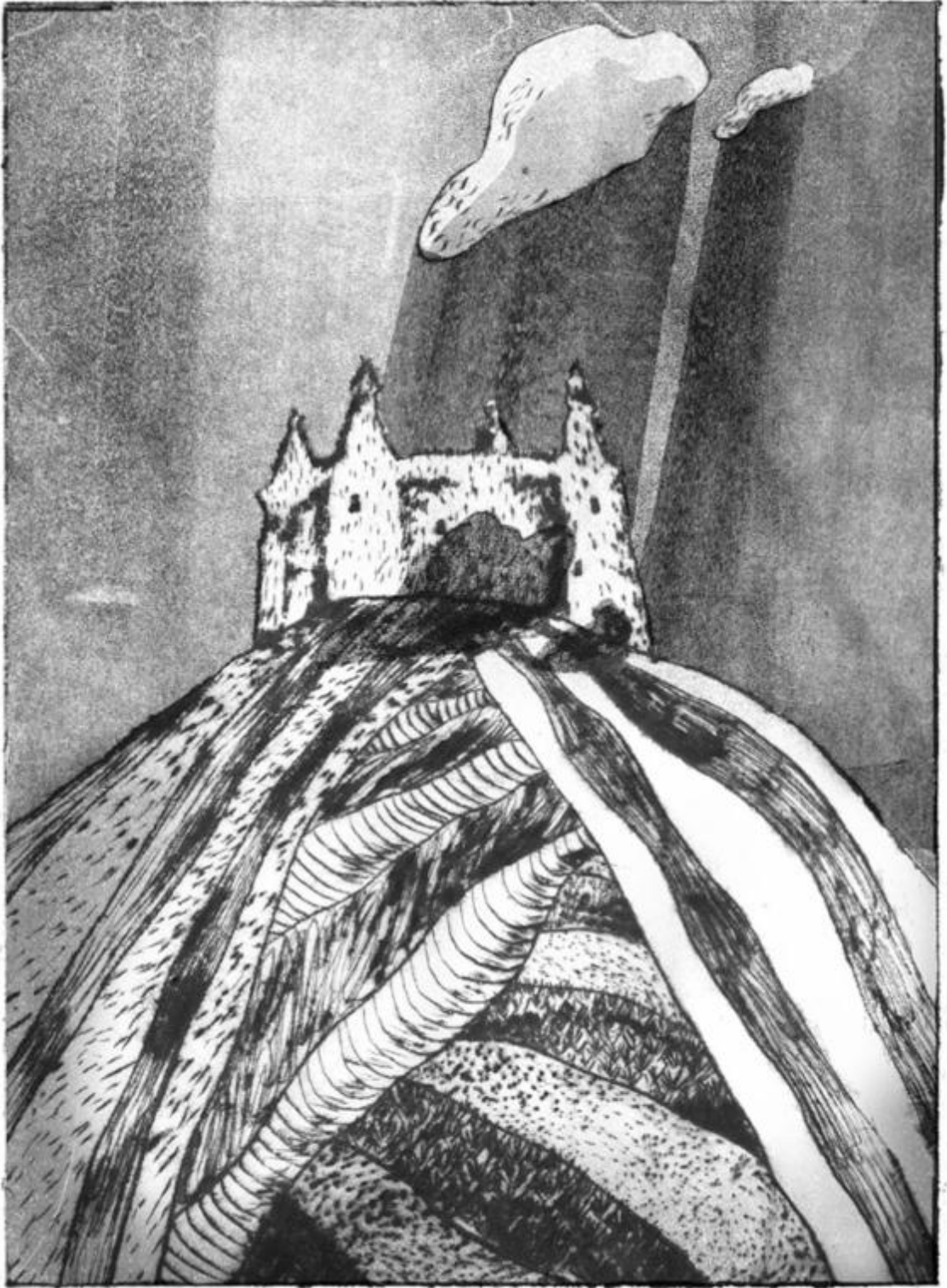
В середине августа 1580 года первые отряды Великого княжества Литовского появились под передовой крепостью Новгородской земли — Великими Луками. 26 августа сюда подошла армия Батория. Горожане сожгли посад, хотя он и был укреплен, и укрылись в детинце. С высокого холма на чужеземцев угрюмо смотрели «мохнатые» зелено-желтые стены и башни: все укрепления Великих Лук были покрыты толстым слоем свежесрезанного дерна с успевшей пожухнуть травой. Это было сделано для защиты от каленых ядер, которые гасли и остывали в сыром дерне. Правда, при штурме выяснилось, что укрывание стен имело и обратный эффект: штурмующим было легче карабкаться по дерну.

1 сентября началась бомбардировка Великих Лук. Пикантность ситуации была в том, что под Луками в лагере Батория одновременно пребывало русское посольство князя И. В. Сицкого. Король специально заставил их приехать к Лукам, считая, что под впечатлением от огня осадных орудий дипломаты Ивана Грозного станут сговорчивее. Условием снятия осады с Лук и заключения мира паны назвали передачу Речи Посполитой

Новгорода Великого, Великих Лук, Торопца, Пскова, Смоленска, Северской земли, всей Ливонии и Полоцкого повета. Русская же сторона была готова вести переговоры о разделе Ливонии, даже с уступкой при этом части новгородских или псковских земель, но не желала полностью отказаться от своих прибалтийских владений.

Не видя другого выхода, Сицкий под звуки непрекращающегося штурма огласил заготовленный на крайний случай проект раздела Ливонии. Он перечислил города, отходившие по плану Ивана Грозного к Речи Посполитой. Проблема была в том, что они уже были заняты поляками. Чем тогда «поступался» царь Иван?

В качестве уступки послы пошли на то, что назвали Стефана «братом» Ивана IV. Король этим оскорбился и гневно написал царю в ответной грамоте: что ты «тычешь» мне в лицо «свою братскую учтивость», как будто великое одолжение?

Великолукская крепость, покрытая дерном

Дипломатия зашла в тупик, выход из которого стали пробивать артиллерийским огнем. Бомбардировка продемонстрировала правильность действий защитников Великих Лук: толстый слой дерна делал стрельбу по стенам неэффективной. Поэтому пушки Батория сосредоточили огонь на бойницах башен. Две башни загорелись, правда, огонь дошел только до стен и там затух в слое мокрого дерна. Увидев пожар, на штурм устремились венгры, их встретила вылазка русских. Обе стороны отступили с потерями.

Ночью противник сумел подвести к одной из башен пороховую мину и на рассвете ее взорвал. Сама башня уцелела, но взрывом разметало дерновую защиту. Весь день поляки

и венгры пытались огнем зажечь башню и ближайшие стены, а также истребить как можно больше защитников Великих Лук, самоотверженно тушивших пожар. Так закончился второй день осады.

К началу третьего дня стало ясно, что артиллерия Батория постепенно берет верх: многие русские орудия были подбиты и замолчали. Теперь враг мог подобраться к стенам, не опасаясь плотного огня. Однако штурм, предпринятый польской пехотой под командованием Луки Сирнея на нескольких направлениях, был отражен с большими потерями для нападавших.

На следующий день под личным руководством Замоиского солдатам удалось подобраться к стенам, снять дерн и устроить из смолистых деревьев огромный костер у подножия укреплений. Башня крепости не загорелась, но наполнилась едким дымом, и защитники вынуждены были ее покинуть.

Теперь Замоиский начал переговоры с осажденными об условиях сдачи. Гарнизон Великих Лук охотно прислал парламентариев, что давало передышку. В ночь с 5 на 6 сентября произошли не совсем ясные события. Гейденштейн пишет, что ближе к рассвету, когда к стенам крепости уже прибыл король для решающих переговоров, на вал стала карабкаться огромная толпа обозников, маркитантов и других низших чинов, не участвовавших в штурмах, но желавших власть помародерствовать в сдавшемся городе. Одновременно произошла яростная атака венгров, которые сумели ворваться в город. После ожесточенной схватки он был взят.

Стефан отдал Великие Луки победителям: несколько часов войска Речи Посполитой могли делать в нем все, что заблагорассудится: грабить, мародерствовать, насиловать и т. д. Армия «красивейшей в Европе цивилизации» учинила страшную резню, в которой погибло более семи тысяч мирных жителей, включая женщин и детей. Современники писали, что копыта польской конницы, маршировавшей по улицам города, тонули в человеческой крови, которая ручьями текла по мостовым.

После падения Великих Лук Баторий послал несколько отрядов провести разведку боем под Торопцом, где стояли полки Хилкова. В бой опять пошли наемники: венгерская кавалерия Георгия Барбелия, немцы Фаренсберка, отборная польская конница под началом Ивана Збаражского. Русские войска при приближении неприятеля стали отступать к Торопцу, оставляя перед собой небольшие отряды-заслоны. Торопчане сожгли посад и приготовились к осаде. Торопец выдержал атаки неприятеля, бои под ним явились редким примером успеха русской армии в это время.

Ф. Кмита с литовскими людьми тем временем попытался повторить свой недавний успешный рейд под Смоленск, но был разбит и спешно ушел обратно к Орше, бросив артиллерию и убив всех пленных, которых успел захватить до столкновения с русскими войсками. Днепровские казаки Ивана Оришовского одновременно напали на окрестности Стародуба и подвергли их большому опустошению.

Следующей целью Батория был Невель. Его безуспешно осаждал литовский отряд Николая Дорогостайского. Баторий отправил на подмогу венгров Борнемиссы, а сам планировал лично выступить к Невелю 30 сентября 1580 года, но город пал так стремительно, что король даже не успел сняться со стана. Венгерские солдаты и тут оказались на высоте. Они применили уже ставший традиционным прием: под стены крепости были подведены траншеи для поджога укреплений с помощью факелов или костров. Этого хватило, чтобы осажденные тут же попросили о сдаче на милость победителя.

После Невеля пришел черед Озерища и Заволочья. Озерище, расположенное в пятидесяти километрах от Невеля, не приняло боя и объявило о своей добровольной сдаче уже при подходе неприятельских войск. Гарнизон Заволочья, крепости, расположенной на острове, со всех сторон окруженном водою, надеялся отсидеться в осаде. Воевода Сабуров даже не отвечал на выстрелы неприятеля. Крепость мрачно молчала. Единственным знаком решимости стоять до конца была демонстративная казнь на глазах литовского войска двух пойманных фуражиров. Русские зарубили их на гребне крепостной стены и сбросили вниз.

Между тем стены Заволочья не были укрыты дерном, а только обмазаны глиной. От зажженных стрел и факелов это могло спасти, а от ядер — нет. Замойский расположил войска на соседнем острове. Николай Уровецкий со своими людьми построил огромный плот, чтобы десантировать к стенам крепости большой отряд. Кроме того, Замойский приказал солдатам собрать со всего лагеря шерсть (в основном из лошадиных попон), набить ее в мешки и прикрепить мешки к кольям. Частокол этих кольев должны были нести перед наступающим литовским отрядом для защиты от огня русских пищалей и ружей.

Однако штурм не удался. Когда часть литовских войск успела погрузиться на плот, солдаты, державшие его на берегу, отпустили веревки и кинулись в укрытия от огня русских. Защитники Заволочья уничтожили тех, кто остался на плоту, и пытались его захватить, но течение отнесло его к другому берегу озера, и он опять достался осаждавшим.

Замойскому стоило немалых трудов уговорить солдат повторить атаку: литовцы, уstraшенные судьбой погибших товарищей, наотрез отказывались идти на плот. Положение спас Н. Уровецкий, который храбро погнал плот под стены Заволочья и сумел укрепиться на другом берегу. Тем временем венгры атаковали крепость по наведенному мосту и замешкались только у самых стен, у палисада — заграждения из острых кольев, врытых тупым концом в землю. Осажденные сделали вылазку и изрубили венгерский отряд бердышами. Штурм провалился.

Баторий прислал на подмогу еще 900 польских всадников и тысячу венгерских пехотинцев. Замойский отобрал у местных монахов большую рыболовную лодку, приказал нарастить борта и обтянуть их сырыми воловьими кожами. Получилось боевое судно, способное нести почти 80 человек. Штурмовой отряд был сформирован из отборной польской шляхты, которая спешила с коней, немцев и венгров. Атака была произведена одновременно с плота, большого судна и нескольких мелких лодок. Заволочье пало, гарнизон сложил оружие. На этом великолукский поход армии Батория был закончен.

Черные дни для России продолжались: в Прибалтике и Карелии наращивали свое наступление шведы. В ноябре 1580 года главную русскую карельскую крепость Корелу взял отряд под командованием Понтуса Делагарди. При штурме и устроенной после него резне погибло более двух тысяч русских. В Северной Эстляндии шведы вели блокаду крепости Падис, защищаемой гарнизоном под началом воеводы Чихачева. Осажденные терпели страшный голод, съели всех лошадей, собак, кошек, сено, солому, кожи, некоторые тайком попробовали есть человеческое мясо. В декабре 1580 года изнеможенный гарнизон не выдержал второго штурма и сдал город. В начале следующего года шведские отряды П. Делагарди осадили ливонский Везенберг. В марте после длительной бомбардировки город сдался.

«Никчемный человек, ты бредишь»: дипломатический тупик в конце войны

В феврале 1581 года отряды Мартина Курца и Габриэля Голубка взяли город Холм. Ф. Кмита, ставший комендантом Великих Лук, выжег Старую Русу и уничтожил находившиеся в ней солеварни. Наступление велось и в Ливонии, где против московитов вместе с поляками и литовцами теперь воевал герцог Магнус. Был взят замок Шмильтен и разорены окрестности Юрьева Ливонского.

Россия отвечала отдельными мелкими контрударами, с инициативой которых в основном выступали местные воеводы. В марте 1581 года из Можайска был совершен успешный поход на окрестности Дубровны, Орши, Могилева, Шклова. С пленными и добычей полки ушли к Смоленску.

Новое московское посольство должны были возглавить Е. Пушкин, Ф. Писемский и дьяк И. Андреев. Оно выехало из Москвы 15 апреля 1581 года. Царь решил прибегнуть к приему, уже испытанному в 1570-х годах на переговорах с Крымом. Теперь он не отрицал теоретической возможности вывода русских войск из Ливонии, но велел говорить, что

это — «дело великое», его нельзя решить быстро и без заключения соответствующего договора.

Когда после сожжения Москвы в 1571 году Крымское ханство требовало у России вернуть Казань и Астрахань, Иван Грозный приказал дипломатам в беседах с крымцами говорить, что Россия согласна их отдать, «но то дело великое», и вывод войск, помещиков и церковью потребует много времени. Видимо, подобным образом предполагалось затянуть переговоры и при разделе Ливонии. Ситуация могла и измениться в пользу России — ведь после сожжения Москвы 1571 года была Молодинская победа над татарами 1572 года! Вдруг военная фортуна улыбнется и сейчас?

Наказ посольству Пушкина предусматривал несколько вариантов уступок, на которые была готова пойти Россия во имя прекращения войны. Вечный мир исключался, поскольку царь надеялся в будущем взять реванш. Предполагалось лишь временное прекращение огня. По первому сценарию дипломаты должны были вначале предложить перемирие на условиях признания прав Речи Посполитой на пятнадцать ливонских городов. Если Стефан не согласится, добавить к списку еще три, а также Усвят и Озерище, но при условии возврата королем Великих Лук, Невеля, Заволочья, Велижа и Холма. В дальнейшем предполагалось на каждом туре переговоров добавлять по несколько городов, не отдавая Юрьева, Лаюса, Керепети, Говьи, Мариенбурга (Алыста), Сыренска и Нарвы. Однако если переговоры зайдут в тупик, посольство должно было ехать на подворье, три-четыре дня обождать и предложить обменять Юрьев Ливонский и соседние с ним города на Великие Луки, Невель, Заволочье, Велиж, Холм. По последнему варианту за Москвой в Ливонии оставались только Новгородок Ливонский, Сыренск, Адеж и Нарва, то есть города в бассейне Наровы.

Второй сценарий предполагал или прекращение огня на период переговоров, или заключение короткого, от полугода до двух лет, перемирия по принципу «кто чем владеет».

Третьим сценарием было добиваться перемирия на пять-семь лет на условиях возврата Руси Холма и передачи Речи Посполитой Великих Лук, Озерища, Заволочья, Велижа, Невеля и Усвята и восьми городов в Ливонии. Если паны затеют торг, то послам следовало постепенно отказывать от одного города в Ливонии за другим.

Переговоров с новым московским посольством не получилось. Паны, ознакомившись с содержанием грамот Ивана IV, обвинили Пушкина в сознательном затягивании переговоров, чтобы «королевскую рать изволочить». 18 июня стороны назвали свои условия заключения перемирия. Пушкин предлагал королю оставить за собой все завоевания в русско-литовском пограничье, от Полоцка до Великих Лук, в обмен на тридцать шесть городов в Ливонии и заключить перемирие на шесть-семь лет. В ответ король пообещал, что будет воевать не только за Ливонию, но чтобы покорить все Русское государство. Казалось, что сбывается царское обещание полувековой войны России и Речи Посполитой. Никаких мирных перспектив не предвиделось. Посольство Пушкина было отправлено обратно в Россию.

Одной из причин срыва переговоров было отправленное 30 июня 1581 года послание Ивана IV Стефану Баторию. Оно содержало набор оскорблений и обвинений. Требования короля были названы «превозношением и безмерьем», а их обсуждение — «то не торговля, разговор... не то лихо, что торгуемся, а то, что панове твои нами и нашими государствами играют». Грозного, видимо, особо оскорбляло, что король мало участвует в переговорах, а претензии на русские земли звучат в основном из уст литовских панов, с точки зрения царя — «холопов и страдников».

Основной идеей послания было противопоставление истинного христианского государя, Ивана IV, Стефану Баторию, ставшему государем «не по христианскому обычаю» и, соответственно, ведущего себя, как не подобает настоящему монарху. Баторий назван «государем хуже бусурманских», потому что он является виновником войны и пролития христианской крови. Если выполнить условия короля — отдать ему и Ливонию, и пограничные города, и еще деньги, — то Речь Посполитая усилится настолько, что сможет

завоевать Русь и обязательно нападет на нее. Это ли поведение подлинного христианского правителя?

Особенно царя возмутило требование денежной контрибуции: «А что подъему просишь, и то вставлено з бесерменского обычая, такие запросы просят татарове, а в хрестьянских господарствах того не ведется». На родство Батория с «бусурманами» также указывало неправильное оформление документов для послов и надругательство воинов виленского воеводы над мертвыми под Соколом: солдаты срезали у трупов с брюшины подкожный жир, который в европейских средневековых армиях использовался как основа для лекарств. Грозный же решил, что солдаты извлекали внутренности для языческих волхваний и гаданий. Он сравнивал польского короля с несправедливыми библейскими царями, которые были посрамлены израильским народом. Свое противостояние со Стефаном Баторием Иван IV воспринимал через примеры из священной и церковной истории — борьбы пророка Моисея с амаликитянами, снятия осады Иерусалима ассирийским царем Сеннахеримом (Синахерибом) в 701 году до н. э., спасения Иерусалима от нашествия персидского царя Хосрова (Хоздроя) и его полководца Шахрбараза (Сарвара) в 626 году до н. э. и победы императора Константина над мятежным цезарем Максенцием в 312 году.

25 августа 1581 года гонец Батория Матвей Превозский передал возвращающемуся воеводе посольству Пушкина ответное письмо Батория. Король заявил, что всему миру известны «поганские» дела Ивана Грозного. Своей миссией как христианина Баторий считал вытягивание «увязшего в трясине невежества» московского царя из болота грехов и заблуждений. Король сравнил его с «бесмысленной скотиной, ослом или волком», однако если осел может выбраться из болота, то Иван Васильевич из-за своей «гнусности» неспособен «прозреть» и «извлечь из своих глаз бревно».

Далее Баторий издевался над обращениями Грозного к Священному Писанию: «Ты будто бы правдивый человек, в устах которого псалмы беспрестанно звучат...», но элементарных «прав христианских и Божьих не разумеешь». Все, что умеют русские государи, — лгать, предавать, убивать, грабить. Грозный и его род объявлен происходящим из «теста тиранского». Баторий проиллюстрировал этот тезис рассказом о том, как Иван III якобы вызвал мирных новгородцев на беседу и их коварно замучил. «Добывание Новгорода» король сравнил с дьявольским обманом: «яко и чорт Адама и Еву яблоком честовал». Сам Грозный назван «Фараоне Московский», чье сердце «затвержено» для подлинного христианства. Король утверждал, что «терпел тебе Бог так долго», что царь этим соблазнился и думал, что так будет всегда, но наступает час расплаты!

Москва объявлена Стефаном далекой от христианства. Московиты не участвуют в работе христианских церковных соборов. Их круг общения — бусурманский мир, татары, ногаи, язычники. Ни в одной стране, даже у язычников, правители так не издеваются над иноземными посланцами, утверждал король. Послание содержало ряд прямых оскорблений, перед которыми меркли привычные ругательства Грозного. Баторий язвительно бросал в лицо царя: ты говоришь наяву или несешь бред, как пьяный? Или: «О никчемный человек, что-то бредишь!» В конце письма Баторий вызвал Ивана IV на поединок.

Ситуация на русско-польско-литовских переговорах в 1581 году зашла в тупик. Монархи дошли до личных оскорблений и чуть ли не дуэли, а взаимные территориальные претензии Речи Посполитой и России исключали компромисс. Судьбу Московской войны должны были решить пушки на полях сражений.

«Мы пускаемся с мотыгой на солнце»: псковский поход Стефана Батория

Решение о псковском походе было принято в августе 1581 года на военном совете Стефана Батория со шляхтой Польши и Великого княжества Литовского в недавно взятом городе Заволочье. Обсуждались три направления удара: смоленское, новгородское и дерптское. Падение Смоленска открывало путь к Москве. Однако крепость лежала вдали от

стратегической цели Речи Посполитой — захвата Ливонии. Более соблазнительно было идти на Новгород, тем более разведка доносила, что местное дворянство «волнуется почему-то против московского царя». Но город находился в глубине российской территории. Удар в направлении Дерпта мог решить ливонскую проблему, но в тылу при этом оставались основные базы московских войск — Новгород и Псков. Поэтому военный совет в Заволочье принял четвертый вариант: целью похода была намечена ближайшая русская пограничная крепость — Псков.

К кампании 1581 года, наступлению на Псков, Стефан Баторий готовился очень тщательно. Походы 1579 и 1580 годов показали, что наиболее боеспособными частями, решившими исход практически всех крупных боев, являются наемные отряды из Венгрии и германских земель, поэтому особое внимание было уделено доукомплектованию армии. Новый набор в Венгрии вел брат Стефана, Христофор Трансильванский. Прославившийся немецкий командир Фаренсбек вербовал немецких наемников, ранее служивших в Голландии. Шляхтичу Н. Уровецкому было поручено отобрать лучших воинов из польской шляхты для королевской пехоты. В состав армии вошли также отряд прусских воинов под командованием Варфоломея Бутлера, группа прусских добровольцев, отряд любекских немцев.

8 августа армия Стефана вышла из Заволочья по направлению к Вороничу. 17 августа полки Станислава Гарновского и Николая Уровецкого, а также отряды венгров осадили крепость Остров — последнюю преграду на пути к Пскову. Город сдался через три дня, после того как венгерские пушки метким огнем проломили стену. Население дружно присягнуло захватчикам, опасаясь повторения великолукской резни. Причем собравшиеся под городом крестьяне кричали о своем желании немедленно принести клятву верности Стефану так громко, что Замойский принял поднявшийся шум за начало нового боя и примчался с кавалерией.

В августе к Пскову подошли передовые отряды Стефана, а 25 августа и вся армия. Город был готов к штурму — псковичи возвели дополнительные укрепления из бревен, насыпав между рядами бревенчатых стен землю, надстроили на каменных стенах деревянные башни, разместили на них артиллерию. Правда, пушек не хватало: в 1580 году Грозный решил, что Псков все равно не сможет противостоять неприятелю, и приказал снять со стен часть вооружения. К счастью, дети боярские успели демонтировать только часть тяжелой артиллерии, но до нового места назначения ее не довели — по халатности утопили в озере Ильмень.

Вопрос о соотношении сил под Псковом спорен. Русские авторы, стремясь преувеличить подвиг защитников города, говорят о 60–100-тысячной неприятельской армии и 17-тысячном гарнизоне. Европейцы же, стараясь оправдать свою неудачу, говорят о 57 тысячах русских против 30 тысяч солдат Батория. И те и другие цифры, несомненно, искажены — все население Пскова в конце XVI века едва ли достигало 20 тысяч человек, а Баторию не удалось собрать под свои знамена более 25–30 тысяч.

Обороной Пскова командовали В. Ф. Скопин-Шуйский, И. П. Шуйский, Н. И. Очин-Плещеев, А. И. Хворостинин, В. И. Бахтияров-Ростовский, В. М. Лобанов-Ростовский. Над пушечным «нарядом» начальствовал дьяк Пушкарского приказа Терентий Лихачев. За оружие взялось все взрослое мужское население Пскова. В строительстве укреплений, подносе боеприпасов и продовольствия помогали женщины и дети. Оборона Пскова была поистине всенародным мероприятием.

2 сентября армия Батория начала строительство осадных укреплений — шанцев. Здесь сразу же проявилась слабая сторона его войска — каждый наемный отряд воевал сам по себе, подчиняясь только своим командирам. Особо острое соперничество было между поляками и венграми. На все приказы действовать сообща Стефан слышал ответ: «Всякая кошка охотится сама по себе». Каждая из сторон хотела войти в Псков первой, рассчитывая на преимущество в дележе трофеев. Пока шло препирательство, в разведку послали пятьдесят немецких и французских наемников. Они проникли в пролом и обнаружили, что за

разрушенной каменной стеной русские построили деревянную и вырыли ров. В стычке с псковичами погиб французский офицер. К месту боя выдвинулись поляки во главе с Прокопием Пенионжком и Андреем Оржеховским. Их отряд захватил Свинусскую башню и поднял над ней королевское знамя. Увидевшие успех своих соперников, венгры, не дожидаясь команды, атаковали и взяли соседнюю, Покровскую башню и вывесили над ней венгерский флаг.

Пока солдаты соперничали, кто больше знамен поднимет, за проломом собрались псковичи во главе с Иваном Шуйским, командиром гарнизона. Он скакал на раненой лошади перед рядами воинов и призывал вышвырнуть захватчиков из Пскова. Епископ и священники пошли впереди войска, неся в руках иконы и киоты с мощами святых. На стороне осажденных была вся мощь ружейного и артиллерийского огня, в то время как поляки и венгры отвечали им бросанием копий. В результате контратаки псковичей противник бежал из Свинусской башни. При этом погибло более 40 знатных шляхтичей. В Покровской башне поляки и венгры продержались до вечера, но под покровом ночи тоже оставили занятые позиции.

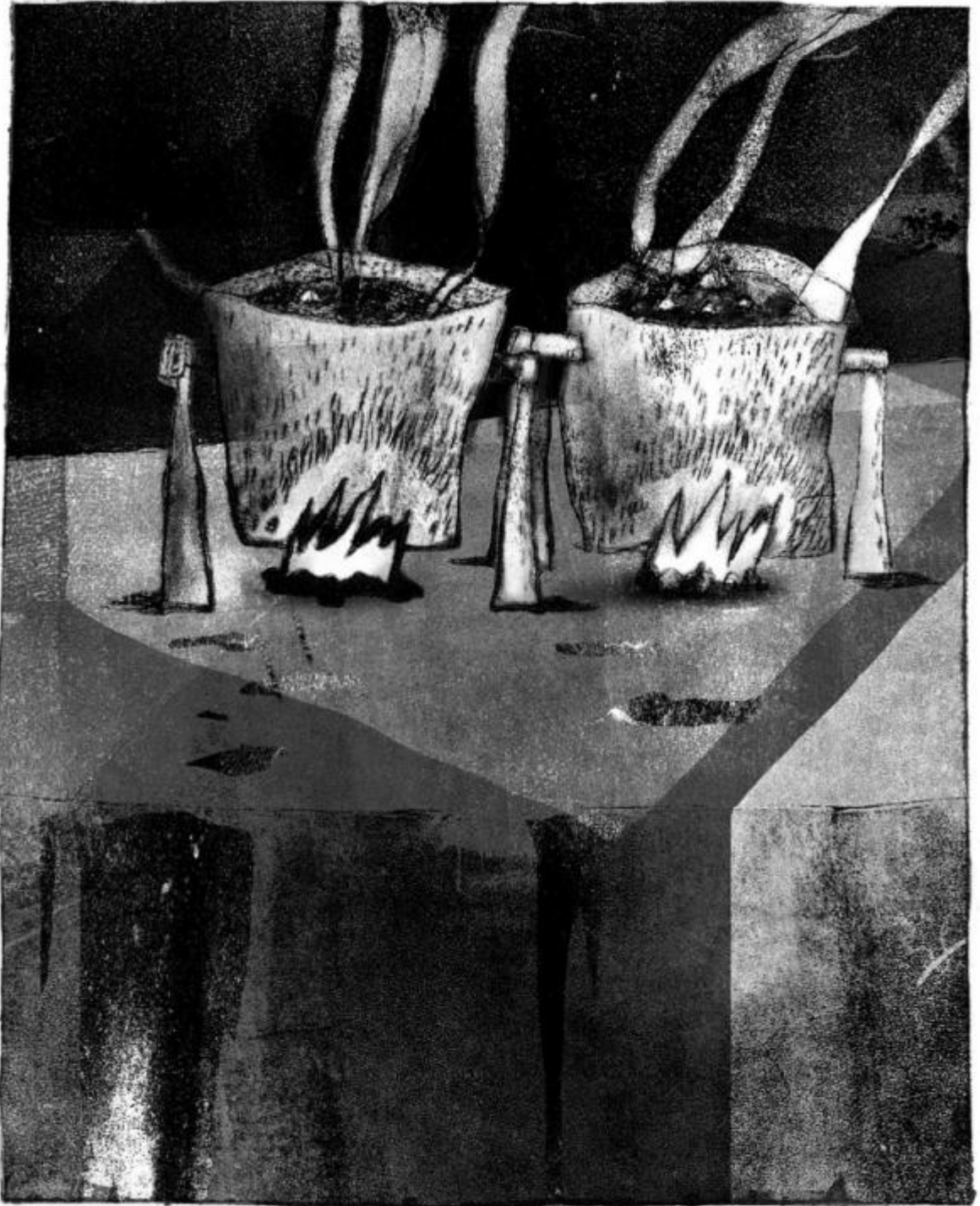
Провал штурма произвел на Батория удручающее впечатление. Королевский секретарь Иоанн Петровский написал в дневнике: «Господи, помоги нам! Мне кажется, что мы с мотыгой пускаемся на солнце». Поляк сравнивал Псков с Парижем («Какой огромный город, точно Париж!») и утверждал, что таких великих городов королевской армии давно не приходилось осаждать.

Началась подготовка к новому штурму. Было решено подвести подкопы под стены Пскова. Поляки вновь проиграли негласное соревнование венграм — два подкопа шляхтичей уперлись в скалу. Венгры же обошли каменную преграду, выведя траншеи на поверхность и прикрыв их плетнем, но на этом успехи их закончились: 24 и 27 сентября русские провели свои контрходы и взорвали неприятеля прямо в подкопах.

Русские укрепляли стену, строили за обводом каменных укреплений деревянные (прием, хорошо себя зарекомендовавший при первом штурме). Пролом перегородили острым частоколом из кольев («дубовой острой чоснок»). Для отражения штурма варили смолу, наготове стояли котлы с горячим калом и кувшины «с зельем». В специальных ящиках на стенах хранилась сухая известь, чтобы сыпать в глаза нападавшим.

Все атаки, которые воины Батория предпринимали два-три раза в день, оказались безрезультатными. 27 октября артиллерия Батория из-за р. Великой открыла огонь по жилым постройкам Пскова («хоромам») калеными ядрами, чтобы вызвать в городе разрушения и пожары и отвлечь псковичей от защиты крепостных стен.

28 октября литовские гайдуки атаковали участок укреплений от Покровской башни до Водяных Петровских ворот. Под прикрытием специальных щитов они подошли под стену и стали долбить ее основание, чтобы обрушить в р. Великую. Одновременно артиллерия Батория открыла огонь по Пскову. Защитники города стали заливать «градоемцев и каменосечцев» кипящей смолой и дегтем, кидали зажженные пучки льна, вымоченные в смоле, и кувшины с огненным «зельем». Литовцы держались. Поскольку от обстрела сверху они были закрыты щитами, русские пробили в стенах новые бойницы и начали через них колоть захватчиков копьями и стрелять из «ручниц». Псковичи занялись своеобразной рыбалкой — спускали со стен прикрепленные к шестам связанные вместе кнутовища с острыми крюками. Этими чудовищными удочками защитники пытались поддеть литовцев за одежду или тело. Несчастного, попавшегося на крюк, вздергивали вверх и расстреливали со стены из пищалей. Гайдуки в конце концов не выдержали противоборства и бросились бежать, что привело к большим потерям — выскочив из-под щитов, они оказались под прицельным огнем псковских стрельцов.

Котлы со смолой. Осада Пскова

Армии Стефана мешало неплотное кольцо осады. Периодически небольшие группы русских воинов по несколько десятков человек проникали в крепость, а остальные скапливались снаружи, вокруг польско-литовского и наемного войска.

Тем временем в Прибалтике произошли перемены, делавшие продолжение осады бессмысленным и опасным. По язвительному выражению Гейденштейна, «шведский король извлекал выгоды из чужих побед». Нарвский гарнизон еще до начала боевых действий был переведен на защиту Пскова. Теперь шведы под командованием Понтуса Делагарди легко взяли незащищенную Нарву. Особую роль при штурме сыграли итальянские наемники во

главе с Иеронимом Каньолом. Именно их атака оказалась решающей. Вслед за ней пали Ям, Копорье, Вайсенштейн и был осажден Пернов. То есть, пока Баторий воевал в России, шведы прибирали к рукам Прибалтику.

Стефан призвал королевские войска к активным действиям в Ливонии, чтобы она полностью не досталась шведам. Сил не хватало. Основную ударную силу королевской армии составили полки датского герцога Магнуса. Он взял крепость Киремпе. Удачно действовали и другие отряды: Пирхель был взят Берингом, Сала — Фомою Эмбденским, Леневард и Ашераден — Дембинским. В штурме двух последних крепостей участвовала рижская пехота и шотландские стрелки. Вслед за этим поляки, рижане и шотландцы под началом Дембинского осадили Кокенгаузен.

Ярким событием, позже проникновенно воспетым польскими поэтами, был военный рейд отряда Криштофа Радзивилла в глубь России. Целью похода была месть за русские нападения на Могилевскую и Шкловскую области, однако он приобрел куда большие масштабы. Радзивиллу помогали части под командованием Ф. Кмиты и Гарабурды. Под Торопцом они разбили 3-тысячный отряд Михаила Ноздроватого и Петра Барятинского, который шел к литовской границе. После Радзивилл двинулся к Ржеву, Зубцовскому Яму и оказался в окрестностях Старицы. Война могла бы закончиться одним махом: в Старице в это время находился сам Иван Грозный, которого охраняло всего семьсот человек. Радзивилл не решился штурмовать Старицу, хотя в случае успеха он позволил бы Речи Посполитой гарантированно выиграть войну. Пана смутили рассказы пленных о якобы большом русском войске, защищавшем Старицу.

Несмотря на небольшие практические результаты этого рейда, которые свелись к нескольким победам, грабежу и захвату небольшого количества пленных, он имел колоссальное психологическое значение. «Наша кавалерия вышла к Волге!» — наперебой писали польские газеты. Поэт XVI века Ян Кохановский посвятил подвигу К. Радзивилла поэму: «Поход на Москву». Радзивиллу до Москвы остались две сотни верст, но поэтическое преувеличение было на руку польскому военному командованию, резко возвышало авторитет Стефана Батория, его полководцев и всего «посполитого рушанья».

Но вернемся к осаде Пскова. Иван IV не спешил помогать осажденным. Он рассчитывал на главного союзника русских во все времена — «генерала Мороза». Царь был уверен, что при наступлении зимы изнеженные европейцы покинут Россию. Его расчет оправдался: с первыми же заморозками в лагере армии Речи Посполитой под Псковом началось брожение. Участились случаи дезертирства, причем осаждавшие нередко бежали в... осажденный Псков. В отапливаемых домах было теплее, чем в насквозь продуваемых палатках. Литовцы поставили ультиматум, чтобы король немедленно заключил перемирие. В противном случае они обещали покинуть войско.

Запасы теплой одежды были ограничены, и солдаты начали отнимать ее друг у друга, причем особенно свирепствовали венгры. Наемники постоянно требовали денег и плохо переносили отсутствие женщин, которых военный гетман Я. Замойский велел не пускать в лагерь. Когда два итальянца купили у казаков женщину, в лагере началось такое брожение, что командиры всерьез испугались бунта на сексуальной почве. Попытки борьбы с нарушениями дисциплины только озлобляли людей Батория. Замойский приказал привязывать воинов, замеченных в пьянстве и гулянках, к позорному столбу, а тех, кто мусорит и гадит в лагере, бить палками. Дворян страшно возмущала угроза применения даже к ним физических наказаний.

Новый крупный штурм состоялся 29–30 октября. Удар был нанесен в районе старого пролома, заделанного деревянными палисадами. Лучшее всех сражались венгры, которые опять сумели взойти на стену и частично ее разрушить. Против них русские применили кипяток, горящую смолу и окованные железом бревна, которые раскачивали на цепях, а затем с силой отпускали в гущу солдат. Штурм провалился.

Помимо неудач под Псковом, немалое впечатление на армию Батория произвел провал осады Псково-Печерского монастыря, находящегося недалеко от города. Король отправил

для его взятия лучшую часть войска — немецкий отряд Фаренсбека. С ним была группа молодых представителей ливонской аристократии — Кеттлеры, Тизенгаузен и т. д. Однако взявшиеся за оружие печерские монахи разбили и профессиональных немецких воинов, и ливонскую знать. Тогда под Печоры король послал венгров во главе с самим Борнемиссой. Это не помогло. Совместно венгерско-немецкий штурм, поддержанный прицельным огнем шотландских стрелков, блистательно провалился.

Монахи горячо молились Богу, видя в своих победах его несомненную помощь. В лагере Батория воцарилось уныние: никто не мог смириться с мыслью, что за русских заступились Небеса. По-другому не удавалось объяснить, как профессионалы раз за разом были побиты простыми монахами, многие из которых взяли в руки оружие впервые в жизни.

2 ноября было решено начать работы по свертыванию осадного лагеря. Солдаты, обеспокоенные, что из-за поражения они не получат положенного вознаграждения, потребовали от командования гарантировать им выплату жалованья. 10 ноября, спасая положение, Баторий поручился коронными землями. 1 декабря король с польскими шляхтичами и частью литовцев ушел от Пскова. Немцы, французы, итальянцы, шотландцы, венгры, отдельные отряды литовцев и поляков решили зимовать. На уроженцев Европы и пришелся основной удар русского «генерала Мороза». Рейнгольд Гейденштейн писал: «Морозы были так сильны, что лишь только кто-нибудь выходил из палатки, как отмораживал все члены, в особенности же те, которые преимущественно открыты для действия воздуха: нос, уши, лицо, и затем умирал. Что писалось удивительного об этом свойстве русского климата некоторыми, будто морозы в тех местностях бывают таковы, что и вода замерзает при своем падении, когда ее выливают, то теперь многие испытали на деле. Но всего более страдали от этих жестоких морозов, что по необходимости и должно было быть, наши караулы, и потому вообще их редко выставляли, а когда это делалось, то только немногие из караульных возвращались назад с неотмороженными членами».

Осада затягивалась. Псков сдаваться не собирался, силой взять его не получалось. А тем временем русская дипломатия неожиданно добилась перелома ситуации.

Как посланец римского папы спас Россию от разгрома. Перемирие в Киверовой Горке

Когда переговоры Ивана Грозного и Стефана Батория явно зашли в тупик, обе стороны были согласны на участие в переговорах посредника, что открывало перед Священной Римской империей и Ватиканом возможность восстановить свое влияние, которое они утратили в период войн за Прибалтику.

В марте 1580 года с «легким» гонцом Афанасием Резановым к императору Рудольфу II была послана грамота о желании возобновить тесные контакты. В другой грамоте, посланной с Истомой Шевригиным, говорилось, что Москва уже давно не ссылалась с империей «о братстве и любви», но Иван IV помнит «братственную любовь» с Максимилианом II и их совместную борьбу за престол Речи Посполитой во время польского бескорольевья, а также сотрудничество против мусульман, «чтобы рука мусульманская не высилаяся». Стефан Баторий обвинялся в том, что, во-первых, он незаслуженно получил польскую корону, а во-вторых, сотрудничал с турками и повинен в «разлитии христианской крови». Польско-литовскую войну против России государь объяснял тем, что в свое время он сам претендовал на польскую корону, а также поддерживал Максимилиана и потом Эрнеста. Иван Грозный был готов к переговорам с императором и римским папой, чтобы обсудить вопрос о борьбе с мусульманством, но просил остановить «безмерство» Стефана Батория.

Обращение Ивана Грозного вызвало огромный интерес. При этом в Риме и Вене почему-то решили, что Россия готова рассмотреть вопрос о католической унии. Русские дипломаты прямо об этом нигде не говорили, создав при этом атмосферу туманных и ни к чему не обязывающих намеков. Остальное политики «христианского мира» додумали сами. Ватикан не собирался заступаться за Россию, но был искренне убежден, что Иван

Грозный и Стефан Баторий занимаются не тем, чем надо. Вместо того чтобы воевать с турками, добиваться католической унии с Россией, сильнейшие государи Восточной Европы глупо враждуют между собой.

Замирать воюющие стороны было поручено иезуиту Антонио Поссевино, с 1578 года — апостольскому легату и викарию «всех северных стран», в которые римская курия включала даже православную Россию. Целью миссии было подготовить Московию к союзу с Ватиканом и обращению в католичество. Легат считал, что прежние императоры и папы упустили этот шанс. Он писал: «Как много пользы было бы для святой веры и католической церкви, если бы те народы, владения которых лежат на границе между Европой и Азией, впитали с самого начала истинную веру или познали бы ее теперь, а католики, государи областей, близко расположенных к этому народу (а когда-то они легко смогли сделать это), позаботились, чтобы их народы обрели твердость в деле католической веры». В случае успеха миссии Россия может стать плацдармом для дальнейшего продвижения «дел религии» в Азию.

По мнению Поссевино, введению католичества в России препятствовало прежде всего то, что «москвиты погрязли в заблуждениях» и в силу своего невежества не могут представить себе другую веру, кроме «схизмы». Они не знают ни о численности католиков, ни о значительной роли Римской церкви в истории человечества.

Новые переговоры Речи Посполитой и России готовились долго и трудно. Осада Пскова делала несговорчивыми и поляков, и русских. Русские не соглашались на переговоры, пока враг не отведет войска от города. Поляки же, с одной стороны, рассчитывали вот-вот взять Псков и не желали останавливаться, а с другой — не хотели отказать папскому легату, который, как они считали, в споре с Россией займет польскую сторону.

Когда стало ясно, что взять Псков быстро не получится, Речь Посполитая не очень охотно, но пошла на переговоры. Было сложно определить место их проведения. Согласно политической культуре XVI века, считалось, что тот, кто приезжает в чужую столицу для переговоров, просит мира и согласен на уступки. Поляки не могли поехать в Москву, потому что считали себя победителями, а русские не хотели ехать ни в Вильно, ни в Краков, потому что не признавали своего поражения. Оставался компромиссный вариант — съезд на границе.

Место съезда определить тоже было непросто — ведь в войну границей служит линия фронта. Почти вся Псковщина в 1581 году была оккупирована войсками Речи Посполитой, вплоть до Порхова — бывшей пограничной крепости между Новгородской и Псковской землями. Эту древнюю новгородско-псковскую границу, проходившую по рекам Шелонь и Судома, и было решено считать «нейтральной территорией», на которой и можно устраивать съезд. Сначала его назначили в почтовом стане Яме Запольском, но по прибытии обнаружили, что тот сожжен дотла и даже «нет кола, чтобы привязать лошадь». Поэтому переговоры перенесли в соседнюю деревню — Киверова Горка, рядом с которой были разбиты шатры дипломатов.

Русскую делегацию на переговорах возглавлял князь Д. П. Елецкий, дворянин Р. В. Алферьев, дьяк Н. Б. Верещагин и подьячий З. Свиязев. Наказ Елецкому содержал три варианта условий заключения перемирия. Первый предполагал территориальный раздел Ливонии с уступкой большей части ливонских земель Речи Посполитой и возвращение псковских земель. Себежский вопрос предполагалось законсервировать: Россия обязывалась сжечь г. Себеж как русский опорный пункт в регионе, а Литва в обмен должна была уничтожить Дриссу. На этих условиях Россия была готова подписать перемирие до десяти-двадцати лет и отправить войска на защиту «христианского мира» от «бусурманства». И за Стефаном, и за Иваном в равной степени признавался титул «Ливонский».

Второй вариант был составлен на случай, если Стефан будет настаивать на захвате всей Ливонии, а Поссевино не сможет уговорить его уступить. Эта версия договора предусматривала перемирие на семь-двенадцать лет с передачей Речи Посполитой всей Ливонии, беспрепятственной эвакуацией из Ливонии русской церкви и гарнизонов

с артиллерией. Зато взамен Россия требовала возврата всех завоеваний Стефана в русско-литовском пограничье (кроме Полоцка с пригородами) и сохранение Себежа как опорной русской крепости в регионе. Россия по этому варианту теряла всю Ливонию, кроме городов, захваченных шведами (их принадлежность в договоре специально не оговаривалась, и послам было велено за этим проследить), но сохраняла за собой Великие Луки, Невель, Заволочье, Холм, псковские пригороды (Воронач, Велье, Остров) и др.

Третий вариант предусматривал, что Стефан не захочет отдавать Великие Луки и псковские пригороды и к тому же будет требовать всю Ливонию. В этом случае послам предписывалось апеллировать к Поссевино, подчеркивая готовность России бороться с бусурманством, но при этом претендовать практически на ту же часть Ливонии, что и в первом варианте договора. По третьему варианту Россия отказывалась заключать союз с Речью Посполитой против Швеции и пряталась за традиционную для международных договоров неопределенную формулу «кто нам друг, тот и вам друг, кто нам недруг, тот и вам недруг».

Папский легат активнейшим образом взялся за дело замирения враждующих сторон. В письме к царю от 22 октября Поссевино даже изображал себя спасителем Пскова от обстрела из новых орудий, якобы доставленных из Риги: «я о том усиленно старался, чтобы этого не сделали» (на самом деле никаких орудий из Риги не привозили). В послании к царю от 16 ноября легат выступает собирателем разведанных, сообщает о планах польско-литовского командования, передвижениях войск. Поссевино в грамотах неизменно называет Ивана IV либо «великим государем», либо «царем и великим князем всея Руси», а в титуле именуется его «Смоленским».

Переговоры начались 12 декабря. Протекали они в высшей степени трудно. Стороны сразу предъявили друг к другу абсолютно неприемлемые претензии. И те и другие апеллировали к Поссевино, чтобы он занял их сторону и помог убедить оппонента уступить.

Согласно отчету Елецкого, Поссевино очень старался выполнить свою миссию: «И Антоний литовских послов уговаривал, и возвращал их за стол переговоров не единожды, чтобы они не уехали и переговоры не разорвали». Легат послал к канцлеру Я. Замойскому, чтобы выведал у него тайные инструкции послам, и обещал передать их русским, «и то вам скажу сразу, как узнаю, я за государево жалование рад служить государеву делу всей душой».

Торг шел трудно. 14–15 декабря русская сторона попыталась провести первый вариант соглашения, но Збаражский и Радзивилл потребовали «всю Ливонию», и традиционная московская тактика уступки города за городом оказалась неэффективной. К тому же литовцы пытались увязать заключение договора с выработкой общей позиции в отношении Швеции, захватившей часть Ливонии, а русские, согласно литовскому отчету, не хотели это обсуждать под тем предлогом, что не имеют для того инструкций.

Российские дипломаты оказались искусными актерами. Они разыграли целую драматическую сцену: ночью пришли к Поссевино «и с плачем великим молвили», что без отказа русских от Юрьева мир невозможен, хотя царь строго-настроено приказал Юрьев не отдавать. Послы готовы стать мучениками, отдав Юрьев во имя мира между странами, но чают заступничества Поссевино перед царем-тираном. На самом деле Елецкий лукавил: вариант с оставлением Юрьева был предусмотрен в его наказе. Однако, изобразив из себя жертву тирании, готовую подвергнуться казни ради заключения мира, Елецкий добился уступок со стороны поляков.

Плачущие и умоляющие русские послы в литовском отчете описаны еще в одном случае, когда обсуждался вопрос, какая из делегаций первой прибудет для подтверждения мира. Литовцы требовали, чтобы первыми приехали московские бояре, но тогда Елецкий с товарищами стали рыдать, уверяя, что теперь-то их точно казнят, потому что царь наотрез отказывается первым отправить послов. Масла в огонь подлил Поссевино, взывавший к христианскому милосердию и требовавший от Батория проявить милость к оказавшимся в столь трудном положении русским дипломатам. Пожалев несчастных жертв тирании,

Збаражский согласился на то, что сначала в Москву приедет посольство Речи Посполитой, а затем в Вильно придут московские послы. Тем самым с точки зрения российской системы представлений получалось, что войну выиграл... Иван Грозный: ведь поляки придут в Москву просить мира!

Иногда споры принимали настолько горячий характер, что дело доходило до рукоприкладства. Поссевино, разозлившись, что его не послушали и не упомянули его и папу в перемирных грамотах, заявил Елецкому: «Вы меня не слушаете, стоите за безделье, и я вижу вашу неправду, и дела мне между вами не делать». Легат в буквальном смысле хлопнул дверью, выйдя из избы. Потом он вернулся «и начал сердиться и вопить на нас: вы пришли воровать, а не посольствовать». Послы держались стойко, напомнили Поссевино о государевом жаловании, заметив, что он должен не ругаться, а уговаривать литовцев делать то, что выгодно русской стороне. Вконец разъяренный легат вырвал из рук Р. Алферьева черновик переговорной грамоты «да кинул в двери, а меня, холопа твоего, за ворот за шубу хватал и пуговицы оборвал». Драка легата с русским послом завершилась изгнанием московской делегации. Поссевино кричал: «Подите от меня из избы вон, мне, с вами говорить не о чем». На что послы храбро заявили: «И то ты, Антоний, делаешь неправильно, бросаешь государеву грамоту, а нас бесчестишь».

К 9 января были обсуждены и частично урегулированы следующие вопросы. Только в русском варианте грамоты Грозный был назван «Царем» и носил титул «Смоленский», и только в польско-литовском Баторий имел титул «Лифлянский». Срок перемирия — десять лет. Московским послам удалось дезавуировать предложения Поссевино о «замирении» со шведами и записи в договор городов, которые будут отобраны у Швеции и переданы Речи Посполитой. Своим успехом Елецкий считал договоренность о том, что первыми в Москву придут для утверждения мира послы Стефана, и лишь затем в Вильно поедет московская делегация.

Не было достигнуто решения по вопросам: «поименной» росписи городов и рубежей (блокировано московской делегацией); наличие на перемирной записи подписи и печати Поссевино как папского легата (категорически воспротивилась русская сторона: воевали с Речью Посполитой, почему тогда мир заключается с представителем папы — он посредник, не более того). Ничего не решили и об обмене пленными: относительно них у сторон просто не оказалось внятных инструкций.

15 января 1582 года в деревне Киверево Горке перемирие было подписано, стороны целовали крест. В принципе с небольшими изменениями был принят второй вариант перемирной грамоты из наказа Д. П. Елецкому. Россия потеряла Ливонию, но вернула себе города, захваченные Речью Посполитой в ходе «Московской войны» (кроме Полоцка с пригородами). Судьба городов, занятых шведами в Ливонии, оставалась открытой. Был согласован порядок вывода русских и литовских войск. В общем, Елецкий справился с возложенной на него миссией и выполнил царский наказ. Результаты поражения оказались не такими уж и тяжелыми: Россия не лишилась ни одного своего города, который принадлежал бы ей до войны, кроме Велижа, хотя и не смогла удержать захваченные в 1558–1578 годах земли. С точки зрения дипломатии перед нами — несомненный успех русских посольских служб, которые сделали то, что не смогла сделать армия — освободили Псковщину.

Осада Пскова продолжалась до заключения Ям-Запольского перемирия с Речью Посполитой. Известие об окончании войны привез к стенам крепости 17 января 1582 года Александр Хрущев. Замойский пригласил его к завтраку, но гонец рвался в город сообщить псковичам о мире. Подъехав к Покровской башне, он прокричал высунувшимся из бойниц псковичам известие о прекращении боевых действий. Его тут же с восторгом подняли на стену, кинулись целовать ноги, называя архангелом и вестником мира. Жители Пскова начали брататься с осаждавшими, приглашали их зайти в качестве гостей в город, который те так и не смогли взять силой. Псковичи были убеждены, что они победили врага — ведь он

бесславно ушел от стен Пскова и покинул Псковщину. Неприятель изгнан с родной земли — разве это не победа?

Дебаты дипломатов, бои в пограничье и эвакуация из Ливонии: так заканчивались балтийские войны

Посольство Елецкого вернулось в Россию 11 февраля 1582 года с перемирной грамотой и статейным списком. Теперь надлежало принять посольство Речи Посполитой, перед которым на договоре должен был присягнуть Иван Грозный. А затем путь в Литву предстояло проделать московским дипломатам для присутствия на присяге Стефана Батория.

Посольство Януша Збаражского, Миколая Талваша и Михаила Гарабурды находилось в Москве с 18 июня по 17 июля 1582 года. Стороны обсудили проблему грядущей войны со Швецией. Речь Посполитая предложила России участвовать в изгнании шведов из Ливонии, но при этом соглашалась вернуть ей только «Новгородской земли города»: Ям, Копорье, Ивангород. Решение вопроса о государственной принадлежности Нарвы и других ливонских городов, находившихся под властью Швеции, послы сначала хотели отложить. В конце концов, между Речью Посполитой и Россией было заключено дополнительное соглашение — договорная запись о ливонских городах: Ругодиве, Сыренске, Адеже, Толчборе, Ракоборе, Колывани, Патце, Коловери, Апсле и других, захваченных шведами. Стороны обязывались не пытаться их отнять у шведов до истечения русско-литовского перемирия, то есть до 1592 года. Другой принципиальный вопрос, который должно было решить посольство Збаражского, — о процедуре обмена пленными. Специальная грамота об этом была подписана от имени бояр во главе с Н. Р. Юрьевым 13 июля 1582 года.

Обсудив 15 июля все нюансы клятвы (крестоцелования) на перемирных грамотах, 17 июля посольство Збаражского отбыло домой, увозя русскую грамоту с печатью Ивана IV и королевскую грамоту с приписью о принесенной на ней присяге послов. 4 августа для окончательного утверждения перемирия в Речь Посполитую отправилось посольство Д. П. Елецкого и И. М. Пушкина.

Наказ прежде всего акцентировал внимание на необходимости тщательного сличения списков перемирных грамот, чтобы дипломаты Речи Посполитой не подменили текста. Кроме того, «послом того беречи накрепко, чтоб король на обеих грамотах целовал в самой крест, прямо губами, а не в подножное¹ и не мимо креста и не носом». Правда, на крестоцеловании можно было и не настаивать — Стефан мог присягнуть на Евангелии.

Русские послы, как обычно, передавали в Москву слухи, обнадеживавшие Ивана IV: будто захват Ливонии Речи Посполитой не впрок, из-за нее уже возник конфликт литовских и польских панов: поляки предлагали захваченную страну разделить, а литовцы требовали целиком себе, мотивируя тем, что больше пролили за нее крови. Другой слух был и настораживавшим, и обнадеживавшим одновременно: будто Стефан собрался изгнать шведов из Прибалтики и первый удар нанесет на Нарву.

9 октября посольство Елецкого прибыло в Варшаву, 13 октября вручило Стефану верительные грамоты. После непродолжительного выяснения мелких территориальных споров вокруг границ Торопецкой и Велижской волостей 20 октября 1582 года Стефан присягнул на перемирных грамотах. Статейный список посольства Елецкого описывает процедуру следующим образом: справа от трона был поставлен стол, на котором на «фате турецкой» находился образ Богородицы с младенцем. По обе стороны образа установлены две свечи. Перед образом на блюде крест с Евангелием, по ту сторону стола стоял гнездинский архиепископ Станислав Карнковский. Стефан сидел на троне, перед ним стояли русские послы, а рядом с ними О. Волович комментировал действия короля: вот он встал, вот идет к столу, вот берет грамоту, вот присягает...

Тут не обошлось без конфликта. Король не знал русского и хотел принести клятву по-латыни, а Елецкий требовал, чтобы Баторий клялся по-русски, поскольку не понимал латыни. В результате латинскую клятву короля послам перевел все тот же О. Волович.

Второй скандал возник в связи с тем, что послы требовали присяги на обоих экземплярах грамоты, а Стефан собирался присягать только на литовском (в котором не было неприемлемого для Речи Посполитой титула русского царя). Паны пытались возражать послам, что содержание грамот практически одинаково и нет разницы, на каком экземпляре присягать. Однако Елецкий взял русский экземпляр и лично подсунил его под крест, правда, при этом оставив литовский список сверху. Согласно литовскому отчету, хитрость не помогла: Баторий заявил, что присягает только на литовском варианте и не будет подтверждать титулы Ивана IV, «того в присягу свою не вкладает». В русском отчете этот эпизод опущен, поэтому выходило, будто Елецкий заставил Стефана присягнуть на грамоте с царским титулом.

Русская сторона на переговорах в Киверовой Горке предложила следующий график вывода войск из Ливонии. Дворяне В. Петров и И. Милюков должны были сначала вывезти орудия и гарнизоны из Пернова, Феллина, Пайды, Тарваста, Лаюса и Полчева в Юрьев, откуда огромный обоз последует в Псков. Соответственно, литовцы будут постепенно занимать дальние города и последними войдут в Юрьев. Русская армия должна была покинуть Ливонию к 4 марта 1582 года. На вывод гарнизона из города в среднем давалась неделя. Такие же условия предоставлялись литовским отрядам, уходящим из Лук, Невеля, Заволочья, Холма и псковских пригородов.

В России не ощущали окончания войны — непрекращающееся военное противостояние с Литвой, длившееся с небольшими перемириями почти столетие (с начала первой порубежной войны в 1487 году), сформировало воинственную психологию пограничных жителей. Подписание перемирия на самом деле не означало окончания боевых действий. Помирились царь с королем. Для непосредственных участников столкновений — русских и литовских дворян, жителей литовских, русских и ливонских городов война продолжалась.

Русская армия впервые в истории покидала захваченные ей владения, не отступая в бою, но выполняя мирные договоренности. Опыта эвакуации не было. Русские стремились увезти с собой все, что можно, а литовцы и ливонцы хотели максимально этому помешать. Аналогичная ситуация, только с переменной действующих лиц, происходила в оставляемых рейтарами и жолнерами русских городах. Естественно, это приводило к многочисленным стычкам в пограничье, которые и составили историю вроде бы уже мирных лет.

25 января 1582 года отряды В. Чарторыйского и Б. Шинковского разорили смоленские и дорогобужские места. 5 февраля из Кричева, Пропойска, Чичерска и Бобрическа отряды под командованием Яна Оршевского совместным нападением разорили Северские места и сожгли Брянск. В плен попал брянский воевода Иван Лыков. Из Юрьева В. П. Головин писал, что литовцы не дают вывозить из города иконы, церковную утварь и артиллерию. В псковских деревнях в марте еще всюю хозяйничали литовские войска, творившие над жителями насилие и угонявшие их в Литву. 13 февраля отряд Речи Посполитой напал на г. Выборец и выжег окрестные деревни. Воевода Богдан Глинский не желал отдавать Великих Лук, из которых совершал рейды по Великолуцкому и Холмскому уездам. В Заволочьянском и Ржевском уездах грабил русские села отряд под командованием перебежчика М. Сарыхозина. В марте черниговский воевода Иван Долгорукий сообщал, что литовцы из Лоевой Горы нападали на новгородские, почапские, черниговские места. За ними была послана погоня, которая отбила полон и заодно сожгла замок Лоеву Гору.

22 августа отряд литовцев в семьсот человек под командованием ротмистров Яна Горлинского, Никиты, Григория и Александра Бувеских напал на поместья Лариона и Демьяна Извековых, Никиты Секерина и Семена Монастырева в с. Огрызково в Великолуцком уезде в целях своза крестьян. 11 сентября наместник Торопца И. С. Туренин сообщил, что литовцы ставят город на устье р. Межи, захватывают земли, «тянущие» к Торопецкому уезду, называя эти земли «велижскими», и заселяют территорию свезенными крестьянами. Литовские заставы берут пошлину с русских торговцев, едущих из Смоленска к Великим Лукам и Торопцу. Виновником всех этих безобразий Туренин называл витебского

воеводу Станислава Паца. В сентябре литовские отряды разорjali Порецкий уезд и Шучейскую волость.

17 сентября 1583 года состоялось совещание царя с Боярской думой «о луцких, торопецких и невельских задорах». Центральная власть наконец-то вмешалась в региональный конфликт, который грозил перерасти в новую войну. Русская сторона инициировала переговоры о мире на местном уровне, послав к Витебскому воеводе Ст. Пацу гонца Ивана Тархова. Для охраны границ были отправлены две тысячи детей боярских и стрельцов под командованием Д. Елецкого.

До этого ни одна из сторон не имела перевеса. Прибытие на театр действий русских войск переломило ситуацию: теперь стрельцы и дети боярские хозяйничали по литовским селам и сводили мужиков обратно в русские. Пац апеллировал к Баторию, но тому в это время было не до мелких пограничных конфликтов. В декабре 1583-го — феврале 1584 года с жалобами на действия Ст. Паца в Литву ездил А. Хрушов, который не получил удовлетворительных ответов. При Иване IV велижский конфликт так и не был разрешен и остался в наследство следующему царю, Федору Ивановичу.

Последний аккорд: русско-шведская война 1589–1595 годов

Первые переговоры между московскими и шведскими дипломатами состоялись в мае 1583 года. На них было заключено двухмесячное перемирие и выражена готовность к проведению более крупномасштабных переговоров. Последние состоялись в августе на р. Плюссе. От Швеции в них участвовали Понтус Делагарди и Клаус Тотт, от России — князь Иван Лобанов-Ростовский, думный дворянин Игнатий Татищев и дьяк Дружина Петелин. Они заключили перемирие на три года, так и не договорившись о территориальном разделе и обмене пленными. В декабре 1585 года перемирие было продлено еще на три года.

Обстановка в Прибалтике после окончания «Московской войны» была нестабильной. Эвакуация русских войск проходила очень сложно, а приход поляков и литовцев казался вовсе не освобождением, а новой оккупацией. Взаимное раздражение сторон чуть не вылилось в новую войну. На переговорах с панами Рады в Гродно московское посольство Ф. М. Троекурова, Ф. А. Писемского и Д. Петелина услышало со стороны Стефана угрозы нападения на Россию. На это русские послы с достоинством ответили: «Мы хотим мира, но если вы хотите войны, вы ее получите». После возвращения в Москву Троекуров заявил, что новая война с Речью Посполитой кажется неизбежной. 25 декабря 1586 года была составлена «роспись» русских полков для похода против польского и, возможно, шведского королей.

Однако события развивались совсем неожиданным образом. 2 декабря в Гродно скончался Стефан Баторий. Наступило очередное польское бескорольевье. Уже в январе 1587 года в Речь Посполитую выехали дьяки Е. Ржевский и З. Свизев с предложением выдвинуть на престол царя Федора Ивановича. Как ни парадоксально, русская кандидатура и на этот раз нашла сторонников среди шляхты Великого княжества Литовского. Их расчет был прост: Федор имеет репутацию слабоумного, значит — безопасен и на него можно будет влиять в стиле «генриховых артикулов»; он бездетен и, следовательно, после его смерти новый король будет избираться уже на совместный польско-литовско-московский престол. Таким образом Россия будет присоединена к Речи Посполитой, и хитрость панов победит там, где оказалось бессильно их оружие...

Русская же знать была уверена, что царь Федор Иванович справится с любой ситуацией и сможет присоединить Речь Посполитую к России, а не наоборот. Были извлечены и уроки из поражения Ивана IV: теперь русская дипломатия пыталась активно влиять на выборы. В июне 1587 года на польский элекционный сейм выехало большое представительное посольство во главе с С. Д. Годуновым, родственником временщика Бориса Годунова, фактического правителя России в то время.

Соперниками Федора выступали Максимилиан, брат императора Священной Римской империи Рудольфа II, и шведский принц Сигизмунд Ваза (сын короля Юхана и Катерины Ягеллонки). Максимилиана поддерживала польская знать во главе с магнатами Зборовскими,

а за Сигизмунда была коронная шляхта с ее лидером коронным гетманом Я. Замойским. Исход выборов был решен как силой, так и торгом: Замойский разбил и взял в плен Максимилиана, а от России откупились заключением договора о перемирии на пятнадцать лет — на такой долгий срок русско-литовские перемирия еще никогда не заключались. Королем стал швед Сигизмунд III Ваза.

Несмотря на провал кандидатуры Федора, итоги русской дипломатической миссии оказались успешными. Правительство Бориса Годунова рассчитывало напасть на Швецию, чтобы вернуть земли, потерянные в начале 1580-х годов. При этом нужно было избежать повторения ситуации «Московской войны», когда Россия столкнулась не с одним противником, а с коалицией государств, собравших наемников со всей Европы. Пятнадцатилетнее перемирие такую гарантию давало.

К тому времени шведы чувствовали себя в Прибалтике и Карелии вольготно. В 1589 году они громили Кандалакшскую волость и пытались сжечь Кандалакшский монастырь. В сентябре того же года погромам и грабежу подверглись Керетская и Кемская волости. В декабре был уничтожен Печенгский монастырь: шведский отряд истребил монахов и сжег постройки.

На переговорах 1580-х годов шведы и слышать не хотели о проведении границы между странами. Номинально, как это ни смешно звучит, между Россией и Швецией еще действовали нормы Ореховского мирного договора 1323 года! Остальные рубежи регулировались различными перемирными грамотами. Для Швеции это было выгодно: фактически она контролировала ту территорию, которую завоевала. Терпеть это дальше было невозможно.

14 декабря в Великий Новгород во главе армии прибыл сам царь Федор Иванович. 18 января 1590 года русские полки вошли в прибалтийские земли, оккупированные шведами. 27 января была взята первая крепость — Ямбург. 2 февраля войска обложили и начали бомбардировать Нарву и Ивангород. 19 февраля последовал штурм Ивангорода, но взять крепость, добротню построенную по заказу Ивана III итальянскими и русскими мастерами, не удалось. Поход имел психологический эффект: шведы сразу же предложили начать мирные переговоры.

Миссию русских дипломатов лично курировал Борис Годунов. Шведы понимали, что русские пришли в Прибалтику за землями и с пустыми руками не уйдут, поэтому они были готовы отдать обратно Ивангород и, в крайнем случае, Копорье. Россия вытребовала еще и Ямбург. 25 февраля на этих условиях в лагере под Нарвой было подписано перемирие на один год. Россия получала обратно утерянные по Плюсскому перемирию 1583 года Ивангород, Ям, Копорье и часть побережья Финского залива. Однако даже такой документ, вовсе не решавший вопросы русско-шведского противостояния в Прибалтике, не был одобрен в Стокгольме. Подписавший перемирие наместник Нарвы Карл Горн был казнен. Командующий шведскими войсками в Эстляндии Густав Банер попал в опалу за то, что вовремя не пришел на помощь Горну и не прогнал русских от Нарвы. Король приказал продолжить войну, не дожидаясь окончания срока перемирия.

Шведские отряды нанесли удар как раз по тем населенным пунктам, которые только что пришлось уступить. В ноябре 1590 года состоялся штурм Ивангорода, но русский гарнизон выстоял. В декабре были осаждены Ямбург (переименованный обратно в Ям) и Копорье. Высланные на выручку русские полки под началом Петра Шереметева и Владимира Долгорукова были разбиты.

Россия нанесла контрудар только в октябре — ноябре 1592 года. Объектом нападения стала Южная Финляндия. Русские отряды прошли, громя все на своем пути, до Выборга и Або. Этот рейд вынудил Швецию в январе 1593 года заключить двухгодичное перемирие.

Между тем ситуация для России крайне осложнилась. Польский король Сигизмунд III Ваза в 1592 году стал одновременно шведским королем и теперь открыто грозил России возобновлением войны за Прибалтику, причем в самом неприятном варианте: против Москвы выступит военный союз Речи Посполитой и Швеции. Поэтому было необходимо

заклучить мир и временно поставить точку в затянувшихся балтийских войнах. 18 мая 1595 года на Тявзинской мызе под Нарвой русско-шведский мир был подписан.

С шведской стороны в переговорах участвовали Стен Банер, Кристер Горн, Бран Бойе и Арвид Эрикссон. Русскую делегацию возглавляли окольный Иван Туренин и боярин Остафий Пушкин. Стороны подписали «вечный мир» на следующих условиях: Россия вдобавок к отвоеванным Ивангороду, Яму и Копорью получила Корелу; шведы признавали принадлежность к России Орешка и Ладоги; взамен Россия признала законным владением Шведской короны всю Северную Эстляндию. Предполагалось провести демаркацию, то есть установление пограничных знаков вдоль всей русско-шведской границы, от Прибалтики до северных земель. Тем самым Тявзинский мир должен был на долгие годы разграничить сферы влияния Швеции и России. Жизнь, правда, распорядилась иначе. Но это уже другая история. В XVI веке балтийские войны были закончены.

Крылатые гусарские доспехи

Глава 7. Как балтийские войны XVI века изменили облик Восточной Европы

Что дала война ее участникам?

Ливонский орден прекратил существование как суверенная держава. Его земли были поделены между соседними странами, население было частично истреблено, частично эмигрировало, частично подверглось процессам социальной и культурной ассимиляции странами-завоевателями, прежде всего Швецией и Речью Посполитой. Культурные традиции и память о Ливонском ордене сохранились в среде малочисленного немецкого (остзейского) прибалтийского дворянства, пережившего войну в Курляндии, а затем вернувшегося в старые поместья.

Гибель Ливонии сыграла большую роль в оформлении европейского статуса других стран. Благодаря захватам в Прибалтике значительно возвышается Швеция. Можно сказать, что она «входит» в континентальную Европу именно благодаря данному конфликту. Для Швеции Первая Северная война 1563–1570 годов стала своего рода «пробой пера», первой серьезной войной после обретения независимости в 1523 году (приграничный конфликт с Россией 1555–1557 годов имел куда меньшие масштабы), первым опытом крупномасштабных боевых действий за пределами Скандинавии. Швеция в этой войне, как и в своем наступлении в Ливонии в 1580-х годах, очень многому научилась. Итогом стало развитие наемной армии, которая сыграла столь большую роль в последующих шведских завоеваниях и в формировании Шведской империи. Шведское правление в Прибалтике в XVII веке сегодня связывается прибалтийскими историками с «золотым веком» в истории региона.

Дания по итогам балтийских войн XVI века оказалась среди проигравших, хотя и избежала крупных поражений или территориальных потерь. Она не сумела в полной мере реализовать «Проект Магнус», укрепиться в Прибалтике и создать здесь плацдарм против Швеции. Формально датчане сохраняли права на остров Эзель и Северную Эстонию до 1645 года, когда окончательно передали их шведам, но, конечно, ни о какой процветающей датской Прибалтике речи не было. Стоит заметить, что этот результат соответствует затраченным усилиям — ливонское направление для Дании явно не было приоритетным. От Магнуса — «лишнего человека» в Датском королевстве — просто отделались, отправив его в далекую Ливонию. Отсюда и метания молодого герцога, и заключение очень странных союзов, вроде того, что позволил ему стать «ливонским королем», вассалом Ивана Грозного.

Священная Римская империя потеряла свою самую дальнюю восточную провинцию, что в очередной раз продемонстрировало ее политическую слабость. Тем не менее балтийские войны показали, что авторитет императора в «христианском мире» все еще очень велик. Именно постоянная оглядка на мнение Венского двора не позволила Дании вести более активную политику в Ливонском вопросе. Трудно переоценить роль империи, Ватикана и миссии А. Поссевино в остановке «Московской войны». Именно германские земли были «полем битвы» в пропагандистской кампании против России во второй половине XVI века, которая сопровождала войну. Большинство изданий — газет и так называемых «летучих листков» — были немецко- или латиноязычными. Таким образом, из балтийских войн империя вышла, еще раз подтвердив свою репутацию игрока, слабого в военном плане, но искусного в области дипломатии и авторитетного в духовно-идеологической сфере.

Великое княжество Литовское влилось в состав Речи Посполитой и стало гораздо теснее связано с «христианским миром». Единая Речь Посполитая активно развивалась как европейское государство. Конец XVI — начало XVII века — тот исторический момент, когда, казалось, Польша превращается в славянскую сверхдержаву в Центрально-Восточной Европе. Если Чехия забыла славные времена гуситов и после подавления восстания 1547 года все больше склонялась под власть Габсбургов, то Польша успешно противостояла Священной Римской империи, разбила и подчинила себе Немецкий орден и захватила Прибалтику. Она интегрировала в себя Великое княжество Литовское, в войне за Ливонию разбила Россию и едва не покорила ее в годы Смуты начала XVII века. Польский король Владислав в 1610 году сел на русский трон, а пленного русского царя Василия Шуйского демонстрировали польскому сейму. Это был миг высочайшего триумфа Польши!

В Центрально-Восточной Европе развивалась огромная славянская сверхдержава от Одера до Урала и от Балтики до Черного моря, по масштабам и мощи способная противостоять гегемонии Габсбургов в Европе. Важно подчеркнуть, что этот объединительный неимперский проект был альтернативой начавшей формироваться в эти же годы российской имперской модели объединения народов Восточной Европы. То есть история региона могла пойти по иному пути, но этого не произошло: Польша в XVII–XVIII веках не удержала свое лидерство, не состоялась как объединительный центр для Восточной Европы. Россия же, постояв на пороге гибели в начале XVII столетия, пережив «бунташный век», постепенно набрала обороты исторического развития, и после эпохи первых Романовых и реформ Петра Великого ее уже никто не мог остановить.

Московская война (1578–1582) вообще была первой войной в истории объединенного государства «обоих народов» Речи Посполитой (не считая подавления Гданьского восстания в 1577 году, которое все-таки было в основном внутривосточным конфликтом). До этого Польша мало помогала своему восточному собрату по унии, Великому княжеству Литовскому, так как считала, что польская армия должна действовать в границах Короны, а за ее пределами должны воевать добровольцы и наемники. Теперь же польский контингент стал главной частью объединенной армии, что резко повысило ее боеспособность.

Победы Батория сделали Речь Посполитую незаурядным политическим игроком, стремившимся к доминированию в регионе. Если в XV–XVI веках ее интересы были сосредоточены в большей степени в Центральной и Юго-Восточной Европе, где она конкурировала со Священной Римской империей, то во второй половине XVI века вектор внешнеполитической экспансии Польши, а затем и Речи Посполитой смещается в сторону Северной и Восточной Европы.

Благодаря полководческим талантам Стефана Батория Речь Посполитая добилась реванша за поражения в порубежных войнах конца XV — первой трети XVI века. За чередой потерь — Вязьма, Северщина, Чернигов, Смоленск, Полоцк — наконец-то пришли победы. И пусть это не был захват крупных русских городов, но возвращение Полоцка, большого городского центра Великого княжества Литовского, кавалерийские рейды до Волги и занятие небольших русских крепостей, вроде Великих Лук и Старой Русы, тоже впечатляли и кружили голову. Польша почувствовала себя не просто спасительницей литовцев (и, кстати, так ощущает себя до сих пор), но и щитом Европы от «варваров-московитов», о чем широко вещала польская пропаганда второй половины XVI века. Эти идеи сыграли свою роль в складывании польского национального мифа.

Пьянящее чувство победы над русскими, подзабытое в Польше и Литве к середине XVI века и реанимированное «Московской войной», дало толчок умонастроениям, приведшим в начале XVII века прежде всего к поддержке польскими и литовскими шляхтичами и магнатами самозванцев-лжедмитриев, раздуванию гражданской войны в соседней России, а затем — и к прямой военной интервенции и попытке подчинения страны.

В этом смысле победа над Россией сыграла с Польшей дурную шутку: она слишком уверилась в своих силах, в своем превосходстве над восточным соседом. Она стала жертвой сформировавшегося «комплекса полноценности». Ведь в польских политических кругах в результате успехов Стефана Батория всерьез обсуждались вопросы о присоединении России, ее полном покорении. Когда шляхтичи во время Смуты входили в Московский Кремль, казалось, что сама история на стороне Речи Посполитой! Но фортуна — дама капризная, часто лукаво манит народы победами, чтобы потом обмакнуть их в горчайшие поражения. Это было с Россией в годы балтийских войн. Это чуть позже случится и с Польшей. Вслед за военными триумфами конца XVI — начала XVII века пришла черед поражений (шведский «Потоп», российско-польская война 1654–1667 годов и потеря Украины), приведших к постепенному закату Речи Посполитой.

В территориальном отношении Польская корона приобрела в Прибалтике больше всех других участников конфликтов конца XVI века. Правители Курляндии стали вассалами

польских королей, Летляндия, значительная часть Эстляндии (исключая Северную Эстляндию), а также Рига оказались под властью Речи Посполитой. Таким образом, можно говорить о польско-литовской инкорпорации прибалтийских земель. Польские политики умело реализовали план Сигизмунда II Августа и Альбрехта Бранденбургского по «принуждению Ливонии к присоединению». Английский историк Роберт Фрост совершенно справедливо назвал вторую половину XVI века временем доминирования Польши над Балтикой. Правда, об этом вскоре было забыто — уже в первой половине XVII века Польша была практически полностью вытеснена из региона Швецией, и наступило, продолжая мысль Роберта Фроста, «шведское столетие в Прибалтике», в XVIII веке сменившееся «русским столетием».

Что дали России балтийские войны?

Отношение России к балтийским войнам за двадцать пять лет существенно эволюционировало. В 1558 году конфликт начался с локальной карательной акции с целью «вразумить» Ливонию и заставить платить требуемую дань. Характер войны изменился после в значительной мере случайного (во всяком случае, не планировавшегося в Москве) захвата Нарвы. После этого Россия начала войну, направленную на аннексию Ливонии по принципу «докуда сможем пойти», по сценариям, опробованным в казанской (1551–1552) и второй астраханской (1556) кампаниях.

Начавшаяся в 1561 году русско-литовская война первоначально повторяла схемы предыдущих русско-литовских порубежных войн, но более всего была похожа на Смоленскую кампанию 1512–1522 годов. И там и там в начале войны был захвачен крупный центр Великого княжества Литовского (в 1514 году — Смоленск, в 1563 году — Полоцк), после чего последовало крупное поражение в полевом сражении (в 1514 году — в битве при Орше, в 1564 году — при Уле), и война перешла в фазу мелких пограничных стычек, которые через семь-восемь лет завершились перемирием по принципу «кто чем владеет».

Когда в 1558–1560 годах орден был разбит, Россия прочно закрепились на линии Толчбор — Везенберг — Лаис — Оберпален — Феллин — Ринген, оставив в своем тылу Нарву, Дерпт и Нейгаузен как военные и административные центры. Дальше этой значительной части Восточной и Северо-Восточной Эстонии вплоть до 1577 года русские войска не пошли, хотя все возможности для этого были. С датчанами в 1562 году земли поделили к обоюдному удовлетворению, а вот шведские и польско-литовские войска на остальной территории Эстонии и Лэтляндии не представляли собой такой уж неодолимой силы. Но нет — русские совершают набеги и походы, осаждают и жгут города и замки, сами подвергаются нападениям — однако граница «Русской Ливонии» 1560 года остается почти неизменной до грандиозного похода 1577 года. Эти наблюдения подтверждают наш вывод о рывкообразном стиле наступления России на территории, предназначенные к завоеванию, покорению. После их захвата обязательно следовала пауза, закрепление на приобретенных землях, и только потом — следующий рывок.

Для России в Ливонской войне было немало нового. Во-первых, новшеством можно назвать театр военных действий — никогда раньше русская армия не воевала на территории европейской страны с густой сетью каменных замков и городов. И если маленькие средневековые замки не стали серьезной помехой для наступления детей боярских, то опыта для осады и взятия крупных крепостей — Риги и Ревеля — не хватило. Они выстояли. Судя по всему, русские извлекли из этого урок и заимствовали бастионную систему. Земляные бастионные укрепления европейского типа впервые возводятся в конце XVI столетия при реконструкции Новгорода, Ладоги и других городов Северо-Запада России.

Во-вторых, по ходу войны пришлось учиться организации военного оккупационного режима на захваченных территориях. Казань и Астрахань были покорены практически сразу и навсегда, там надо было только подавить сопротивление местного населения, носившее нерегулярный характер и проявлявшееся в мелкомасштабной партизанской войне. В Ливонии же пришлось вести многолетнюю войну с другими державами, обладавшими

боеспособными современными армиями. Опыта ведения такой непрекращающейся войны на чужой земле у русских не было. Им пришлось учиться на ходу. Россия ранее никогда не сталкивалась с тем, что захваченную землю надо удерживать в условиях перманентных боевых действий, создавая систему обороны для тех же несовершенных средневековых немецких замков, которые только что так легко сдались. Их требовалось перестроить и укрепить, как-то приспособить к требованиям войны раннего Нового времени. Нужно было налаживать командование, коммуникации между гарнизонами, систему снабжения, переброски резервов, схему мобилизации и передислокации сил в случае опасности и т. д.

В-третьих, новым опытом стали совместные боевые действия с европейскими союзниками. Несколько лет в Ливонии на стороне России воевали отряды датского принца Магнуса, а в море выходили знаменитые датские каперы Ивана Грозного. И пусть история Магнуса завершилась драматически, его изменой, все же это был первый в истории прецедент реального русско-европейского военного сотрудничества.

В-четвертых, Россия впервые столкнулась со столь масштабной европейской военной интервенцией. В 1580–1581 годах армия польского короля Стефана Батория захватила практически всю Псковскую землю, его отряды достигли новгородско-псковских рубежей под Порховым, а отдельные конные группы действовали под Старицей, резиденцией Ивана Грозного. Такого раньше не случалось. Русские земли завоевывали татары, приходившие с востока, но вот от западных соседей Россия такого давно не видела. Только в Средневековье можно найти аналоги, вроде захвата Пскова крестоносцами в 1241 году. Но там была совсем другая ситуация, ливонцев поддерживала часть местного населения во главе с посадником Твердилой. В конце XVI века среди защитников Псковщины были одиночные перебежчики, смалодушничавшие, дезертиры, кто-то попал в плен. Но, несмотря на все призывы Стефана Батория и активную польскую пропаганду, не произошло никакого массового перехода жителей Новгородской и Псковской земли на сторону вторгнувшейся армии Речи Посполитой. Она однозначно воспринималась как захватчик, враг. Недаром в «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» польский король изображен как «змей-аспид», воплощение дьявольских сил, Антихрист. Борьба с баториевцами оказалась определенным испытанием твердости характера псковичей, и они это испытание выдержали.

В-пятых, война выявила серьезную отсталость России в военной сфере. При отсутствии бастионной системы все, что русские крепости могли противопоставить артиллерии противника, — остроумная система закладывания стен дерном, который смягчал силу удара ядер. Русская армия на равных сражалась с ливонцами, поляками, литовцами и шведами, но как только она столкнулась с большими контингентами наемников из европейских стран — начались поражения. Этот опыт не мог не способствовать началу в России военной революции, которая применительно к русской истории требует дальнейшего изучения.

Балтийские войны со всей очевидностью продемонстрировали, что главный враг русских — они сами. Неизвестно, кто принес русской армии больший урон: жолнеры короля Стефана Батория или опричный террор Ивана Грозного. Куда худшими врагами России, чем поляки и шведы, оказались интеллектуальная косность, невежество, непрофессионализм, техническая и культурная отсталость. Экономическое разорение страны, вызванное тяготами войны и истощением ресурсов, сыграло роковую роль в нарастании социально-экономического кризиса (к 1580-м годам в Новгородской земле осталось 20 процентов от числа проживавших здесь в 1550-е годы), который в конце XVI века привел к появлению крепостного права и чуть позже стал одной из причин первой гражданской войны в истории России — Смуты.

Как мы видим, войны за Прибалтику во второй половине XVI века имели различные последствия и результаты для их участников. Конфликт, который в историографии принято называть «Ливонской войной», является сложным многогранным феноменом. Он открывался участникам разными гранями и по-разному воспринимался ими. Можно сказать, что стороны вели разные войны. Для новых европейских монархий, прежде всего для Швеции и в меньшей степени для Дании, это был конфликт, аналогичный Итальянским войнам

первой половины XVI века, во время которого более сильные и современные королевства, переживающие фазу активного становления, боролись за поглощение карликовых государств.

То же самое в значительной мере можно сказать о Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском, которые в ходе Ливонской войны превратились в Речь Посполитую (во многом под влиянием данного конфликта). Но для них эти войны высветилась еще двумя гранями: 1) Великое княжество Литовское боролось с Россией за спорные пограничные территории и земли «всей Руси»; и 2) Речь Посполитая позиционировала себя как защитник «христианского мира» от «варваров с Востока», в роли которых по аналогии с турками изображалась Россия.

Захват Прибалтики Иваном Грозным можно было бы сблизить с Итальянскими войнами, но другие участники конфликта отказали России в праве на раздел Прибалтики: оно признавалось только за Данией, Швецией, Польшей и Литвой. На этапе обороны Великих Лук и Пскова война приобрела для России священный характер противостояния с иноземным супостатом. Причем, как мы уже писали, итоги этой борьбы воспринимались как победа — враг был изгнан. Потеря Ливонии волновала политиков и дипломатов, но в русском народном сознании главным было торжество православия над еретиками-«латинянами» и «аспидом Баторием» под стенами Пскова. Это был небольшой, но вклад в формирование доктрины русского мессианизма, концепции русского богоизбранного народа, которая стала важным элементом русской этнокультурной идентичности, начиная со Средневековья.

Войны XVI века и проблемы этнокультурной идентичности населения Восточной Европы

Около шоссе Нарва — Таллин стоит каменный крест XVI века с надписями на русском и немецком языках. Под ним похоронен русский дворянин Розладин, который перешел на сторону шведов, сражался за них и был убит русскими. Этот крест олицетворяет собой этническое и культурное смешение, возникшее в Прибалтике после ухода с исторической арены Немецкого ордена.

Война за Ливонию обычно рассматривается в контексте политической, военной, социально-экономической, локальной истории и т. д. Между тем практически никогда не ставился вопрос, какую роль война сыграла в формировании и развитии этнокультурной идентичности государств и народов — участников конфликта. А ведь в результате войны погибло и было разделено на части единое государство (Ливония), возникла новая держава — Речь Посполитая, началось строительство в Прибалтике Шведской империи. Наконец, большие территории подвергались многолетней оккупации войсками сопредельных держав.

В результате подобных геополитических катаклизмов происходят массовые перемещения населения. В ходе балтийских войн шла эмиграция из гибнущей Ливонии в Германию, возникла колония датчан на острове Эзель, шведы переселялись в Северную Эстонию, а русские дворяне получили земли в Русской Ливонии. Причем часть из них отказались возвращаться после ухода России из Прибалтики и превратились в шведских помещиков. В годы войны практиковались и принудительные перемещения, например высылка в Россию жителей Дерпта после подавления их мятежа в 1571 году. Среди всех участников конфликта были изменники и перебежчики. К концу войны выросло число русских дворян — перебежчиков в Речь Посполитую.

Какие пути развития этнокультурной идентичности мы можем обозначить для стран и народов, вовлеченных в войну? Следует отметить, что у исторической памяти о Ливонской войне, как это ни странно, не было своего субъекта. Главный субъект — Ливония, Ливонский орден и ландсгерры-епископы — сошел с исторической арены слишком стремительно, почти ничего не оставив после себя. Не существует ни одной орденской или

епископской хроники, повествующей о последних днях северных крестоносцев. С некоторой натяжкой таковой можно считать «Лифляндскую хронику» Соломона Геннинга (1590), но она посвящена апологии «могильщика» ордена Готтарда Кеттлера. В упомянутой хронике Кеттлер изображен как в первую очередь вассал польского короля и герцог Курляндии, но о его магистерстве вспоминается без особой патетики. К 1590-м годам рыцарское прошлое уже не очень-то волновало бывших выходцев из ордена, и ливонская идентичность как идентичность немецких крестоносцев была утрачена. Они стали просто прибалтийскими дворянами немецкого происхождения.

Основной массив ливонского нарратива о Ливонской войне происходит из городской среды Риги, Ревеля, частично Дерпта и т. д. Для горожан была важна преданность городу. Недаром современный символ Таллина — флюгер Старый Томас на ратуше — использует образ героя Ливонской войны, защитника Ревеля Томаса. Сегодня в Эстонии издаются красочные детские книжки, в которых рассказывается, как мальчик Томас вроде пионера-героя бил «московитов», совершал ратные подвиги, стал воином и увековечен во флюгере Таллинской ратуши.

Этническая принадлежность для горожан при этом оказывалась не очень важна. Немцы из Ливонии и Германии, шведы принципиально не различались. Было принято разграничивать людей, скорее, по социальному признаку: «горожане» — «аборигены», относя к последним крестьянское население — эстонцев и латышей. Поздних историков очень волновала этническая принадлежность знаменитого ливонского хрониста — Бальтазара Рюссова. В связи с тем что Рюссов служил пастором при церкви Святого Духа в Ревеле, где собирались протестанты — горожане эстонского происхождения, возникло предположение, что и сам Рюссов был онемеченным эстонцем, так сказать, одним из первых эстонских интеллектуалов. В XX веке на этот сюжет был написан художественный роман и снят фильм — об адаптации эстонца XVI века в чужой немецкой среде. Однако, судя по источникам, этническое происхождение Рюссова было совершенно безразлично современникам. Не видно, чтобы оно имело какое-то значение и для самого Рюссова. Он считал себя немецкоговорящим пастором-протестантом, жителем Ревеля.

Массовая ливонская эмиграция в Германию не привела к образованию в ней диаспоры «ливонских немцев» — все они стремительно растворились в империи. Вывезенные в Россию ливонцы также не образовали своей колонии. Они служили в составе армии Ивана Грозного. Известна роль ливонских стрелков в сражении при Молодях 1572 года. Однако к началу XVII века понятие «ливонец» несло уже чисто историческое содержание. Такой идентичности не было. Ливонский орден растворился в истории, как и некогда почти уничтоженный им народ ливов, давший имя ордену.

Для Польской короны и Великого княжества Литовского захват «Инфлянтов» имел важное символическое значение. Вслед за Пруссией Польша покорила и «Инфлянтов», младшую ветвь Тевтонского ордена. Понимание себя как победителей немецких рыцарей играло важную роль в формировании социальной гордости польского шляхтича. Победы в войнах второй половины XVI века повлияли на складывание польской национальной идеи, в том числе концепции польского народа-триумфатора, создателя державы «от моря и до моря», объединяющей восточнославянские народы. К ней польская мысль будет возвращаться и в XIX, и в XX столетиях.

Важную роль Ливонская война сыграла для формирования этнокультурной идентичности русских, причем по обе стороны фронта: и русских Российского царства, и русинов Великого княжества Литовского. Они и раньше были разделены, воевали между собой. С каждой войной ощущение взаимных различий нарастало и достигло апогея в годы Ливонской войны. Если раньше не возникало проблем с адаптацией местного населения на присоединенных к России территориях Великого княжества, то теперь Россия, захватив Полоцкий повет, заселила его своими людьми. То же сделала Речь Посполитая в 1579 году.

Конфессионального единства (православия) становится недостаточно для этнокультурной идентичности. В XVI веке благодаря русско-литовским войнам начинает

активно формироваться понятие «других православных», «других русских», причем в обоих лагерях. Каждая сторона все более приходила к выводу, что подлинные русские, русь, русины — «это мы», а противник — «литва дворовая», литвины или «москалии». Воины Ивана Грозного без колебаний стреляют в «литвина дворового» Николая Петрова, а на невольничьем рынке в русинском Могилеве всю войну успешно торгуют «девками москальскими» и пленными «москаликами». Культурные и этнические различия были и до конфликта, но война их необычайно обострила и сделала в чем-то необратимыми. Набирал обороты процесс этнического размежевания населения Восточной Европы, на землях которой позже возникнут русская, украинская, белорусская нации.

Своего развития он достигнет в XVII веке, после Брестской унии 1596 года, когда православных Речи Посполитой в Москве стали просто перекрещивать, считая, что в окружении униатов, католиков и протестантов православный русин все равно не мог сохранить чистоту веры. На наш взгляд, именно балтийские войны вкупе с другими русско-литовскими войнами XVI века запустили процесс дискредитирования роли конфессии как маркера этнокультурной идентичности. Православие русинов уже не обеспечивало их «русскости».

Новым фактором оказалась проблема эвакуации населения с оккупированных территорий. Русские длительное время владели значительной частью Ливонии и Полоцким поветом. На этих землях были осуществлены поместные раздачи, размещено население, построены православные церкви, налажена инфраструктура. Когда пришлось уходить, для многих это оказалось катастрофой. Далеко не все хотели покидать свои поместья. Возникала проблема выбора родины. Феномен «бояр Розладиных», русских по происхождению, живших в бывшей Ливонии, служивших шведам и сражавшихся с русскими, в конце XVI века был не единичен.

Конечно, все эти явления и процессы получили гораздо большее развитие в XVII–XVIII веках, но начинались они во время войны, которую историки называют Ливонской. Это была первая, еще неотчетливая фаза становления раннемодерных наций в Восточной Европе.

Проблема вхождения России в Европу и войны Ивана Грозного

В принципе, война как время интенсивного культурного и социального обмена приводит к интеграции различных культурных общностей. Произошла ли в результате первой войны России и Европы хоть в какой мере европеизация России?

Ответ будет отрицательным. В глазах «христианского мира», который в первой половине XVI века питал определенные иллюзии по поводу возможностей европейской интеграции Московии, борьба за Прибалтику окончательно отвела России место за пределами Европы, в стане ее «врагов по определению». Никогда раньше не было такого мощного антирусского «взрыва» в политическом и культурном пространстве Европы. Известно около восьмидесяти специальных пропагандистских изданий — «летучих листов» и газет, в которых агрессия москвиты против «христианского мира» рисовалась самыми черными красками. Именно во второй половине XVI века возникает так называемая *иваниана* — цикл произведений западных авторов о царе-тиране. Иван Грозный стал первым русским правителем, которому посвящена специальная биография (сочинение Пауля Одеборна, опубликованное в 1585 году), естественно, изображающая его самым неприглядным образом.

Все это создавало стереотипы восприятия России как варварского неевропейского государства. Москвиты, согласно общему мнению, были гораздо ближе к туркам, чем к людям по ту сторону Одера и Вислы. Этот стереотип станет культурным штампом и будет повторяться в европейской мысли и в XVIII, и в XIX веке и доживет с вариациями до наших дней. Как точно определил Ларри Вульф, Россия заняла определенное место на ментальной

карте мира с совершенно конкретной ролью анти-Европы. И в этой роли она оказалась необычайно востребована — как заметил американский историк: «Если бы России не было, ее следовало бы выдумать».

Что же касается России, то она в ходе войны усвоила крайне мало из европейского опыта. Для нее Европой была прежде всего Ливония и приходившая через нее немецкая Ганза. Великое княжество Литовское, несмотря на его близость к Польше, Европой в России XVI века не считали. Это были «бывшие наши земли», населенные во многом такими же православными людьми, с похожей бытовой культурой. У минских, смоленских, моголевских, полоцких, псковских земель в первой половине XVI века было больше общего, чем различного. Стремительное расхождение культур начнется в ходе войны и будет в какой-то степени результатом конфликтов. Огромную роль сыграет образование Речи Посполитой, резко усилившее культурное и социальное влияние Польши на Литву.

Через балтийское море приходили западные товары, бытовые вещи, предметы роскоши. Вспомним известный феномен — на миниатюрах Лицевого летописного свода изображены парусные корабли европейского типа, которые летописец, московский монах, нигде не мог увидеть. Первый такой корабль будет сделан в России голштинцами и любекцами в Нижнем Новгороде в 1636 году для путешествия по Волге в Персию. Но ведь миниатюры Лицевого свода довольно точно передают особенности кораблей, а значит, из Европы в XVI веке поступали гравюры, книги, с которых русские миниатюристы копировали какие-то сюжеты.

Проникновение России в Прибалтику, развитие русских ремесленно-торговых «концов» в ливонских городах, торговые контакты — все это были первые шаги в Европе, конечно, шаги еще малоосознанные, интуитивные, еще не обретшие форму государственной политики. Но столкнувшись с нежеланием Запада идти навстречу русским запросам, Россия просто захватывает Ливонию, подчиняет своим нуждам ливонскую торговлю («нарвское плавание»), впервые в своей истории использует войска европейских наемников и союзников (отряды датского герцога Магнуса и датские пираты-каперы), свергает и ставит правителей соседних стран по своему разумению (проект вассального Ливонского королевства Магнуса, участие в польской элекции, вмешательство в дела шведской короны), словом, пытается переключить карту континента. Там, где Москва встречает сопротивление, она идет на эскалацию конфликта по принципу «Царь войны не боится». Так начинается первая война России и Европы. Европа ведет ее силами стран своей периферии (Ливонии, Польши, Литвы, Швеции). Участие в Ливонской войне «классического Запада» проявляется в антироссийских культурно-идеологических кампаниях и присутствии на полях сражений военных наемников практически из всех стран Европы.

У государства Ивана Грозного для полноценного участия в европейских политических делах не хватило ни военной мощи, ни дипломатического искусства, ни уровня культурного развития. Отсутствие типографий и университетов, незнание иностранных языков выключало Россию из европейского информационного поля, без освоения которого любой шаг на Запад оказывался бесплодным и превращался в обычную агрессию. Россия и ее правители часто не понимали, во что они ввязываются. Начало Ливонской войны 1558–1561 годов с этой точки зрения очень характерно: Россия просто не осознавала, какие политические и культурно-религиозные процессы происходят в Прибалтике в середине XVI века. Для нее все было ясно: это наша бывшая вотчина (потому что в 1030 году город Юрьев основал Ярослав Мудрый), занятая немцами, которых можно покорить и поставить себе на службу. Какие там Реформации, особенности развития духовно-рыцарских орденов, сложная организация Священной Римской империи, понятие протектората европейских монархов над Ливонией, распад Кальмарской унии и т. д.? Чтобы адекватно строить свою политику, об этом надо было знать, а государство Ивана Грозного в информационном плане было крайне неразвитым.

Отсюда — и неудача первой попытки войти в Европу при Иване Грозном. Правда, к концу войны русские многому научились, о чем свидетельствует блестящая дипломатическая комбинация по привлечению к переговорам с Речью Посполитой А.

Поссевино. Россия сыграла на сохранившейся от периода «открытия Московии» иллюзии, что «эту страну» можно наставить на путь истинный, католицизировать и принять в «христианский мир», где она будет истово служить интересам папского престола и истинной веры. Чем негативнее обрисовывался облик Московии, тем более грандиозной и необходимой представлялась задача ее обращения. Поссевино всерьез видел себя новым апостолом, которой совершает подвиг, по масштабам сравнимый с деяниями великих христианских миссионеров. Пафос, с которым посланник папы говорит о перспективах свершения данных великих планов, впечатляет: «...этот наш подвиг отмечен был бы благочестием христианина и поистине в своем сладком благоухании явился бы приятнейшей для Господа жертвой всежжения».

То, что русские дипломаты сумели сыграть на этих настроениях и воспользовались возможностями легата для заключения перемирия на приемлемых условиях, говорит об их высоких профессиональных качествах. Последующая миссия Поссевино, как известно, провалилась — когда он пытался в разговоре с Иваном Грозным завести разговор об унии, царь обозвал папу «волком». Стало ясно, что легата просто использовали, чтобы добиться нужного результата на переговорах в Киверовой Горке. Остаток жизни Поссевино посвятил написанию обличительных трактатов об ужасной Московии и составлению планов ее покорения силой оружия.

Но это был единственный и, скажем прямо, ситуативный успех. В общем дорогу на Запад Грозный не проложил (впрочем, надо думать, что данные стремления он не осознавал и для себя не формулировал, или формулировал, но как-то иначе). Недаром в историческом дискурсе так укоренилась связь фигур Ивана IV и Петра I: первый воевал за Прибалтику неудачно, второй — удачно.

Строила ли Россия в XVI веке империю?

Восточная Европа представляет собой равнину, не разделенную серьезными естественными рубежами. На ней на протяжении веков проживало население с разной этнокультурной идентичностью. Здесь в XVI–XX веках не было построено ни одного национального государства. Ими не были ни Крымское ханство, ни Россия, ни Речь Посполитая, ни СССР. А существование Украины (1918–1920), Литвы, Латвии и Эстонии (1918–1940) в начале XX века было весьма кратким.

Моделей объединения разных этнокультурных общностей Восточной Европы в рамках единой политики было две. Первая — объединение на более-менее равных началах, воплощенное в системе Речи Посполитой «обоих народов». Этот уникальный исторический опыт неимперского объединения носителей разных религиозных, этнических, культурных идентичностей можно было бы считать удачным, если бы он не провалился в XVII веке. Причиной провала было исключение русинов из числа политически полноценных «обоих народов» — поляков и литовцев. Русины, по выражению украинского историка Натальи Яковенко, оказались «пятым колесом» в телеге Речи Посполитой. Остальное известно — рост религиозной напряженности после Брестской унии 1596 года, «Хмельнитчина» 1648 года, шведский «Потоп», вторжение России и распад страны.

Второй моделью считается объединение носителей разной этнокультурной идентичности в государство имперского типа. Согласно Доминику Ливену, империю можно понимать как иерархию идентичностей в рамках единого социально-политического организма. Ученый писал: «Как мне представляется, империя обладает четырьмя главными характеристиками. Во-первых, она должна быть обширной — поскольку управление значительными пространствами, распространение власти на большие расстояния всегда было одной из самых сложных проблем, которые приходилось решать империи. Во-вторых, империя включает в себя многие народы — поскольку проблема управления разными этносами часто вставала перед империей. Эта проблема причиняет больше всего неприятностей империям в современную нам эпоху национализма и народного суверенитета. В-третьих, как мне кажется, империя не строится с прямого согласия ее подданных.

Повторим: этот аспект приобрел значение лишь в современную эпоху, поскольку очень немногие государственные образования древности, Средневековья и раннего Нового времени строились на основе такого согласия. Наконец, самое важное — империя должна обладать большим могуществом, играть ключевую роль в региональной или глобальной политике своего времени. К этому последнему пункту я бы добавил также то, что самые значимые империи — те империи, которые воплощают собой и распространяют некоторую потенциально универсальную высокую культуру, религию или идеологию».

В XX веке Ливонскую войну иногда рассматривают как элемент строительства Славянской империи, которую Россия попыталась создать в Европе. Одним из первых эту точку зрения обосновал Казимир Нидзильский. По его мнению, сбросившая «монгольское ярмо» Россия начала Ливонскую войну, претендуя на роль исторической наследницы Орды. По словам Генри Тройята, за грозненским стремлением к «славянской гегемонии» стояли «секретные империалистические мечты». В ливонской политике усматривают попытку России составить конкуренцию Турецкой империи, чтобы изгнать ее из Европы и занять тем самым ее место. По замечанию Дануты Войцек-Горальской, аннексия Ливонии была первым шагом к осуществлению данной программы Ивана Грозного.

Ряд историков убеждены, что Россия сделала свой цивилизационный выбор, отказавшись добывать восточные ханства и вместо этого направив свою агрессию на Европу. Этот поворот во внешней политике России Александр Янов считал проявлением «латентной тенденции» московского политического режима. Георгий Вернадский рассматривал внешнеполитический курс России в XVI веке в контексте формирования Российской евразийской империи. В ливонской политике Грозного историк видел прихоть царя, принявшего «катастрофическое» решение начать войну в Ливонии вопреки мудрым советам наступать на Восток, чтобы стать евразийской державой.

Вопрос о том, какой характер носили завоевания Ивана Грозного на западном направлении и можно ли их квалифицировать как имперские, следует рассматривать, избегая эмоциональных оценок. При первом взгляде ничего принципиально нового в русской политике на захваченных землях мы не видим. Немецкий ученый Норберт Ангерманн, хорошо изучивший этот вопрос, писал, что политика Ивана Грозного в Ливонии была направлена на включение ее в состав России как обычной части русского государства, без какого-либо особого статуса. Он указывает, что главными административными центрами новых владений Ивана IV были Юрьев Ливонский, Нарва, Пернов и Кокенгаузен. Следующими по значению выступали Вольмар и Феллин. Ангерманн обратил внимание на складывание в Ливонии нового административного деления — по уездам, хотя их границы трудно установить.

Более точно можно определить состав так называемых пригородов — мелких крепостей, которые «тянулись» к большим городам. Так, Юрьевскими пригородами в 1570-е годы считались Феллин, Вольмар, Трикат, Эрль, Адзель, Мариенбург и, возможно, Оберпален. Кокенгаузену подчинялись Борзун, Сессвеген и Крейцбург. Мариенгаузен, Лудзен, Розиттен и Динабург, видимо, относились к Псковским пригородам. Кроме того, существовали пригороды Пернова (Хапсаль, Лоде, Лил и Каркус) и Нарвы.

Для управления Ливонией, как подчеркивает Ангерманн, не было создано специального учреждения, вроде Казанского приказа. Имеющаяся в нашем распоряжении документация позволяет утверждать, что ливонские города в конце 1570-х годов подчинялись Городовому приказу. Территория Ливонии, как и всей России, находилась в юрисдикции системы российских приказов: Приказа Большого дворца, Разряда, Приказов Казанского и Мещерского дворцов и др.

В Ливонии внедрялось такое же дворянское поместное землевладение, как и в основной части страны. Новые хозяева продолжали свою службу в действующей армии и потому в имениях не бывали, а только числились ливонскими помещиками. Это была обычная русская система, когда помещик почти не посещал свои владения, разбросанные в разных уголках страны, по пятнадцать-двадцать лет, однако исправно получал с них оброк. Самих

дворянских усадеб в новых поместьях не было. Владельцев связывали с ливонскими раздачами рентные отношения, схожие с данническими. При этом сбор оброка поручался старостам из местного населения, которые давали клятву верности.

Показательно само название таких территорий — например, «Апсельская присяга» (от имени города Апселя). Напрашивается предположение, что «присяга» была первоначальным наименованием завоеванных в Ливонии территорий. Оно использовалось от момента их захвата русскими до времени составления описания земель и раздачи их в поместья. После этого «присяги» становились «уездами» (видимо, «присяга» при этом разделялась на несколько уездов), по статусу аналогичными другим уездам Московского государства.

Из этого вытекает, что Ливония воспринималась не как колония, но как одна из вотчин московских государей, такая же, как ярославские или тверские земли. Мы не видим ни колониальной эксплуатации, ни иерархии имперских идентичностей. Перед нами довольно обычное поведение средневековых завоевателей, расширивших свои владения за счет захвата чужих земель и использующих их так же, как цари поступали со своими землями где-нибудь под Рязанью или Вязьмой.

Тем не менее во внешней политике Ивана Грозного пока еще робко, но проглядывают некоторые имперские черты. Они проявляются в том, что русский царь хотел ощущать себя властелином, жаловавшим князей и царевичей соседних держав землями и титулами, как настоящий император. В дипломатических инструкциях русским послам на вопрос о том, почему Иван IV зовет себя царем, предписывалось отвечать: потому что он «многих земель государь, многие цари ему служат» (из наказа посольству А. Ромодановского 1562 года в Данию). В наказе послу в Турцию А. Кузьминскому 1571 года на этот вопрос велено было отвечать: «А по моему по молодому разуму, почему государю нашему не зваться царем, правя таким великим государством, а у государя нашего цари и царевичи и многие государские дети служат». В переговорах 1578 года с Речью Посполитой русские дипломаты похвалились: «у нас многие государи служивали, с великих государств».

Помимо раздачи престолов, предлагался их обмен — например, крымскому хану Грозный был готов отдать Касимовское ханство в обмен на отказ от претензий на Казань и Астрахань. Менгли-Гирей решил, что ему отдают Касимов, но Иван IV раздраженно поправил его: не отдают, а готовы посадить на касимовский престол крымского царевича и «устроить его царем» со статусом служебника московского государя — «А есть у государя владение, Касимов городок, и захочет быть хан со царем и великим князем в крепкой дружбе, и он бы прислал своего царевича, а государь его пожалует, на Касимове учинит его царем». Симптоматично, что требование Крымом возврата захваченных Россией татарских земель Иван IV воспринимал как «прошение о Казани и Астрахани».

Русская сторона нимало не сомневалась в возможностях московского царя самому менять иерархию европейских правителей. В апреле 1559 года на переговорах с датскими послами королю Фредерику, в случае если он обеспечит явку в Москву ливонского магистра с повинной в своих преступлениях, Иван IV обещал «учинить его в чести, как цесаря римского». Когда изумленные датские дипломаты спросили, а как это, «и Алексей (дипломат Алексей Адашев. — *А. Ф.*) со товарищи послом говорили, писал бы государь ваш Фредерик король государя нашего отцом, потому как и цесаря римского, а государь наш запишет его сыном». Иван Васильевич был убежден, что равен императору Священной Римской империи, и в этом качестве «усыновление» московским царем датского короля необычайно поднимет Фредерика среди европейских монархов. Датчане, «отойдя в сторону, думали долго», потом попытались взамен этой великой чести предложить заключение выгодного для Дании торгового соглашения. Русская сторона сильно обиделась: вначале надо договориться о главных делах, кто чей сын, а потом о второстепенных, торговых.

Видимо, последняя попытка навязать России «византийское имперское наследство» была связана как раз с дипломатической борьбой в последние годы Ливонской войны. На переговорах 1582 года Антонио Поссевино соблазнял Ивана IV титулом «восточного императора» в обмен на унию с католиками по типу Флорентийской. Тем неожиданнее был

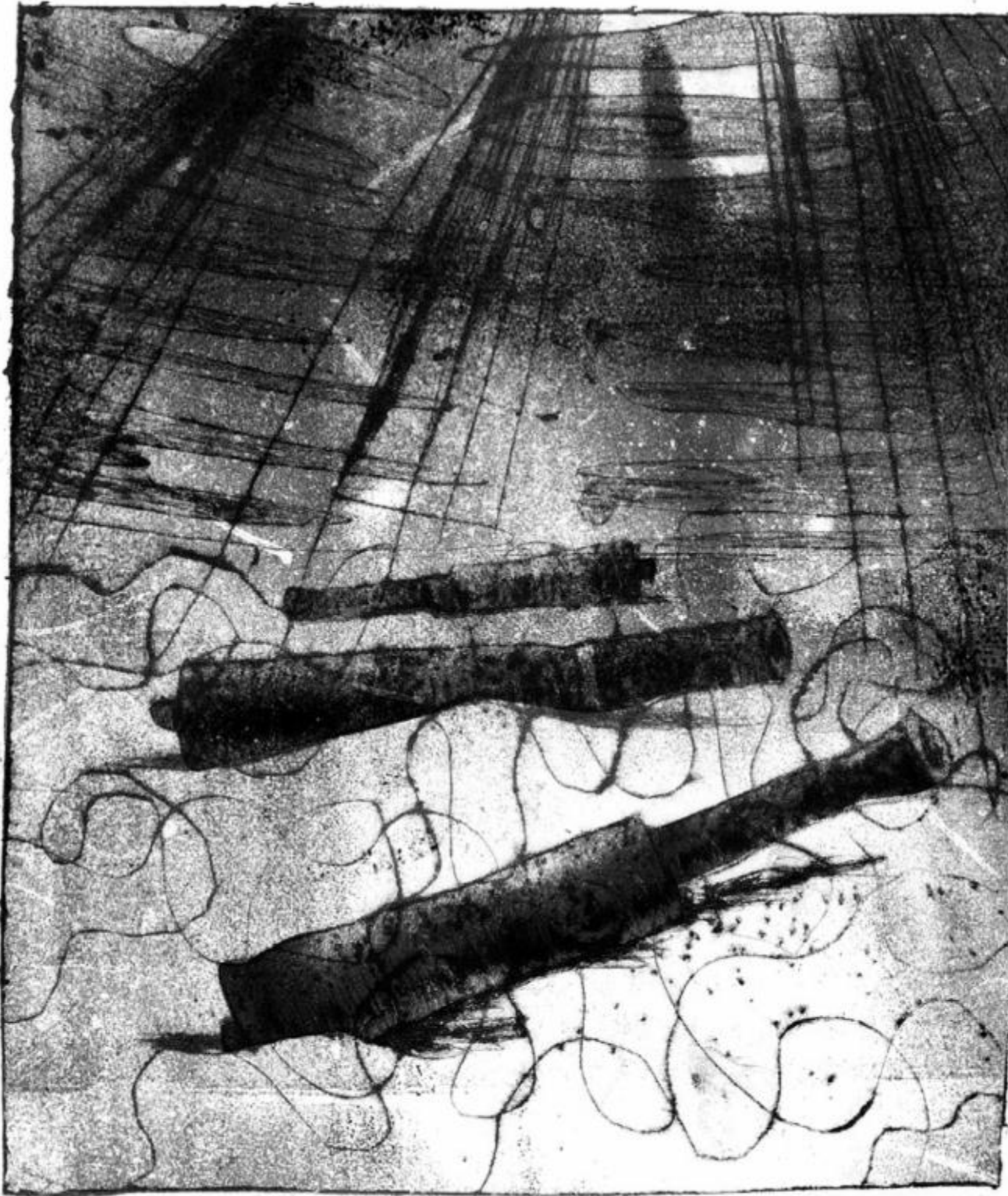
ответ Грозного, «что касается власти над Востоком, то это Божья воля, и ее по своему изволению Господь даст тому, кому хочет».

Конечно, все это еще нельзя назвать имперской политикой, прежде всего потому, что действия Ивана Грозного интуитивны и не подкреплены соответствующей идеологией, как это происходило бы в Новое время. Но вполне можно говорить о том, что в политическом облике Русского государства в XVI веке проглядывают первые неотчетливые черты империи.

Формирование имперской политики отставало от складывания *имперского тела* — территориальных владений Российской империи, поскольку еще не сложились собственно имперские каналы мобилизации необходимых ресурсов, не была выработана соответствующая идеология и новое государство еще не говорило по-имперски. Молодая держава видела мир по-своему, поэтому ее политика часто была неадекватна реалиям геополитического контекста и в большей мере строилась по принципам удельной эпохи.

В этом отношении очень показателен факт, отмеченный историком Михаилом Кромом: русские летописцы фиксировали почти исключительно факты внешней политики — войны и международные переговоры. Внутренним состоянием страны, реформами, проводившимися верховной властью, и т. д. они совершенно не интересовались, за исключением событий церковной жизни. Отметим, что в наказах русским послам давались подробнейшие инструкции, что говорить об отношениях России с другими странами, но на все вопросы о внутренней жизни государства приказывалось отвечать: «Я паробок молодой, того не ведаю». Государь, как вотчинник, не видел причин выносить внутренние дела (каковыми считались, скажем, социально-экономические реформы) на всеобщее обозрение. Более того, для Москвы не было разницы между «метрополией» и «национальными окраинами», жизнь которых также была внутренним делом России.

Конечно, соблазнительно вслед за историком Сергеем Каштановым увидеть имперские черты в опричной политике. Ведь в опричнину произошел раздел государства на привилегированную часть — опричнину, совершенно в колониальном ключе эксплуатирующую земщину и даже ходящую на нее завоевательными походами. Здесь возможно усмотреть признаки империостроительства и «внутреннего колониализма» (термин, обоснованный применительно к истории России Александром Эткингом). Однако при анализе характера опричнины (которая была не по институтам, а по отдельным аристократическим фамилиям) от этого предположения придется отказаться.

Конец войны. Пушки на дне озера Ильмень

В период конца XV — XVI века мы предлагаем определять Россию как *неонатальную империю*. *Империя* она потому, что создается *имперское тело* (территория) и формируется поле имперской политики: монархическая власть объединила разные народы, конфессии, социокультурные уклады и некогда самостоятельные политии в рамках единого государственного образования. *Неонатальная* же потому, что еще не освоила имперских механизмов функционирования и, образно говоря, является политическим младенцем. Тело выросло, разум (политическая имперская культура) — нет. Социально-политический

организм еще не умеет в полной мере функционировать по-имперски, хотя Россия в царствование Ивана Грозного начала двигаться именно в этом направлении.

Этот путь был долог и непрост. О каком-то более отчетливом имперском облике можно говорить только после того, как стали присоединять земли, приобретение которых нельзя было оправдать вотчинным дискурсом. Это приобретения конца XVI века: на Поле — территории между южной границей России (в начале правления Грозного проходившей под Тулой) и пределами степных улусов Крымского ханства; и в Сибири. Здесь никогда не было древнерусских княжеств, вотчинных земель Рюриковичей, и присоединение этих земель требовало иных объяснительных образов. Процесс их выработки займет весь XVII век — как и процесс окончательного завоевания и освоения этих земель.

Формируя имперское тело России, Иван IV так и не смог преодолеть инерции вотчинного дискурса (а значит, в значительной степени, и его практики). В 1581 году Федор Писемский, выехавший в Англию для сватовства царя к племяннице Елизаветы Марии Гастингс, следующим образом описывал «чин», по которому предполагалось выстраивать будущее страны. Царский престол отходил Федору Ивановичу, а всем детям, которые родятся у великого князя и Марии Гастингс, «быть на уделах по их государскому чину, как у них у государей издавна ведется».

Можно ли из этих слов сделать вывод, что от очередной раздробленности Россию спасли только срыв этого сватовства и отсутствие у царя большого количества детей, между которыми можно было бы опять разделить с таким трудом собранную страну? Во всяком случае, младший сын Грозного, Дмитрий, после смерти отца получил Угличский удел. Удел был, правда, маленький, но ведь и сын был маленький, то ли от шестого, то ли от седьмого брака, то есть не совсем законный, и притом — младенец. Но этот пример показывает, что вариант, аналогичный модели Ивана III, который в начале XVI века опять разделил между своими детьми с таким трудом собранную страну, на наш взгляд, вовсе не исключался, что говорит именно о *неонатальности*, «младенческом» характере русской имперской политической культуры в XVI веке.

Заключение

Война, которую принято называть Ливонской, относится к незначительным войнам России, применительно к которым с уст с легкостью слетают слова: «неудача», «поражение», «проигрыш». В череде событий прошлого нашего Отечества она оказывается в тени более ярких событий — опричнины Ивана Грозного (1565–1572), Смутного времени начала XVII века, покорения Сибири Ермаком (после 1582 года), введения крепостного права в конце XVI века. Считается, что Россия с треском проиграла развязанную агрессивную войну из-за бездарности политиков и командиров. Но так ли это? рассмотрим эти тезисы подробнее.

«*Россия проиграла Ливонскую войну*». Если понимать Ливонскую войну как единую цельную кампанию 1558–1583 годов — то да, проиграла. А если вспомнить, что за словами «ливонская война» скрывается историографический конструкт, сочиненный в начале XIX века Николаем Карамзиным, то картина получается несколько иной. Русско-шведская война 1555–1557 годов Россией была выиграна. Ливонская война 1556–1561 годов завершилась гибелью Ливонского ордена. Его земли поделили соседние государства, в том числе значительная часть территории досталась России. К числу проигравших сторон ее отнести никак нельзя. Русско-литовскую войну 1561–1570 годов Москва тоже выиграла, при этом получив крупные приобретения — Полоцк с окрестностями.

Московскую войну 1577–1582 годов и русско-шведскую войну 1578–1583 годов Россия проиграла. Однако при этом она фактически вернулась на позиции, которые занимала до вступления в Ливонскую войну 1556–1561 годов. Россия завоевала часть Ливонии и Полоцк — и потеряла часть Ливонии и Полоцк. Почти все русские земли, захваченные в ходе наступления 1579–1581 годов, Баторий вернул по перемирному договору.

А несколько русских прибалтийских крепостей, утраченных в ходе войны со шведами 1578–1583 годов, были возвращены в ходе победной русско-шведской войны 1589–1595 годов.

Таким образом, строго говоря, в территориальном отношении общий итог балтийских войн второй половины XVI века нельзя считать поражением для России. Она не приобрела, но и не потеряла ничего существенного.

«Ливонская война является ярким примером бездарной и безответственной политической авантюры». Действия московского правительства, дипломатических служб и российского военного командования далеко не всегда были эффективными и успешными, но представлять события только как череду позорных ошибок не стоит.

Можно по-разному оценивать мобилизационные меры центральной власти, но, так или иначе, собранные людские и материальные ресурсы позволили стране выдержать серию тяжелых войн и избежать военной катастрофы. В этом русское правительство со своими задачами справилось. К негативу московской политики второй половины XVI века надлежит отнести опричную политику Ивана IV, террор против своих подданных, «шпиономию», борьбу с мнимыми изменниками и т. д.

То есть при оценке итогов балтийских войн встает извечный российский вопрос о *цене*, которая была заплачена народом за политику верховной власти. Увы, такой вопрос в русской истории можно задать не только применительно к эпохе Ивана Грозного...

Русская дипломатия во второй половине XVI века имела на своем счету как успехи, так и крупные просчеты и неудачи. К первым надлежит отнести недопущение создания антирусского литовско-крымского союза, союзнические отношения с Данией 1550–1560-х годов, которые значительно облегчили действия русских в Прибалтике, использование Ватикана и Священной Римской империи в своих политических интересах в 1580-е годы. Россия сумела «соблазнить» папу и императора даже не обещаниями, а туманными намеками на эти обещания.

К числу дипломатических неудач надлежит отнести провал попыток создания антилитовского русско-крымского союза, ошибочную политику в отношении «ливонского короля» Магнуса, которая подтолкнула его к измене, проигрыш элекционных кампаний в ходе польских бескоролевий. Мелких просчетов было гораздо больше, и они были обусловлены неэффективным стилем работы московских посольских служб, в которых приверженность обычаю и ритуалу, спесь и догматизм мышления явно преобладали над здравым смыслом и искусством добиваться своего. Для русского посла было легче героически пострадать «за государево имя», чем проявить инициативу и отступить от «государева наказа».

Наконец, не столь уж неутешительны собственно военные итоги балтийских войн России второй половины XVI века. Полководцы вели полки в сражения достойно и часто выигрывали. Войны проигрывали политики, но это беда не только данного периода отечественной истории. К числу крупных и блистательных военных побед российского оружия надлежит отнести битву при Эрмесе (1560), в которой именно русская армия поставила заключительную точку в истории существования северных крестоносцев. Победоносными были Полоцкий поход 1563-го и Ливонский поход 1577 годов. Оборона Пскова 1581 года покрыла его защитников неувядаемой славой.

К числу чувствительных военных поражений надо отнести битву под Улой, потерю Полоцка, Великих Лук и Нарвы. Но стоит заметить, что даже этот перечень показывает, что Россия практически не проиграла ни одного крупного полевого сражения (вопрос о том, можно ли Ульскую битву назвать «крупной», оставляем открытым). Войны шли вокруг городов и прилегающих к ним территорий.

«Ливонская война считается агрессивной войной России против соседних мирных государств». Балтийские войны начались в результате столкновения интересов нескольких государств. Россия была одним из них, но вовсе не единственным зачинщиком этих войн, вызванных совершенно объективным и естественным процессом вытеснения с исторической

арены «старых» государств «молодыми». Этот процесс, несомненно, был трагичен, особенно для тех стран и народов, которых выбрасывали на «обочину истории».

Но только ли Россия аннексировала земли Ливонии? Нет, в нее также ввели войска Польша с Литвой, Швеция, Дания. Откровенно агрессивные намерения в отношении прибалтийских земель питала Ганза. Что же касается русско-литовских и русско-шведских войн, то их зачинщиками выступали обе стороны. Страны делили сферы влияния, устанавливали пределы своего возможного расширения. Увы, в Средневековье это можно было сделать только одним способом: наступать, захватывать, пока тебя не остановят.

Поиск виновных — занятие не для историка, а для юриста. Но, подчеркнем, обвинять только Россию в агрессивной политике, якобы приведшей к военным конфликтам второй половины XVI века, будет неисторичным и противоречащим достоверно установленным фактам. В качестве «хищников», желавших захватить и поделить Прибалтику, выступали сразу несколько стран.

Балтийские войны XVI века надолго обозначили направление геополитических устремлений России: в Прибалтику и Восточную Европу. Они же на столетия определили историческую судьбу этого региона как буферной, переходной зоны между европейской и российской цивилизациями. Ученые иногда называют эту зону «лимитрофом» (от латинского *limes* — «граница»). Страны и народы, попавшие в зону лимитрофа, оказывались разменными картами, пешками в политических играх XVII–XX веков. Их как бы «носило» от одного берега к другому, «прибивая» то к России, то к Западу. В этом — трагедия многих государств, исчезнувших в результате столкновений амбиций и устремлений «больших игроков».

Главный вывод: Ливонская война в контексте европейских войн XVI века — явно недооцененный историками конфликт. Его роль и значение не сводятся к локальным разделам Прибалтики и польско-русско-литовскому противостоянию. Он был фактором общеевропейской истории, изменившим ход многих важных исторических процессов и запустившим развитие других. Конечно, ощутимой и крупномасштабной перекройки мира в результате балтийских войн в XVI веке не произошло. Однако в них были намечены многие направления будущих конфликтов и пути развития стран и народов в XVII–XVIII веках. Поэтому надо внимательнее присматриваться к войнам прошлого, даже если на них лежит клеймо «бесславных» и «проигранных».

Краткая библиография

Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века: Истоки конфликта. М., 2015.

Вебер Д. И., Филюшкин А. И. «От ордена осталось только имя...» Судьба и смерть немецких рыцарей в Прибалтике. СПб., 2018.

Виноградов А. В. Внешняя политика Ивана IV Грозного // История внешней политики России. Конец XV — XVII век / Отв. ред. Г. А. Санин. М., 1999. С. 134–246.

Пенской В. В. От Нарвы до Феллина: Очерки военной истории Ливонской войны 1558–1561 гг. Белгород, 2014.

Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992.

Филюшкин А. И. Закат северных крестоносцев: «Война коадьюторов» и борьба за Прибалтику в 1550-е гг. М., 2015.

Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. СПб., 2013.

Филюшкин А. И., Кузьмин А. В. Когда Полоцк был российским. Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563–1579 гг. М., 2017.

Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999.

Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978.

- Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.
- Янушкевич А. Н.* Ливонская война 1558–1570 гг. и Великое княжество Литовское. М., 2013.
- Angermann N.* Studien zur Livländpolitik Ivan Groznyj's. Marburg, 1972.
- Bodniak S.* Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona. Kórnik, 1947. 246 s.
- Filyushkin A.* Ivan the Terrible: A Military History. London, 2008.
- Frost R.* The Northern Wars: War, State and Northeastern Europe: 1558–1721. Edinburg, 2000.
- Kirchner W.* The rise of the Baltic question / Second edition. Westport, 1970.
- Laidre M.* Domus Belli. Põhjamaade Saja-aastane soda Liivimaa 1554–1661. Tallinn, 2015.
- Lange T.* Zwischen Reformation und Untergang Alt-Livlands Der Rigaer Erzbischof Wilhelm von Brandenburg im Beziehungsgeflecht der inländischen Konföderation und ihrer Nachbarländer. T. 1–2. Hamburg, 2014.
- Rasmussen K.* Die livländische Krise 1554–1561. Copenhagen, 1973.
- Tiberg E.* Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges: Die Beziehungen zwischen Moskau und Litauen 1549–1562. Uppsala, 1984
- Urban W.* The Livonian Crusade. Washington, 1981.

Иллюстрации

Иоанн Портанций. Карта Ливонии (Livoniae Nova Descriptio). Abraham Ortelius. Theatrum Orbis Terrarum. Antwerpen, 1573–1598

Национальная библиотека Финляндии. Фото: Doria.fi

Герард Меркатор, Мацей Струбич. Карта Литвы, Ливонии и Московии (Magni Ducatus Lithuaniae, Livoniae et Moscoviae Descriptio: cum privilegio)

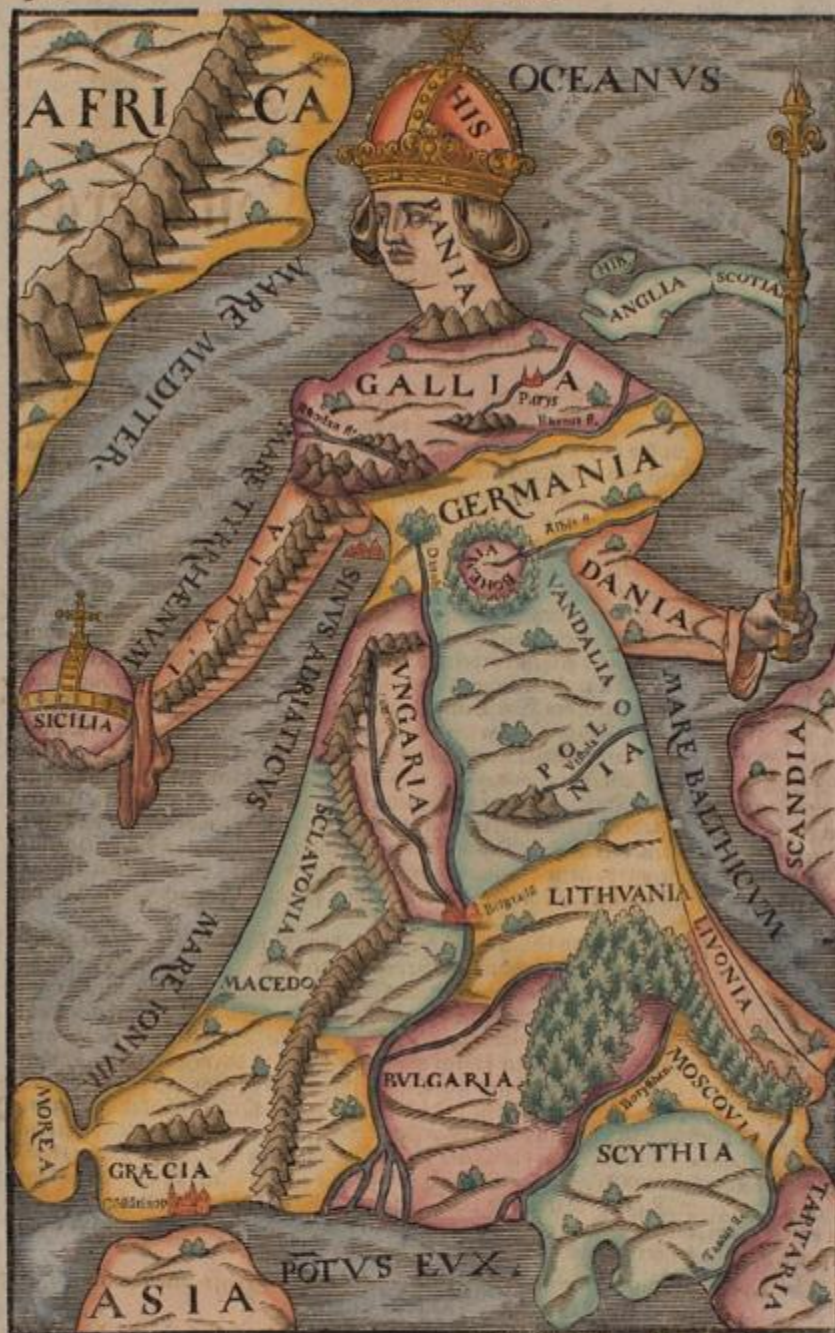
Издатель Мартин Кромер. 1589. Национальная библиотека Эстонии/Eesti Rahvusraamatukogu. Фото: DIGAR

Иоанн Портанций. Энтони Дженкинсон. Карты Ливонии и Московии (Livoniae Provinciae ac Eius; Moscoviae Maximae Amplissimi-que Ducatus Chorographica descriptio)

Издатель Корнелис де Жод. 1593. Национальная библиотека Эстонии/Eesti Rahvusraamatukogu. Фото: DIGAR

Андерс Буре, Вильгельм Янсоон Блау. Карта Швеции, Дании и Норвегии (Svecia, Dania, et Norvegia: Regna Europæ Septentrionalia)

Издатель Вильгельм Янсоон Блау. Национальная библиотека Эстонии/Eesti Rahvusraamatukogu. Фото: DIGAR

zweyen General Tafeln vnd in der neuen Tafel die allein Europam begriffet. Doch wann man ansehen will vnd darzu rechnen die grossen Landschaften die gegen Mitnacht gehen solt wol die breite Europe ubertreffen die länge. Wie aber Ptolemæus Europam beschrieben hat ist sein länge grösser dann die breite. Das ist ein mal gewis, das Europa ist ein trefflich fruchtbar vnd wol erba-
Europa die
fruchtbar er-
scheint.

Europa regina. Раскрашенная гравюра из «Космографии» Себастьяна Мюнстера. Базель, 1570 г.
Neatline Antique Maps (www.neatlinemaps.com)

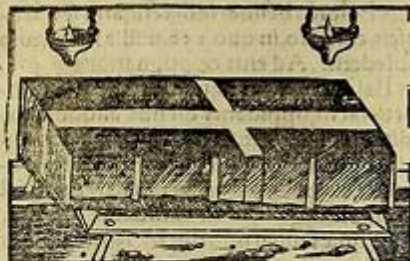
938

DE GERMANIA

Ies quidam liberales sunt, & ex miseris rusticis omnia eum magna tyrannide emunguntur, quæ illi tam perditissimè profundunt. Sunt rustici ferè omnes serui. Et quum aliquis eorum ob famem, flagellum aut ob intolerabilem tyrannidem elabatur, & rursum à nobilibus & præfectis recuperatur, truncatur pede ne denuò elabatur. Non est miserabilior populus in orbe, quam illi serui sunt. Cibantur tam agresti cibo, ut ne porci apud nos illum dignarentur edere. Deferunt calceos ex corticibus factos, comparantes par unum tribus denarijs. Pro cantu usurpant ululatum luporum, uocem Iesu sine intermissione repetentes. Interrogati autem quid per uocem Iesu intelligant, respondent se nescire, obseruare maiorum suorum consuetudinem. In summa, uiuunt miseri homines ut bestia, tractantur ut bestia. Plures adhuc more gentilium uiuentes, cognitione uiri Dei destituantur. Vnus adorat solem, alius lunam, unus elegantem arborem, alius lapidem, aut aliquid aliud simile. Quum mortuum aliquem terræ mandare uolunt, potantes circumdant illum, inuitantq; ad bibendum, partem eius super illum funderes. Immittentes autem eum in sepulchrum, apponunt ei securim, cibum & potum, parumq; pecuniæ pro uatico, alloquunturq; eum talibus uerbis: Perge in alium mundum, ubi dominaberis Teutonibus, sicut illi tibi hic fecerunt. In conciliandis nuptijs plerunq; raptu sponsus sponfam acquirit.

Miser plebeius
populus.

Idolatra.

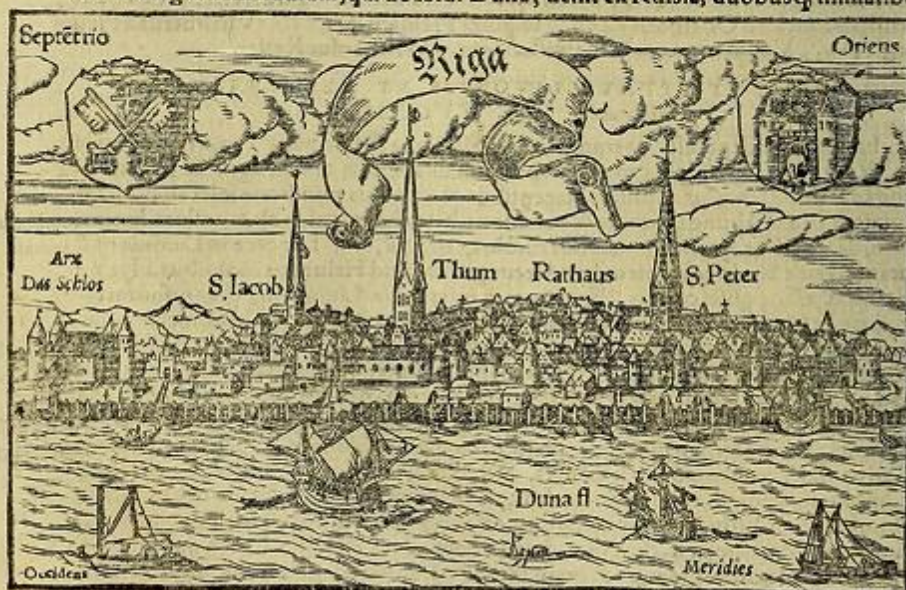

Rustici tamen qui iuxta ciuitates habitant, & uerbo Dei instituti sunt, abstinere ab huiusmodi superstitionibus.

DE CIVITATIBVS LIVONIAE ET EARVM

consuetudinibus. Cap. CCCCXCI.

Habet regio ista tres insignes ciuitates, quæ puriori religioni subscripserunt, nempe Riga, Tarbata, uulgo Derpt & Tart, & Reualia. Distat Riga a Reualia 50. à Tarbata 30. & à Vilna Lithuanicæ 40. à Kunisbergo uerò Prusicæ sexaginta Germanicis miliaribus. Habet & alia minora quædam oppida, ut sunt Vuenden, Pernouu, Vellin, Vuolmar, Kokenhausen, &c. Riga metropolitana ciuitas sita in fundo arenoso & iuxta nauigabilem fluuium, qui uocatur Duna, uenit ex Russia, duobusq; miliaribus

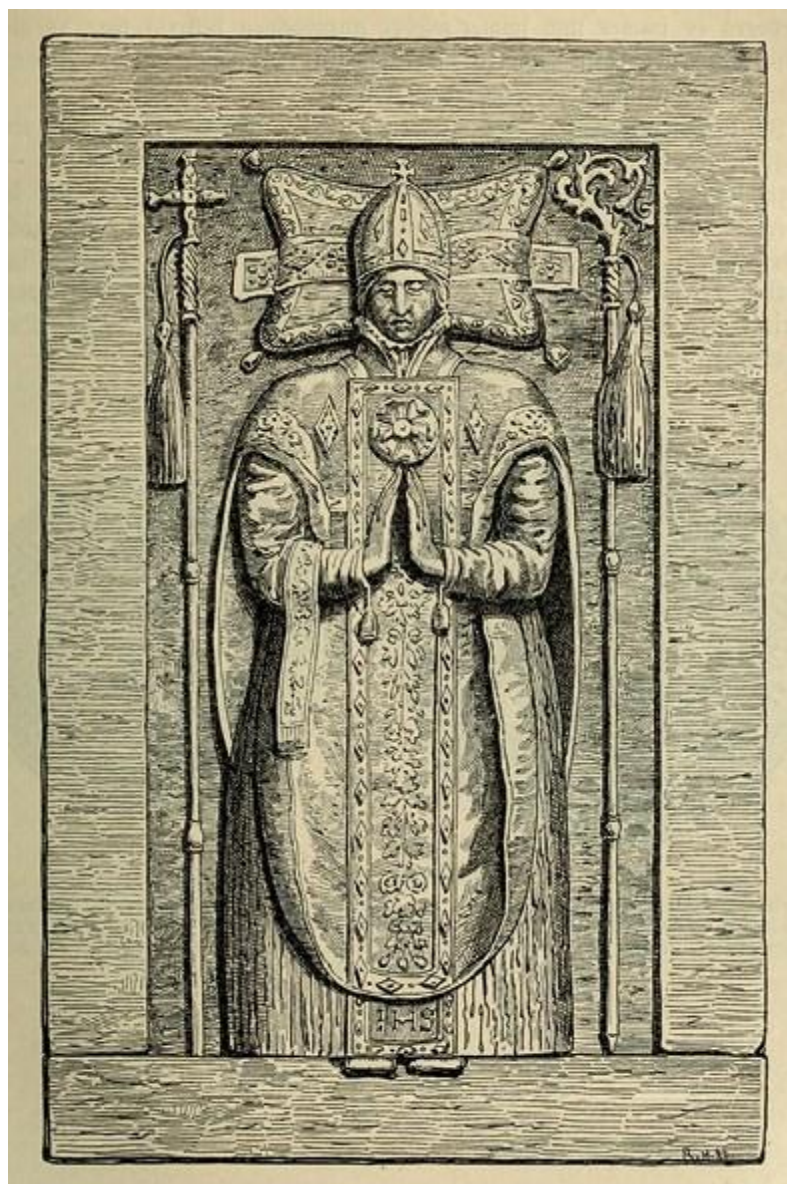

Страница с изображением Риги из «Космографии» Себастьяна Мюнцера. 1544.
Sebastianus Münsterus. Cosmographiae vniuersalis lib. VI. 1572
Библиотека Джона Картера Брауна, Провиденс, Род-Айленд

Печать города Дерпта, сер. XVI в.

Изображение из книги: Theodor Schiemann. Russland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert. Berlin, 1887. P. 219

Гробница рижского архиепископа Вильгельма Бранденбургского
Изображение из книги: Theodor Schieman. Russland, Polen und Livland bis ins 17.
Jahrhundert. Berlin, 1887. P. 225

Сигизмунд II Август, король польский и великий князь литовский в 1548–1572 гг.
Изображение из книги: Theodor Schiemann. Russland, Polen und Livland bis ins 17.
Jahrhundert. Berlin, 1886. P. 632

Неизвестный художник. Фредерик II, король Дании и Норвегии. XVI в.
Национальный музей Швеции, Стокгольм

Доменикус Вервильт. Эрик XIV. XVI в.
Национальный музей Швеции, Стокгольм

Руины замка Кокенгаузен над р. Даугавой
Фото: А. И. Филюшкин, 2010

Замок Нарва (совр. Эстония)
Со взятия Нарвы 11 мая 1558 г. началось завоевание Ливонии. Фото: А. И. Филюшкин,
2007

Руины ливонской крепости Нейгаузен, разрушенной в годы Ливонской войны
Фото: А. И. Филюшкин, 2010

Руины крепости Эрмес (совр. Эргеме, Латвия)

Недалеко от нее в 1560 г. произошла битва, в которой был уничтожен цвет Немецкого ордена, практически все командиры ливонских рыцарей. Считается, что это была последняя битва в истории северных крестоносцев. Фото: А. И. Филюшкин, 2011

Руины собора Петра и Павла в Дерпте, разрушенного в 1558 г. при штурме города русскими войсками

Фото: А. И. Филюшкин, 2010

Замок Аренсбург (совр. Курессааре, остров Сааремаа, Эстония)

Наиболее сохранившийся из ливонских замков на территории Эстонии, по которому можно составить представление об облике крепостей Ливонии XVI в. Под Аренсбургом в 1560 г. высадился датский принц Магнус, прибыв из Дании в Эстляндию за своим герцогством. Фото: А. И. Филюшкин, 2012

Руины замка Венден — бывшей резиденции ливонского магистра
Фото: А. И. Филюшкин, 2011

Памятник в Пскове, поставленный в честь победы над войсками Стефана Батория в 1581 г. (архитектор Ф. П. Нестурх, 1897)
Фото: А. И. Филюшкин, 2010

Церковь Покрова и Рождества от Пролома (XVI в.) — храм, поставленный псковичами на месте «пролома» — сражения с войсками Стефана Батория у Покровской башни в 1581 г.
 Фото: А. И. Филюшкин, 2011

Покровская башня Пскова, вокруг которой разворачивались боевые действия между русскими войсками и войсками Стефана Батория в 1581 г.
 Фото: А. И. Филюшкин, 2010

Тип ливонской женщины. Гравюра
Нью-Йоркская публичная библиотека/The New York Public Library

**HISTORIA BEL-
LI LIVONICI QVOD
MAGNVS MOSCOVITARVM
DVX, CONTRA LIVO-
NES GESSIT.**

Per

**TILMANNVM BREDENBA-
CHIVM CONSCRIPTA.**

*Vna cum breui narratione praclara eius victoria
qua paucis abhinc mensibus Litvani vicissim,
contra Moschouitas potiti fuerunt.*

LOVANI,
**Apud Ioannem Bogardum, sub Biblijs
aurcis, Anno 1564.**

Титульный лист первой европейской истории Ливонской войны — книги Тильмана Бреденбаха

Bredenbachius Tilmannus. Historia belli Livonici, quod Magnus Moscovitarum Dux, anno 1558, contra Livones gessit. Lovanii, 1564

**Sehr grewliche/erschrock-
liche / vor unerho"rte / warhafftige Newe zeyt-
tung/was fu"r grausame Tyranny der Moscoviter/an
den Gefangenen/ hinweggef"urten Christen auß Lyfland/ beydes an
Mannen vnd Frawen/ Junckfrawen vund kleinen Kindern/ bege-
het/ vnd was ta"glichs Schadens er jnen in jrem Land zufu"get/ Bey-
neben angezeygt / in was grosser fahr vnd noth die Lyflender
stecken. Allen Christen zur warnung/ vnd bes-
serung ihres Su"ndlichen lebens/ auß
Lyfland geschriben / vnd in
Druck verfertigt.**

zu Nu"rnberg bey Georg Keydlein. M. D. L. XI.

Титульный лист «летучего листка» 1561 г., изданного в Нюрнберге, изображающий бедствия ливонских женщин во время русского завоевания Ливонии

Изображение из публикации: Sehr grewliche erschreckliche vor unerho"rte warhafftige Newe zeyttung was fu"r grausame Tyranny der Moscoviter an den Gefangenen hinweggef"urten Chrsiten auss Lyfland beydes an Mannen und Frawen Junckfrawen und kleinen Kindern begeht und was ta"glichs Schadens er jnen in jrem Land zufu"get Beyneben angezeygt in was grosser gfahr unnd noth die Lyflender stecken. Allen Christen zur warnung und besserung jres Su"ndtlichen lebens auss Lyfland geschriben und in Druck verfertigt. Nu"rnberg, 1561

**Sehr grewliche erschreck
liche / vor unerhörte / warhafftige Newe
Zeitung / was für grausame Tyranny / der Mosco-
witer / an den Gefangenen / hinwegt gefürten Christen
aus Lyfland / beides an Mannen vnd Frawen / Junck-
frawen vñ kleinen Kindern / begehet / Vnd was teglich
schadens er ihnen in ihrem Land zufüget / Bey neben
angezeigt / in was grosser fahr vnd not die Lyflender
stecken. Allen Christen zur warnung vnd besse-
rung ihres Sündlichen Lebens. Aus
Lyfland geschriben / vnd in
Druck verfertigt.**

1561.

Титульный лист «летучего листка» 1561 г. с изображением «москвитов» в образе турок, убивающих христианских детей

Изображение из другой публикации этого же «летучего листка»: Sehr grewliche erschreckliche vor unerhörte warhafftige Newe zeyttung was für grausame Tyranny der Moscoviter an den Gefangenen hinweggeführten Christen auss Lyfland beides an Mannen und Frawen Junckfrawen und kleinen Kindern begehet und was täglich Schadens er ihnen in ihrem Land zufüget Beyneben angezeigt in was grosser Gefahr und Noth die Lyflender stecken. Allen Christen zur Warnung und Besserung ihres Sündlichen Lebens auss Lyfland geschriben und in Druck verfertigt. Nürnberg, 1561

**Kurtze Abschrift vnd
Verzeichnus / des grossen vnd gewaltigen
Feldtzugs / so der Moschcobiter für
Polotzko in Littawen / den 31.
Januarij / dieses LXXIII.
Jars gebracht hat.**

Jwan Wasiljew
fürz. vnd Mos
 **Wolff Grossfürst in Ruß
schlaw.**

Условное изображение войска, входящего в крепость Полоцк, в немецком «летучем листке» 1563 г., вышедшем в Нюрнберге

Издание: Kurtze Abschrift und Verzeichnus des grossen und gewaltigen Feldtzugs so der Moschcobiter für Polotzko in Littawen den 31. Januarij dieses LXXIII. Jars gebracht hat. Nũrnberg, 1563

Copen des Brieffes:
Welchen der Lyttawische
 Haudtman gen Warschaw/dem Herrn
 Raduill zugeschickt/darinn er vormeldet/wie es jme
 in eroberung der Schlacht/so er mit dem Muscowiter
 gethan/ergangen/Mit erklerung/was für
 statliche Beutten sein Kriegsvolck die Lyttawen/darvon
 gebracht vnnnd bekommen haben/
 Geschehen den 26. Januarij/dieses) 5 6 4. Jatz.

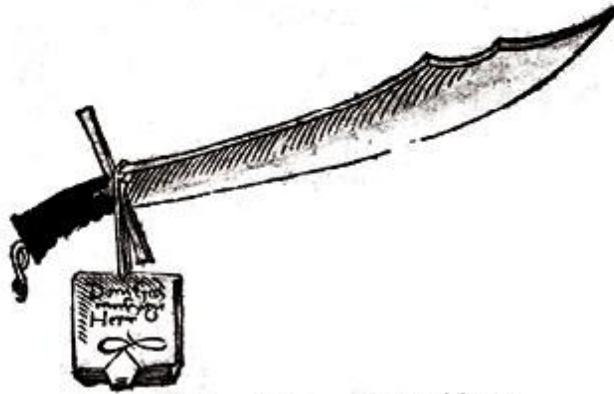

Титульный лист «летучего листка», посвященного битве при Уле 1564 г.

Издание: [Mikoiaj Radziwill]. Copen des Brieffes: Welchen der Littawische Hauptman gen Warschaw dem Herrn Raduill zugeschickt darinn er vormeldet wie es jme in Eroherung der Schlacht so er mit dem Muscowitter gethan ergangen Mit erklerung was für statliche Beutten sein Kriegsvolck die Lyttawen darvon gebracht und bekommen haben Geschehen den 26. Januarii dièses 1564. Nu`rnberg, 1564

Absag Brieff/
Königlicher Mayestat in
 Poln/te. dem Moscouittischen abscheulichen
 Tyrannischen Feind / durch einen fürnemen vom Adel/
 Lopacinski genant / von hochermelter Ko: Mayst:
 vor seinem Auszug / mit blosem Säbel
 jüngst überschickt.

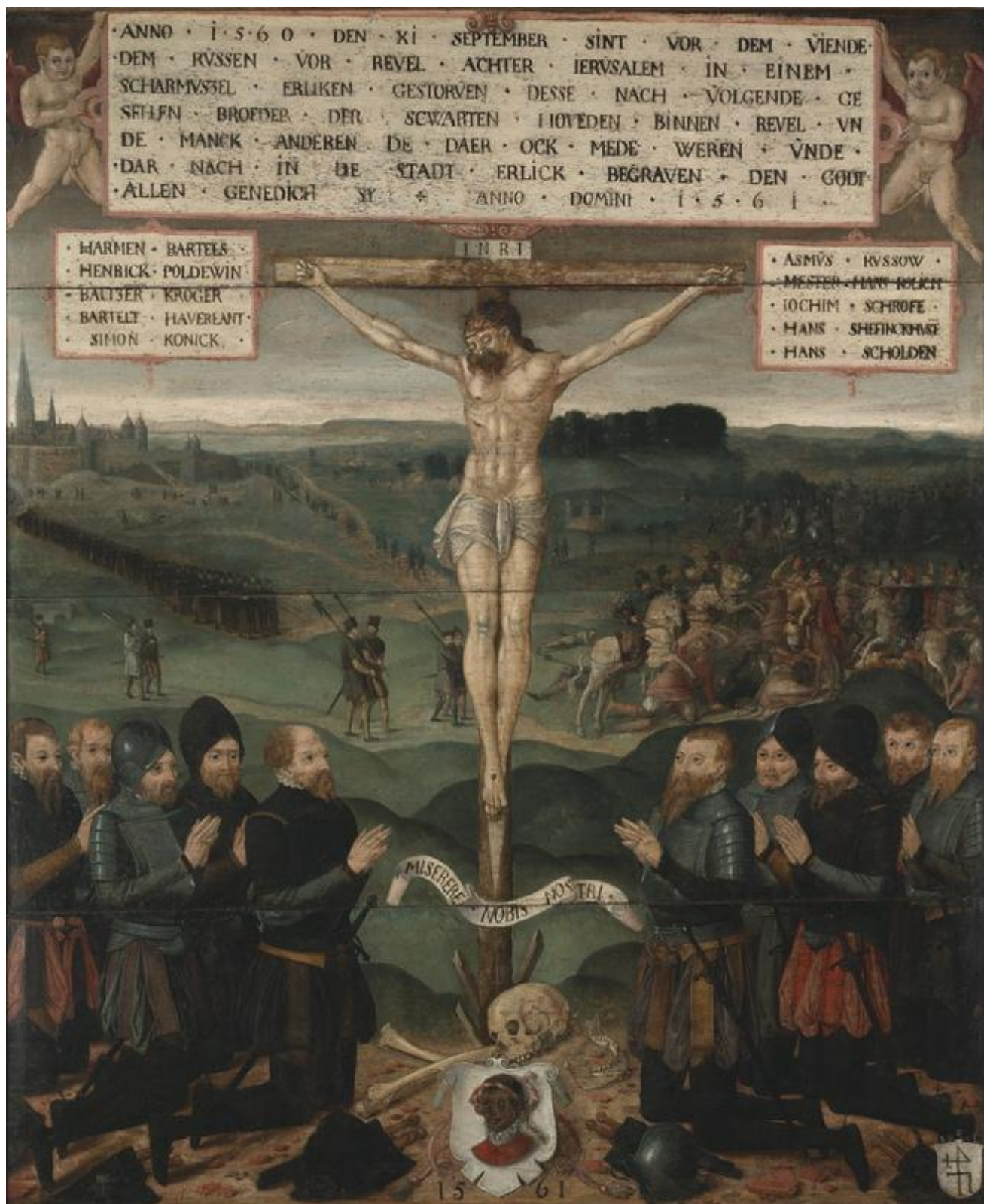
Neben sonderer Vermeldung / der grausamen
 unmenschlichen Tyranny / so der Moscouitter bisshero
 an den armen Christen / auch an Frawen vnd Jungfrawen /
 über natürlicher weiß begangen.

M. D. LXXX.

Титульный лист «летучего листка» об объявлении войны Стефаном Баторием
 Ивану Грозному

Издание: Absag Brieff Koöniglicher Mayestat in Polin etc dem Moscovittischen abscheulichen
 Tyrannischen Feind durch einen fürnemen vom Adel Lopacinski genant von hochermelter Ko:
 Mayst: vor seinem Auszug mit blosem Saebel jüngst überschickt. Neben sonderer Vermeidung der
 grausamen unmenschlichen Tyranny so der Moscovitter bisshero an den armen Christen auch an
 Frawen und Jungfrawen uüber natürlicher weiss begangen. Nuürnberg, 1580

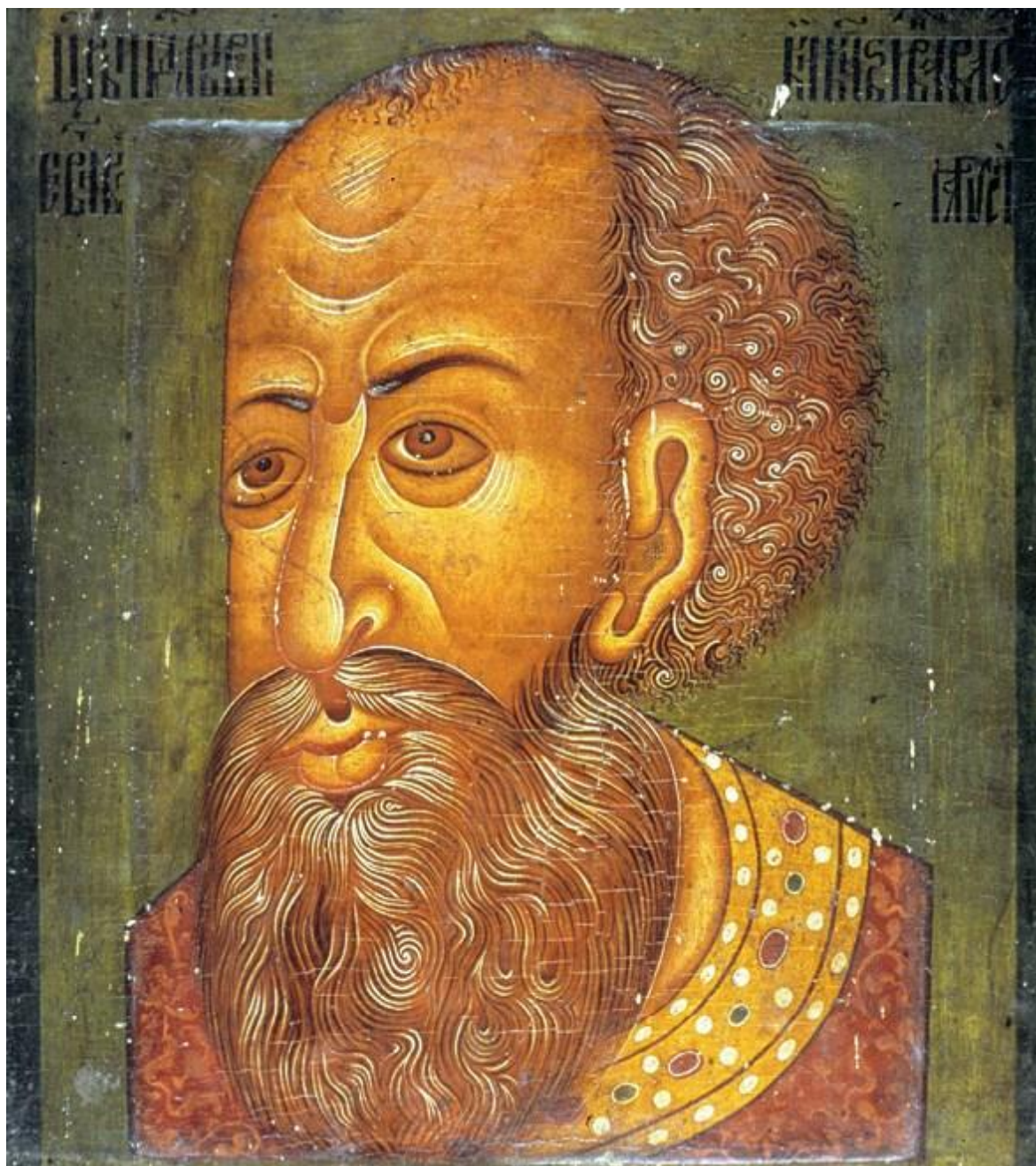
Ламберт Гландорф. Эпитафия Братства черноголовых. 1560. На картине изображена оборона Ревеля от русских войск, городское ополчение Ревеля
 Городской музей Таллина/Tallinna Linnamuuseum

Неизвестный художник. Портрет женщины, возможно Анны Ягеллонки, королевы Польши
1570–1580. Рейксмюсеум, Амстердам

Жан де Корт. Генрих Валуа, герцог Анжуйский
Рисунок. 1573. Национальная библиотека Франции. Фото: [gallica.bnf.fr/Bibliothèque nationale de France](http://gallica.bnf.fr/Bibliothèque_nationale_de_France)

Так называемый «Копенгагенский портрет» Ивана IV
Нач. XVII в. Национальный музей Дании, Копенгаген

Ян Пунт (гравер). Портрет Стефана Батория, короля польского и великого князя литовского
 Гравюра. 1751. Рейксмюсеум, Амстердам

Литовский всадник. Из серии гравюр, приписываемых Аврааму де Брейну. 1577. Рейксмюсеум, Амстердам

Московитский вельможа. Из серии гравюр, приписываемых Аврааму де Брейну.
1577. Рейксмюсеум, Амстердам

Московитский офицер. Из серии гравюр, приписываемых Аврааму де Брейну.
1577. Рейксмюсеум, Амстердам

Московитский всадник. Из серии гравюр, приписываемых Аврааму де Брейну. 1577. Рейксмюсеум, Амстердам

Польский оруженосец. Из серии гравюр, приписываемых Аврааму де Брейну. 1577. Рейксмюсеум, Амстердам

Польские музыканты. Из серии гравюр, приписываемых Аврааму де Брейну.
1577. Рейксмюсеум, Амстердам

Польские всадники. Из серии гравюр, приписываемых Аврааму де Брейну.
1577. Рейксмюсеум, Амстердам

Русский всадник. Из серии гравюр, приписываемых Аврааму де Брейну. 1577. Рейксмюсеум, Амстердам

Георг Мак. Взятие города Полоцка в Литве польскими войсками Стефана Батория. Гравюра на дереве. 1579. Британская библиотека. Фото: Zeno.org

Фрагмент картины Карла Брюллова «Осада Пскова» (1839–1843)
Государственная Третьяковская галерея, Москва